ЛИРИКА

ВЯЧЕСЛАВ
ДАВЫДОВ
(БАРУХ)

ВЯЧЕСЛАВ ДАВЫДОВ
(БАРУХ)

ЛИРИКА

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ТЕЛЬ-АВИВ
TERRA INCOGNITA
2017

Vjacheslav Davydov (Baruh)

Lirica

© 2017

All rights reserved
By the author

Edited by Mark Kotlyarskiy

Design of the cover
By Alexander Prokopchuk

Design of the book
By Alex Sheingart

Format 140 x 210
Paper - Offset

Printed by "Shahav Dfus»
9 Perets st. Tel-Aviv

Вячеслав Давыдов (Барух)

Лирика

© 2017

Все права
принадлежат автору

Редактор Марк Котлярский

Дизайн обложки, иллюстрации
Александр Прокопчук

Графика, верстка -
Александр Шейнгарт

Формат 140 x 210
Бумага офсетная

Отпечатано
в типографии «Дфус Шахав»
Тель-Авив, ул.И.Л.Перец, 9

ISBN 978-965-92605-4-6

Phone 052-8336103

Beer-Sheva

Телефон 052-8336103

Беэр-Шева

e-mail: slavadavidov12@gmail.com

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Портрет работы Натальи Ланге

Вячеслав Давыдов (Барух) родился в Москве 6 октября 1946 г. По профессии - музыкант, доктор искусствоведения. В 1969 году окончил Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского по классу гобоя, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гобой в инструментальной музыке XVIII века» (в Израиле приравнена к докторской), в течение 15 лет преподавал на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории. В России освоил вторую профессию экскурсовода. Автор публикаций в области искусствоведения и краеведения. Литературой серьезно увлекся в 22 года, работал в жанрах прозы, поэзии, драматургии.

В Израиль репатриировался вместе с семьей в 1991 г. Первое время жил в Иерусалиме, затем в Офакиме, где преподавал в музыкальной школе, работал на археологических раскопках. С 2000 г. житель Беэр-Шевы, член литобъединения «Негев».

В 1999 г. принят в Союз писателей Израиля. Выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1998), «На своей земле» (2001). Как журналист, постоянно публикуется в русскоязычной периодической печати, имеет публикации в альманахах «Роза ветров», «Хронометр», «Возвращение в Сион», «Наше слово», «Поэты Офакима», «Горизонт», «Талисман пустыни», «Мирвори» и др. С 2003 г. член редколлегии «Кавказской газеты». Автор 12 пьес, одна из которых - «Развод по-кавказски» поставлена на сцене Кавказского театра в 2010 году. Спустя год вышел в свет сборник новых пьес под названием «Это

Израиль!», и в 2013 году издана книга «Воин, общественник, поэт», посвященная С.Н. Юханову.

В последующие годы вышли книга автобиографической прозы «Со мною ты, юность моя» (2014), сборник статей, рассказов и рецензий «О людях, об искусстве, о себе» (2015), сборник путевых очерков «Записки израильского путешественника» (2015) и сборник пьес «Вождь против фюрера» (2016).

ОТ АВТОРА

Перед читателем мой новый поэтический сборник «Лирика», в который вошли избранные стихи, писавшиеся на протяжении всей почти моей жизни. Надо сказать, что, в отличие от большинства пишущих, начинавших сочинять стихи в раннем возрасте, я пришел в поэзию довольно поздно – в 23 года, перед этим успев попробовать свои силы в прозе и драматургии. Это случилось весной 1970 года, когда на меня неожиданно нахлынули поэтические волны и сами собой родились первые строчки:

Весна, весна! Я жадно пью
Твой воздух чудный, новый.
Я сам себя не узнаю, -
Повсюду шум веселый.

Поэзия привлекает меня возможностью в строгой, лаконичной форме выразить свои мысли, чувства и переживания. Потребность писать стихи была у меня всегда. При этом я отдаю себе отчет, что, по большому счету, не могу называть себя поэтом и претендую лишь на скромное место в иерархии поэзии. Выпуск данного сборника приурочен к моему 70-летнему юбилею, которому был посвящен выход двух моих предыдущих книг – сборника статей, рассказов и рецензий «О людях, об искусстве, о себе» (2015) и сборника пьес «Вождь против фюрера» (2016), вышедших в Тель-Авиве в том же издательстве «Терра инкогнита».

Сборник стихов «Лирика» - это уже мой четвертый поэтический сборник. Ему предшествовали сборники «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1998) и «На своей земле»» (2001). С момента выхода третьего сборника прошло 16 лет, - за это время появилось много новых стихов, что и побудило меня выпустить новый поэтический сборник. Вместе с тем, мне захотелось включить в него избранные стихи из предыдущих сборников, чтобы читатель мог получить более полное представление о моем поэтическом творчестве. При этом, сле-

дуя своему принципу «Нет предела совершенству», я подверг прежние стихи весьма строгому, взыскательному редактированию, так что многие из них предстанут вниманию читателя в новом виде.

В соответствии с задуманным планом, книга «Лирика» состоит из четырех частей. Первые три части включают в себя стихи из трех предыдущих сборников и сохраняют их название. В первую часть – «Союз двух муз» входят стихи о музыке, во вторую – «Россия издалека» - стихи о Москве и России, в третью – «На своей земле» - стихи об Израиле. В четвертую часть вошли новые стихи, написанные после 2001 года, а также некоторые прежние стихи, сочиненные до этого года и по каким-либо причинам не попавшие в предыдущие сборники. При этом каждая часть делится на разделы по тематическому признаку.Все стихи датируются годом написания, что дает возможность читателю проследить за эволюцией моего поэтического творчества.

Тематика стихов, включенных в сборник «Лирика»,весьма разнообразна. Прежде всего, это очень близкие мне темы исторической судьбы еврейского народа, страны Израиля, моей родины России, музыкального искусства. В книге также помещены лирические стихи и посвященные светлой памяти ушедших, среди которых люди знаменитые, мои коллеги и друзья. Будучи заядлым путешественником, я включил в сборник множество стихотворений, написанных под впечатлением от достопримечательностей и природы тех городов и стран, в которых я побывал. Первой страной, которую я посетил с Людмилой, был Египет. Затем я побывал в Греции, Иордании, Австрии, Германии, Америке, Франции, Италии, Англии, Венгрии, Чехии, Испании, Португалии, Польше, Словакии, Швейцарии, Белоруссии, Азербайджане. Также несколько раз после репатриации в Израиль ездил в Россию, по которой, как и по республикам бывшего Союза, в свое время хорошо попутешествовал. Многие впечатления от этих поездок нашли отражение в моих стихах. Словом, перед читателем, пожелавшим

прочитать мой новый поэтический сборник, вся моя жизнь будет лежать, как на ладони...

В заключение я хочу выразить благодарность Марку Котлярскому за редактирование книги, Алексу Шейнгарту за верстку и ее графическое оформление и художнику Александру Прокопчуку за дизайн обложки и иллюстрации.

Я не поэт, но образы и чувства,
Теснясь, кипят, волнуются во мне.
Пусть тайна есть поэзии искусство,
Тянусь к нему все больше, все сильней.

Но пусть не думают в незнанье люди,
Что к славе я стремлюсь. К чему она?
Нет, просто на досуге петь я буду
И открывать, чем грудь моя полна.

Скажу:мне не дано быть Маяковским, -
Его стихия строф не для меня.
Предпочитаю пушкинским я слогом
Творить стихи, традиции храня.

И эту страсть никто отнять не сможет, -
Она во мне часть лучшая моя.
И знаю: только творчество поможет
Познать мне мир, людей да и себя!

Хочу в стихах воспеть из муз
Я ту, что Музыкой зовется.
Был с детства наш скреплен союз,
И легче мне с тех пор живется.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
СОЮЗ ДВУХ МУЗ
(СТИХИ О МУЗЫКЕ)

Раздел 1. Классики и романтики

Союз двух муз

Средь милых сердцу муз есть две, друзья,
Которых с давних пор я обожаю.
О них спокойно говорить нельзя, -
Пред ними я колена преклоняю.

Богини древние! Предстаньте тут!
В руке одной из них свирель я вижу.
Недаром Музыкой ее зовут, -
Мне с детских лет она дороже, ближе.

Мгновенно чутким становился слух,
Как только Муза звуки издавала.
И трепетал завороженный дух, -
И растворялись в музыке печали.

Как будто звуки обещали всё:
Любовь и радость, счастье и блаженство.
В них слышалось знакомое, своё
И красоты сияло совершенство.

А в юности другая Муза мне
С приветом нежным руку протянула, -
Поэзия явилась в тишине
И душу мне глубоко всколыхнула.

Она мне заново открыла мир
И сладкими созвучьями пленила, -
И позвала меня на жизни пир,
И рифмой звонкогласной одарила.

И наконец я выразил себя,
И в стройном Слове дух мой воплотился.
И думалось: стихи моя судьба, -
И творчеством с тех пор воспламенился.

Но с Музыкой по-прежнему дружу, -
Я за Союз обеих Муз священный.
Гармонию в их даре нахожу,
На жизнь, на труд и подвиг вдохновленный!

1986

Музыке

Хочу в стихах воспеть из муз
Я ту, что Музыкой зовется.
Был с детства наш скреплен союз, -
И легче мне с тех пор живется.

Не замечал я дней, ночей,
Ее огнем воспламененный,
Искал я жадно встречи с ней,
В ее гармонию влюбленный.

А после бури, в тишине,
Она, как ангел-утешитель,
Лила бальзам на душу мне,
Была единственный спаситель.

О Муза! Лишь одной тебе
Благодаря, познал впервые
Я радость высшую в борьбе
И стоны скорби вековые,

Любви пылающий восторг
И мудрость жизни бесконечной,
В тебе я слышал зов эпох,
Народный дух – живой и вечный.

Тебя иначе как родной
Я не могу назвать, о Муза,
И знаю: нашего с тобой
Ничто не разорвет союза!

1972

Итальянское барокко

Землядревнейшего наследства,
Страна великой красоты,
Страна, куда стремимся с детства,
Лелея тайные мечты.

Мы видим дивные картины:
Весь в блеске голубой простор,
Великолепные долины
Среди лесистых сизых гор.

А у Вивальди вся природа
С чудесной музыкой слилась, -
И для времен различных года
Своя мелодия нашлась.

Ликует жизнь в мажорном тоне,
А рядом смерть и боль разлук, -
И плачут звуки Альбинони,
Когда веселие вокруг...

Средь праздника гавот Корелли
Нас радостью живой бодрит,
Гобой в Адажио Марчелло
Печалью скорбною томит.

Неугомонный Чимароза
Задорным смехом вдруг пленит
И грустью по увядшим розам
Сицилианой прослезит...

1993

Вселенная Баха

Его звать надо не Ручей, а Море, -
Сказал Бетховен некогда о нем.
Не только океанские просторы, -
Весь мир объял он в творчестве своем.

Гудит орган, и звуки в страстной вере
Вновь славят всемогущего Творца,-
Того, кто дал ему сверх всякой меры
Власть над гармонией и свет венца.

Звучащий океан в душе тревожен, -
Бушует он, страстями весь кипит.
Как мир людей и мелок, и ничтожен,
Среди которых приходилось жить.

Спасенья в жизни нет от смерти, тлена, -
Оплакал первую свою любовь.
И льется бесконечно кантилена,
Боль утешая лучше всяких слов.

И поднимался он к высотам Духа,
Где дали открывались перед ним.
Ловя гармонию Вселенной слухом,
Он с Богом там беседовал самим.

Потом на землю грешную спускался,
Любил, как все, смеяться и шутить,
И в менуэте – строгом ритме танца
Народный юмор метко проявить!

1993

Примечание. *Слово «бах» в переводе с немецкого означает «ручей»*

Звучит Иоганн Себастьян Бах

Посвящается фортепианному дуэту
Елены Сорокиной и Александра Бахчиева

На сцене – два рояля, ноты, стулья,
В партере – шум, движенье, бархат, шелк...
Вдруг зал, гудящий как в пчелином улье,
При появленье музыкантов смолк.

Аккорд. И состязанье фортепьяно
С оркестром начало, ведя то спор,
Со скрипками вступив в беседу рьяно,
То нежный, задушевный разговор.

От звуков веяло могучей силой,
Таившей бодрый жизненный заряд,
И тема в разных красках проходила,
Стремясь себя в движенье исчерпать.

Затишье. В небеса открылись двери.
Мелодия о горе говорит.
Ведь жизнь несет и радость, и потери, -
И сердцу надо в звуках скорбь излить...

Ее сменяет вновь задор в финале.
Опять ключом напор веселый бьет.
И прочь все отметаются печали, -
Лишь тень от них то здесь, то там мелькнет.

Случайное и мелочное скрылось.
В душе сияла лишь одна любовь.
И чувствуем, как мы преобразились,
Энергией заряженные вновь...

1984

Гендель в Израиле

Борьба и неудачи дух сломили, -
Настиг еще один удар судьбы.
Оставили его, казалось, силы,
Как вдруг вдали раздался зов трубы.

Звук рос и возвещал приход Мессии, -
Забрезжил свет победы впереди.
Воскресшая могучая стихия
Сметала все преграды на пути.

Он с Англией в минуты роковые.
Не опера, ласкающая слух,
Нужны теперь мелодии иные,
Что поднимали б людям в битвах дух!

История еврейского народа
Ожила в оратории большой,
И радость обретения свободы
Воспел он в звуках как никто другой.

Воскресли имена героев давних –
Моше, цари Саул и Соломон,
И Маккавеи – грозный щит бесправных,
Эстер, Дебора, Навин и Самсон.

Одни вожди бессильны без народа,
Чей голос слышим в мощности хоров.
И в скорбных звуках после их ухода
Народ оплакивал своих сынов.

И Гендель повторил судьбу Самсона,
Когда навеки погрузился в тьму, -
Мечтал он слиться с Богом в унисоне,
Кто творческую силу дал ему!

1996

Улыбка Гайдна

Ласкают слух наш звуки серенады,
И дышат безмятежностью они.
А сердце солнцу, жизни, свету радо,
Как будто не тревожны наши дни.

У Эстергази ты служил искусству –
Вдали от блеска, грохота столиц.
И средь природы расцветали чувства,
И в музыку вплетался щебет птиц.

Но был знаком тебе и час печальный, -
В душе, как и в природе, бури есть.
Рождались звуки грустные «Прощальной»,
Как против воли княжеской протест.

И все же, Гайдн, веселая улыбка
Тебе шла в жизни больше, чем печаль, -
И все невзгоды в этом мире зыбком
Ты очень часто с юмором встречал.

А сколько шуток, озорства, потехи
Ты в менуэты вкладывать был рад, -
Рассыпаны лукаво искры смеха
В Аллегро всех симфоний и сонат.

И в старости, обняв жизнь мудрым взглядом,
Остался, Гайдн, ты духом молодой.
И льются звуки светлой серенады,
Вливая в нас отраду и покой.

1993

Моцарт *(два сонета)*

1

Ты пришел в этот мир, как из сказки,
Чтоб помочь нам о горе забыть.
Сколько солнца, энергии, ласки
Мог ты людям без меры дарить!

Ты постиг красоту совершенства
И проник в тайну тайн ремесла,
Ты открыл нам отчизну блаженства,
Где лишь радость, а грусть так светла.

Пусть тебя угнетала жизнь часто,
В царстве звуков ты был полновластен, -
И свободно там дух твой парил.

Окрыленные музыкой света,
Слышим: дышит гармония эта
Всей любовью, которой ты жил!

1976

2

О, Моцарт, творил ты, не ведая срока,
И рано ты славу и счастье узнал.
И люди тебя принимали за Бога,
Который искусством своим изумлял.

Но был предназначен тебе путь Пророка,
И новый ты голос в себе услыхал, -
То грозный и властный звучал голос Рока,
И меркнуть стал солнечный твой идеал.

Так что же есть жизнь? – Смех, любовь,
наслажденье?
Иль горькая чаша страданий, тревог?
А смерть – это мрак иль от бед избавленье?

Забытым и нищим покинул мир Бог.
Осталась жизнь сердца – то музыки звуки,
В которые вылились радость и муки...
1984

Судьба Бетховена

Начало жизни счастье обещало,
И в звуках молодой задор, лазурь.
Казалось бы, ничто не предвещало
Прихода мрачных туч и грозных бурь.

Несущийся с горы поток, чьи воды
Вдруг встретили преграду на пути.
Могучий лев, лишившийся свободы
И накрепко прикованный к цепи...

Вся жизнь жестоким поединком станет
С невидимым противником теперь.
И ярость схватки в музыке предстанет, -
Судьба, он скажет, так стучится в дверь.

Любого так из нас грозы раскаты
Застигнуть могут, беды протрубя.
И шквал звучаний «Аппасионаты»
Напомнит людям: жизнь и есть борьба!

И в ней любовь поддержкой твердой будет,
Горя священным факелом своим.
Где б ни был он, была всечасно, всюду
Далекая возлюбленная с ним.

К лесам, к природе жадно устремлялась
Его неукротимая душа, -
Среди просторов к жизни возрождалась,
Идиллией восторженно дыша.

И в звуках воплотил он страстно веру
В грядущее единство всех людей.
Познав сомненья, пережив потери,
Похитил Радостьон, как Прометей!

Но веселившейся и праздной Вене
Не нужен был Божественный огонь.
И, погрузившись в мир своих творений,
Ввысь воспарил над всей Землею он.

Мятежный дух в последних сочиненьях
К гармонии нашел желанный мост, -
В них истины явились озаренья
И отразился блеск далеких звезд...

1984

Путь к Радости

(Девятая симфония Бетховена)

Всю жизнь он шел к нему – Творенью,
Чтоб тему Радости воспеть.
И было трудно восхожденье
Туда, сиял где вечный свет.

Он волей наделен железной,
Но, очень тонкий, гаснет слух.
И, утонув в безмолвной бездне,
Клокочет одинокий дух.

За что судьба к нему сурова?
И к небу в нем растет упрек.
Иль суждено тебе, Бетховен,
Страдать лишь в отведенный срок?

Мир звуков перед ним закрылся.
Как без надежды дальше быть?
И дух в нем к Радости пробился,
Найдя в себе опору жить!

В любви спасенье. К ней – любимой
Обращены мечты в тиши.
Овеяно бессмертьем имя,
В ком он нашел родство души.

Адажио сентиментально.
И зреют силы пред борьбой.
Природа в звуках пасторальных
Дарит отраду и покой.

Подъем окончен. Дух свободный
Вершины, наконец, достиг, -
И Космос, верой озаренный,
Ему открылся в тот же миг.

Творцу он вновь раскрыл объятья,
Свершив назначенный Им путь:
Провозгласить, что люди – братья,
И Радость в их сердца вдохнуть!

1994

Серенада Шуберта

Влюбленный поет серенаду.
И сердце сжимают тиски.
Что ж в песне так мало отрады,
И столько в ней грусти, тоски?

Тяжелую цепь испытаний
Певцу посылала судьба.
Что грело душевные раны?
В чем веру черпала борьба?

В ней – Музыке радость светилась,
Ниспослан Божественный дар.
В ней дивная сила таилась,
Даря утешения жар.

Дорога куда-то манила,
И пела вода веселей.
Дочь мельника сердце пленила,
Но слезы упали в ручей.

За летом шли стужа и беды...
А дальше путь зимний лежал.
Лишь тот чашу жизни изведал,
Кто мрак одиночества знал.

Кто в бездну отчаянья падал
И слышал на снежном пути
Крик ворона, евшего падаль,
Шарманки унылый мотив.

Но в сердце, как прежде, звучала
Лишь Музыка песней любви.
И нет ей конца и начала:
Приди, друг, и дух оживи!

1993

Песня без слов Мендельсона

Мелодией скрипка чарует нас всех, -
Полны меланхолией звуки.
Сулила судьба ему счастье, успех,
Не тронули беды и муки.

Всевышний по-царски его одарил,
Вручив ему нежную Лиру,
А свадебный марш столько стран покорил,
С триумфом шагая по миру.

Ему двадцать лет. Всё отрадно уму.
Он сердцем проник в тайну Баха.
И муза страданий открыла ему:
Того, кто несет свет, ждет плаха.

Пронзила его мировая печаль,
И душу очистили слезы.
И вот потянула дорожная даль,
И в Летнюю ночь снились грезы.

Италия сердце его увлекла
Своей тарантеллой огнистой.
Шотландия горная дух потрясла
Природой суровой, скалистой.

Постиг он, что люди подобны слепцу, -
Нажива их души убила.
Он с трепетным чувством стремился к Творцу,
Ища в нем поддержку и силу.

Он звуками людям напомнить хотел
Про путь Элияху-пророка, -
Забыли в извечной своей суете
Заветы верховные Бога.

Ему не прощали еврейскую кровь,
Напевы его запрещая.
Но снова пленяет нас Песня без слов,
Лучами любви согревая...

1996

Грезы Шумана

Он Музыке с детства служил неустанно.
Два образа в сплаве одном, -
И спорила бурная страсть Флорестана
С мечтою Эвсебия в нем.

Сменяются лица, явления, маски,
А жизнь - как сплошной карнавал.
И слышатся всюду легенды и сказки,
Заманчивой кажется даль...

Растет половодье весеннее звуков,
Бушуя, волнуясь в груди.
Рассеет печали, сомнения, муки
Давидово братство в пути.

Исполнилось всё, что так сердце хотело,
И Клара любимая с ним.
Так что же не знает он в грусти предела,
Тоскою тревожной томим?

Им – людям не надо святого Искусства,
В них дух филистерства витал, -
Их лучшие мысли, желанья и чувства
Присвоил презренный металл.

В тоске погружался он в царство молчанья,
И Манфредом стал меж людей.
Стеной окружаемый непониманья,
Он в думе замкнулся своей.

Стиралась граница меж дивною мечтою
И явью – источником слез,
Пока навсегда не закрыл за собою
Дверь в мир фантастических грез...

1996

Сердце Шопена

Я слышу мятежные звуки
Взволнованной страстью души,
Кипящей и стонущей в муках,
И жаждущей счастья в тиши.

И в душу нисходит мечтанье, -
С ним светлые звуки пришли,
Овеяны воспоминаньем
О родине милой вдали.

О,Польша! Дана ты в наследство.
Но он не вернулся к тебе,
Чтоб жить впечатленьями детства,
Мечту не разрушить в себе...

И сердце Шопена вместило
В себя, как чудесный сосуд,
Великую нежность и силу,
Любовь и свободу от пут.

Но хрупким сосуд оказался, -
Реальность разбила его.
И он раскололся, распался,
А люди не знали всего...

От жизни, погасшей в расцвете,
Остались лишь звуки одни.
Живущим на этой планете
Дарят слезы счастья они!

1993

Звучит Шопен

Посвящается пианистке Наталье Деевой

Рахманиновский зал. Сегодня
Тут снова властвует Шопен.
Полет фантазии свободный
Меня взял снова в дивный плен.

Тут люди многие с работы,
Уставшие от сотен дел.
На лицах вижу я заботы, -
Достался трудный им удел.

Но чудо: лишь воскресли звуки,
И напряженья будто нет, -
То вдохновенно Ваши руки
Из клавиш высекают свет!

Шопен... Он также ведал слезы
И знал вкус горя и беды,
Но обретал в Искусстве грезы,
Сны золотые и мечты.

И все житейские волненья
Он помогает нам забыть,
Даря прекрасные мгновенья...
Лишь ради них нам стоит жить!

1991

Раздел 2. Русская Симфония

Музыканты на Арбате

Пройду я в тишь Арбатских переулков,
Увижу дорогие адреса,
Где во дворах уютных и негулких
Рождались звуки, трогая сердца.

Чайковскому Арбат дал вдохновенье
И силы творчества в него вдохнул.
Он был свидетель «Зимних грез» рожденья,
Где слышится печаль и чувств разгул.

Чтит Рубинштейна русская отчизна,
Кто, ревностно служа Искусству, стал
В Москве душою музыкальной жизни, -
На весь Арбат гремел его рояль!

Танеев, композитор всеми чтимый,
Был музыкальной совестью Москвы.
С Арбатом неразлучно это имя, -
Пройдите в Чистый переулок вы.

Увидите там домик тихий, скромный,
Где в небо церковь Власа вознеслась.
Хочу, чтоб вновь струей незамутненной
Божественная музыка лилась.

Танеевские вторники надолго
Оставили в Москве свой яркий след.
Какие люди были здесь и сколько! –
То русского искусства лучший цвет!

Рахманинов! Преодолев волненье,
И он ходил на эти вечера
И выносил на суд свои творенья, -
Дышала страстностью его игра!

Вот здесь – в арбатских улочках негулких
Рахманиновский гений расцветал.
В Серебряном и Плотников проулках
Он, юный, жил, влюблялся и страдал.

А в доме на Воздвиженке зеленом,
Где некогда сдавались номера,
Кончиною Чайковского сраженный,
Над Трио он работал до утра.

Еще один есть старый дом московский,
Влекущий так безудержно к себе.
А вот и Сивцев Вражек, где Мясковский
Жил в непрестанной внутренней борьбе.

Здесь – в переулках старого Арбата
Услышал он трагедию страны.
Тут выразил надежды и утраты
В симфониях он мира и войны...

1989

У дома Чайковского

На площади Кудринской домик стоит –
Чуть желтый, старинный, московский.
На доме с волненьем я вижу гранит:
«Здесь жил и работал Чайковский».

Но чем полюбилась Москва ему так?
Романсами? Духом ли вольным?
Иль древней своей красотой на холмах?
Иль звоном своим колокольным?

И стала родным ему домом она, -
В ней Музыки диво рождалось.
И в звуках «Снегурочки» пела «Весна»,
Татьяна в мечты погружалась...

Откуда в нем эта глубинная грусть,
Сердечной элегии звуки?
Иль с песней печальной вошла в него Русь,
Некуда скрыться от скуки?

Так знал ли он счастье в любви, средь борьбы?
И есть ли оно – это чудо?
Возможно ль на свете уйти от судьбы,
Людей стерегущей повсюду?

Москва композитору стала тесна,
И быт он сменил на дорогу,
Чтоб в странствиях дальних познать жизнь сполна,
Рассеять хандру и тревогу.

Но в город, где славу и беды вкусил,
Он всё-таки вновь возвращался.
И горькой любовью Москву он любил,
Где гений его зарождался...

1990

В гостях у Чайковского

(Дом в Клину)

Оставлены скитанья и тревоги,
Исполниласьзаветная мечта:
Жить в доме с мезонином у дороги,
Что на краю в Клину стоял тогда.

Кругом картины дивные природы,
Которую он так боготворил.
Лишь рядом с ней он чувствовал свободу
И с радостью восторженной творил!

Чайковскому легко тут сочинялось
В тиши простого дома своего.
А вот тот самый стол, где создавалось
Последнее творение его...

Что он хотел поведать в этих звуках,
Тревожно возникающих в тиши?
Мы слышим искреннюю исповедь о муках
Мятущейся в сомнениях души.

Такого музыка не знала напряженья
Борьбы с враждебной силой роковой:
В ней гибельный исход, надежд крушенье,
Погасшей жизни слезы и покой...

Так был ли он – великий композитор -
Среди людей и в жизни пессимист?
Оставил он и град Москву, и Питер,
Чтоб видеть, как растет из почки лист.

Среди лесов, полей в груди рождался
Прилив могучий света и любви,
И сам собою гимн-призыв слагался:
Красу родной земли благослови!

А грусть в нем оттого, что те мгновенья
Не повторятся больше никогда.
И тем острей о прошлом сожаленье,
Что не вернутся прежние года...

1983

Океан-море-синее Римского-Корсакова

Нам слышится в звуках спокойное море, -
И бочку качает волна за волною...
Три чуда утешат Салтана в том горе,
И Лебедь-царица пленит мир красою.

Скажите, откуда в морском офицере
Волшебные чары поэзии, сказки?
Влюбился в морскую стихию без меры,
Его поразившую бурей и лаской.

Быть может, напел свои дивные песни
Гусляр новгородский Садко – гость торговый?
Дочь моря, заслушавшись песен прелестных,
В слезах растеклася рекой Волховою.

Открылась дорога вдруг к синему морю.
И вместе с Садко в кораблях вокруг света
Дружина плывет по морскому простору, -
Его чудесами прельщает планета.

Венеция – храмом из золота, кости,
Заморские страны – призывом Пророка.
Чарующа песня Индийского гостя,
В которой вся нега, вся пряность Востока.

А ярость большая царя Шахрияра
Бушует, как море, не зная пощады.
О жизни моля, как о редкостном даре,
Смирит его сказками Шехерезада...

1996

По прочтению псалма
(Танеев в Дютькове)

...Мне нужно сердце чище злата,
И воля крепкая в труде,
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде.

А.Хомяков

Слова псалма царя Давида в звуках
Достойно воплощение нашли,
Заветы Бога в поисках и муках
Могучее звучанье обрели.

Любил Танеев место это страстно, -
Швейцарскую природу под Москвой.
Как в Дютькове привольно и прекрасно, -
Холмы покрыты гривою лесной!

Недаром Левитана так тянуло
Запечатлеть Звенигородский край.
Здесь небеса в Москве-реке тонули,
Для вдохновения – простор и рай!

Всё к творчеству легко располагало, -
И лился чистых звуков тут поток.
В Искусстве сделано за жизнь немало,
И можно подводить теперь итог...

Пришел он к музыкальному Порогу,
Что встретилс верой сердца и ума.
Душа его была созвучна Богу
И мудрой по прочтении Псалма.

Увы, о старом домике забыли, -
Тревожные настали времена.
Творил он, чтобы люди лучше были,
Но Музыка им нынче не нужна...

1991

Скрябин на Арбате

Арбат! Старинной прелестью чаруя,
Опять к себе притягиваешь ты.
Ко храму Афанасия иду я,
Где он лелеял первые мечты...

Тут захожу во дворик я уютный,
Где кроны старой липы разрослись.
Не здесь ли Музыкой дышали будни
И русские мазурки родились?

Мне кажется, к Арбату не случайно
Душой стремился Скрябин на века.
И он, проникший вглубь великой тайны,
Дом выбрал у Николы на Песках.

Могучею поэмою Экстаза
Он целый мир сумел завоевать.
Но на Земле всё ж задыхался Разум, -
И в Космос начал взор он устремлять.

Идеей Предварительного действа
Желал он тут увлечь планету всю, -
Мечтал Искусством победить Злодейство
И Волю тысяч слить в одну – Свою.

Здесь он творил последние сонаты,
И тут, прощаясь с жизнью, умирал...
Как Прометей, в жилище на Арбате
Божественный огонь нам передал!

1991

Весна Рахманинова

В который раз весна в Москве в разгаре!
Как он любил ее и пылко ждал!
Живя здесь – в доме на Страстном бульваре,
Попасть скорей в Ивановку мечтал!

Случайно ли родился он весною,
Когда с крыш звонко падает капель?
Дух борется с цыганскою тоскою, -
И дарит вновь тепло душе апрель.

Наполнен воздух звоном колокольным,
Что во Втором концерте зазвучал.
Тогда – весной – в порыве чувства вольном
Трехлетнее молчанье он прервал.

И вновь в Москве неслась, как голос Рока,
Со всех сторон гудящая волна,
Но слышались набат в ней и тревога, -
Был год семнадцатый и шла война.

Большевикам в те дни не до искусства:
Мятеж, стрельба, и голод, холода.
С каким-то затаенно-грустным чувством
Сергей Россию покидал тогда...

И начались блужданья и скитанья, -
Вонзилась в сердце острая тоска.
Чтоб заглушить душевные страданья,
Он в Музыке спасения искал.

В России оживала вновь природа,
Но без него сиял апрельский день,
Гудел зеленый шум, бежали воды
И вновь цвела душистая сирень.

И русские бескрайние просторы
Ему являлись в светлых грезах-снах,
И Вокализ всем сердцем пел о горе,
Когда в полях звучала тишина...

И Музыки весенняя стихия
Нас вновь готова к жизни возродить.
О, Господи, спаси в беде Россию
И помоги тоску души избыть!

1991

Музыка весны

Когда забот гнетущих сердце
Вскружит мне голову, как вздор,
И полное тревоги сердце
Окрашивает жизнь в минор,

Когда кричащим диссонансом
Меж мной и миром ляжет тень,
И мысль о смерти жутким танцем
Меня буравит каждый день,

А звуки смеха и веселья
Сурдиною приглушены, -
Тогда, как узник избавленья,
Я жду прелюдию весны.

И вот вступает увертюра
Из сотен новых голосов,
И звон весенней партитуры
Мне будоражит слух и кровь.

Спешу за город птичьей пьесы
Наслушаться с восторгом я, -
И свежая баллада леса
Там снова возродит меня.

Шумит большой лесной оркестр
С оживившим сердцем в унисон
И теплый возвестит семестр,
Окрасившись в зеленый тон.

И вихри жизненной токкаты
Уж где-то далеко слышны,
И в грудь отраду льет соната
Пришедшей с поля тишины...

И в ней лирическая нота,
Возникнув, в тему разрослась –
В ту, что когда-то средь природы
В Рахманинове родилась.

Мир заполняла кантилена,
До неба ширясь от травы,
И сердце вырвалось из плена,
Звуча рапсодией любви!

В нем пробудились струны Лиры,
Концерт души услышал я, -
В симфонию он влился мира,
Мой дух к высотам вознося.

В моей груди Свобода пела,
Я снова счастлив был и горд, -
И радость, вера, жажда дела
Слились в торжественный аккорд.

Кругом гудел орган природы,
Будя надежд прекрасных сны, -
Всю эту мощь и Воли всходы
Несла ты, Музыка весны!

1984

Тема Прокофьева

К той улице слава пришла на века...
Вот рядом со МХАТом – напротив
Стоит серый дом, на котором доска:
«Здесь жил композитор Прокофьев».

Нас удалью с детства своей заразил
Марш-выход из «Трех апельсинов».
И бодрость вливает – ток жизненных сил
Седьмая симфония ныне.

И трудно поверить: рождалась она
Смертельно больным человеком.
Звучит в той симфонии тема одна, -
Стук сердца в ней слышится некий...

Стук сердца... Здоровье отняла война,
И – творческий взлет небывалый!
В нем Музыки новой вздымалась волна,
А жить оставалось так мало...

Одна ль виновата война, что в груди
Почувствовал боль композитор?
Год сорок восьмой был еще впереди,
И знаем, кто был инквизитор!

Приказ: к людям Музыке путь перекрыть,
Отныне – ярлык формалиста.
Но в нотах ничто он не дал изменить,
Оставшись пред Музою чистым.

Спасенье – в работе. Обиды – потом!
Пусть тычат, что «антинародный».
Данилу он с Каменным видит цветком
И славит в нем труд благородный.

Стук сердца... Известный крушитель основ,
И в лирике – чувств излиянье.
В симфонии слышится к жизни любовь
И мудрое с нею прощанье.

День пятого марта. День смерти Вождя.
Страна в тяжком горе рыдала,
Не зная, что в день тот погасла звезда:
Прокофьева с нами не стало...

1991

Подвиг Шостаковича

Мы с ним простились, голову склоняя, -
Напрасно смерть о милости молить...
Увы, недолговечна жизнь людская, -
Её пока нев силах мы продлить!

Болезнь так дух его и не сломила, -
Собрал в себе всё мужество своё.
В нем Музыка рождалась с прежней силой,
И он спешил запечатлеть её!

Пройдут года и целые столетья,
И поколенья сменятся не раз.
Какой предстанет им эпоха эта?
И что потомки будут знать о нас?

И в звуках Шостаковича правдивых
Они услышат наш – двадцатый век,
Сам пульс его, и чем мы были живы –
Как рос, мечтал, боролся человек.

Они услышат время революций,
Двух мировых – двух страшных самых войн,
Век потрясений, новых конституций,
Век водородных бомб и диких бойн.

А в дни войны не подвиг ли солдата
Он со страною вместе совершал,
Когда в любимом городе в блокаду
Симфонию Победы создавал?

И полные безмерной скорби звуки
Поведают родившимся потом,
Какие жертвы и какие муки
Пришлось народу заплатить притом.

И в век, что в ненависти к людям ярой
Евреев всяких прав на жизнь лишал,
Всю правду страшную о Бабьем яре
Он с Евтушенко миру рассказал.

Он совести самой был воплощеньем,
И Овод не случайно близок стал, -
В Романсе слышим мы любви цветенье
И чувств высоких светлый идеал!

1976

Синяя птица Наталии Сац

Есть старая, добрая сказка на свете, -
Ее детворе Метерлинк подарил.
За Синею птицей стремятся в ней дети,
Но та упорхает от них взмахом крыл.

Наталье Ильиничне вышло везенье:
Схватить эту самую птицу за хвост.
И птица на крыше, раскрыв оперенье
И с Лирой обнявшись, касается звезд.

Она вместе с птицею счастье поймала
И детям вручила его целиком.
И счастье то Музыкой дивною стало, -
И вот для нее возвели чудный Дом.

Театр у гор Воробьевых встречает
Детишек со всей необъятной Москвы, -
Ребят в музыкальном дворце ожидает
Невиданный мир Красоты и любви!

Герои из сказок и жизни сквозь муки
За Правду сражаются и Доброту.
И борется Музыка – ритмы и звуки –
За сердце ребят, за их душ чистоту.

За первый театр детей на планете
Навеки признательна Сац детвора, -
За то, что есть люди такие на свете,
Несущие свет нам надежды, добра!

1988

Академия музыки
(Московская консерватория)

Консерватория!Храм Музыки прекрасный!
Какие в памяти рождает имена!
Кто не горел учиться здесь мечтою страстной, -
Питомцами ее гордится вся страна!

И я учился музыкальным в ней наукам,-
Тут жадно тайны постигал Искусства я.
Здесь, на Большой Никитской, среди моря звуков
Прошла в счастливом сне вся молодость моя.

С глубоким чувством трепета, признанья
Я вспоминаю вас, учителя мои!
И наполняет радостью меня сознанье,
Что вы великий дух традиций сберегли!

Вам благодарен я, Большой и Малый залы,
За опьяняющий, роскошный звуков пир.
Тут Музыка не раз восторгом одаряла
И уносила ввысь – в волшебный, дивный мир.

Такой знакомый памятник: сидит Чайковский,
И Музыка звучит внутри, вокруг него...
Консерватория! Родной ты дом московский, -
И выше в мире нет призванья моего!

1991

Играет Святослав Рихтер

Вы слышали, как Рихтер исполняет
Прокофьева – сонату номер семь?
С начальных звуков вас ошеломляет
Неистовый напор враждебных тем.

Но зреют силы для сопротивленья,
И, как набат, звучит к борьбе призыв.
За ним – могучей жизни прославленье,
Победно-сокрушительный порыв!

Он, как Просперо в «Буре», вызывает
Из фортепьяно звуков мощный строй.
С какой свободой он повелевает
Рожденной им стихией звуковой!

Мы слышим Баха гений величавый,
Бетховенский огонь и героизм,
И юмор Гайдна, сочный и лукавый,
И Шуберта трагический лиризм.

В нем Шумана душевная мятежность,
Улыбка Моцарта в погожий день,
Шопеновская песенность и нежность,
И краски Дебюсси, и светотень.

В нем есть Чайковский с русскою печалью,
И скрябинская хрупкость и полет,
Рахманинов с его звенящей далью.
В нем мудрость Шостаковича живет.

Бесчисленных вершин он покоритель.
Необычайный дан ему талант:
Он и поэт, и зодчий, и мыслитель,
Но прежде он – великий – Музыкант!

И нам приоткрывается сквозь тайну
Жизнь сокровенная самой души,
И в звуках исчезает, что случайно, -
И слышится лишь вечное в тиши.

Его тотчас узнаете по стилю:
Поток течет кристальной чистоты.
На всем печать большой духовной силы,
Гармонии, порядка, красоты.

...Идет концерт. Везде, где можно, люди.
На сцене за роялем - пианист.
Зал, стихнув, замер в ожиданье чуда:
Играет Рихтер – Чародей, Артист...

1981

Раздел 3. Еврейский напев

Еврейский мотив

Памяти жертв Катастрофы

Наигрывал кларнет, как давний миф,
Чуть грустный, незатейливый мотив, -
И слышалась в нем жизнь души еврейской
В местечках и столицах европейских.
На свадьбах он звучал всем на потеху, -
То жаловался на судьбу кому-то,
То рассыпался в искрах смеха,
То надрывался в плаче почему-то...

Напев вдруг резко оборвали.
Растоптали.
Расстреляли.
Закопали.

И что с тобой теперь, безвестный музыкант?
Какое имя носишь? Может быть, Ицхак?
И где сейчас ты тратишь свой талант?
- За проволокой в три ряда.
И как зовут тебя? – Никак.
Лишь номер на руке и жалкая еда.
Овчарки. Вышки. Автоматы.
Эсэсовцы. Ругня. Солдаты.

Но повезло тебе, Ицхак.
Еще ты Рейху нужен.
Кларнет опять в твоих руках,
И фрак твой отутюжен.
Оркестр шпарит марш бравурный.
Ликуют звуки и бодрят, -
Несутся в небосвод лазурный.
А мимо –

Они идут за рядом ряд, -
Судьбой в одном потоке слиты,
Идут, идут, идут семиты.
Их тысячи и тысячи идут,
Не знающих, куда, зачем ведут....

Он знает – старый музыкант,
На шее – бабочкою бант.
Он знает, что за черный дым
Тут расстилается над ним.
Еврейство, музыке внимая,
Под молодецкий марш шагая,
Шло навсегда в небытиё,
Читая: «Каждому своё»...

Оркестр марш затем сменяет,
Вальс «Голубой Дунай» играет.
Кружилась Вена под него.
Ицхак не слышит ничего.
Не видит палочки, кружочки.
Сквозь призму слез –
Дрожат и пляшут ноты-точки...
И думы, думы неотступно,
И мысль сверлит, сверлит подспудно:

Что с ними?
Что с родными?

Запущенная адская машина
Работает бесстрастно, беспрерывно.
И, кажется, нет в этом мире силы,
Которая б ее остановила.

Где он, Всевышний?
Не Бог судьбу живых вершит отныне –
Кому дать жизнь, кого отправить в печь.

А тот, кем попраны святыни,
Кто возомнил себяв гордыне
Над целым миром властелином,
Наславшимна планету смерчь.

Лишь чудом вновь Ицхак на воле,
Но он не засмеется боле.
Как радоваться ей - свободе?
Он есть.Но нет его народа.
И нет на свете больше их, -
Их -самых близких, дорогих...

И боль как эту заглушить?
Как раны сердца залечить?
Иль, может, взять кларнет вновь в руки?
Душевные исчезнут муки?

И тихо зазвучал, как старый миф,
Чуть грустный, незатейливый мотив.
Напев внезапно оборвался.
Ицхак вдруг громко разрыдался.

Нет утешенья.
Нет забвенья.
Нет прощенья...

1996

Фрейлекс

посвящается памяти С.М.Михоэлса

Театру «Шалом» поклониться готов, -
Вернул Михоэлса он миру.
Я вижу героев Алейхема вновь,
Я слышу стенания Лира...

Как жаль, что на сцене его не видал,
- Мне было всего лишь два года,
Когда он из жизни ушел навсегда
По воле «отца всех народов».

Но голос дошел сквозь препоны времен
С его чудодейственной властью, -
Простые слова «Злой фашизм побежден!»
Дышали неистовой страстью.

Был Гитлер повержен. Остался лишь счет
За страшные муки, потери.
Что только не вынес еврейский народ, -
И горестям не было меры...

Но долго не должен звучать плач и стон, -
Увидела Бронная «Фрейлекс».
То вечный народа духовный огонь,
То Музыки пир и веселье!

Но, видно, Вождю было не по себе,
Что так Михоэлса любили, -
И точку поставил в актерской судьбе
«Аварией» автомобиля...

Иль, может, убили за то, что еврей,
Что взял под защиту культуру?
За то, что талантливей был и умней,
Чем те, кто вершил диктатуру?

Мечтая, чтоб сгинул последний фашист,
Он просто любил человека, -
Великий актер, режиссер, гуманист
И жертва жестокого века...

1995

Праведник мира

Посвящается композитору Меиру Минделю

Из бездны в тиши вдруг рождаются звуки
Простой камышовой японской свирели.
Они непривычны для нашего слуха,
Но струны печальные сердца задели...

И новые звуки потом возникают, -
То странные шорохи, стуки, бренчанье,
Как будто какие-то души стенают,
Покинув наш мир раньше срока в страданьях.

Мы знаем, чьи души там мечутся где-то, -
Звучат голоса наших братьев по вере.
То души сожженных, расстрелянных в гетто -
За то лишь, что все они были евреи...

А в теме оркестра боль острую слышим,
Что сердце создателя звуков пронзила.
И с душами скорбью одною мы дышим, -
И боль заглушить никогда мы не в силах.

Лишь чудом погибли не все. Нет, не чудом.
И тот, кто в живых в этом мире остался,
Спасеньем обязан неведомым людям,
Кто в страшное время помочь не боялся.

Посол Сугихара был скромным японцем,
Но Праведник мира теперь он навеки.
Что общего в нем и в еврее под солнцем?
Лишь как человек он любил человека...

1996

Вокализ

Посвящается композитору Владимиру Резнику

Откуда в еврее славянства стихия?
Откуда безбрежная эта печаль?
Ведь там, за кордоном осталась Россия, -
Легла между нами бескрайняя даль.

Мелодия льется над степью и морем,
Поет меланхолия чуткой души.
Слышна ностальгия по русским просторам,
И хочется выплакать сердце в тиши...

И вслед за гобоем звучит кантилена,
И голос плывет в переливах тоски.
Но вот угасает напев постепенно, -
Прощай же, Россия,и песни твои!

И в прежних пределах душе стало тесно, -
В родную стихию вернулась она.
Израиль напел свои древние песни, -
И новой волной зазвенеластруна...

1996

Хава Нагила

(Давайте радоваться)

Давайте ныне веселиться, -
Из тьмы веков дошел напев.
Душа еврея в нем искрится –
Ее надежды, вера, гнев.

Давайте песни петь, смеяться, -
Враги отброшены назад.
Им следует остерегаться, -
И звуки мщением грозят!

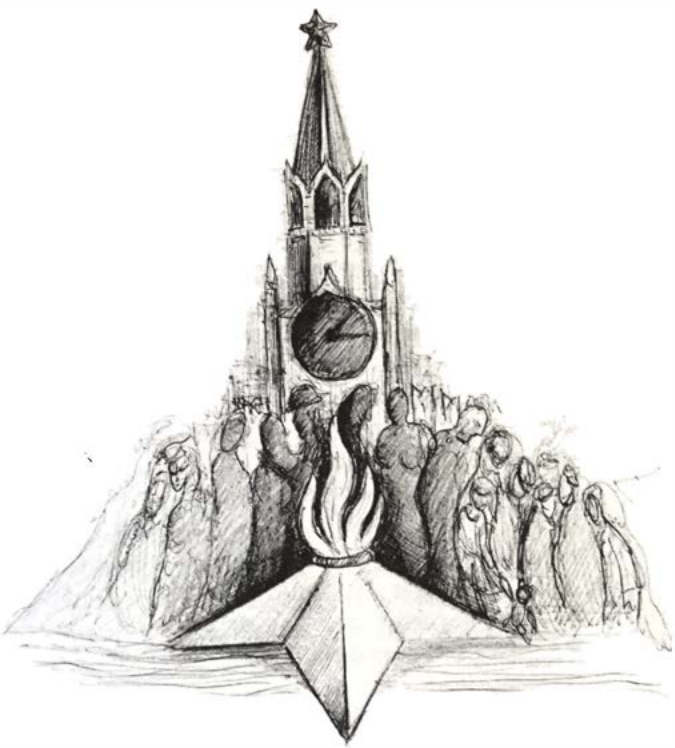
Пусть горе больше не тревожит,
Свои сердца возвеселим!
Хотели всех нас уничтожить,
Но наш народ неистребим!

Давайте радоваться будем,
Друзья, назло врагам кругом!
Победу снова мы добудем
И нашу «Хава» запоем!

1993

Да, многим Россия могла бы гордиться, -
Державою стала и вышла вперед.
Но вправе ль забыть мы иные страницы,-
Потерь бесконечных чудовищный счет?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
РОССИЯ ИЗДАЛЕКА
(СТИХИ О МОСКВЕ И РОССИИ)

Раздел 1. На семи холмах московских

«Патриотам» России

В нелегкое время сейчас мы живем, -
Страна вся в боренье, в раздоре.
И вот сотрясают писательский дом
Какие-то странные споры...

Тревожатся очень за русский язык, -
Кто может владеть им, - решают.
Порой переходят на яростный крик, -
Язык от семитов «спасают».

А как же, скажите мне прямо, тем быть,
В ком – так родились мы – две крови?
Вы можете тело мое расчленить, -
Идите с мечом наготове!

А душу?.. О ней вы забыли как раз, -
Что с нею прикажете делать?
Душа ведь одна у меня, как у вас, -
Ее, мне скажите, как делят?

Иль, может, примером для вас были те,
Кто в зал ЦДЛ вдруг ворвался
И русский народ сохранить в чистоте
Угрозой и бранью пытался?

Опомнитесь! В бедствии ныне страна, -
Так будьте вы с ней осторожны.
И Родина разве для нас не одна?
Ее разорвать невозможно!

1990

Ода Москве

Посвящается Владимиру Муравьеву

Тебе, Москва, тебе, столица,
Пою с любовью этот стих, -
Дано мне счастье здесь родиться
И слиться с ритмом дней твоих!

Как птица Вещая, из пепла
Ты восставала каждый раз,
Росла, мужала ты и крепла,
Своею славою гордясь.

Здесь – вдоль Москвы-реки, столица,
Раскинулась ты широко,
Свои раздвинула границы
На юг и север далеко.

Эпох различных наслоенье,
Заводы, храмы и мосты,
Поток людей, машин движенье –
Такой являешься нам ты.

Нас поражает сочетанье
Былых времен и новизны, -
Высотных зданий очертанья
И рядом – камни старины.

Взметнулись шпили колоколен,
Горят церковные кресты, -
Недаром славишься ты звоном,
Плывущим с синей высоты.

Ты вся одета в ожерелье
Бульваров, скверов и садов.
Дарят прохладу и веселье
Деревья парков и лесов.

Ты в будущее устремляешь
Заботы, планы и мечты,
Преображаешься, меняешь
Свои исконные черты.

А время шаг чеканит грозно, -
И я с тревогою зову
Вас, люди, всех, пока не поздно,
Спасти любимую Москву!

1987

Кремль

Стою на Каменном мосту
Среди холмов Московских, -
Любуюсь вновь на красоту
Шатров и стен Кремлевских.

Сверкают златом купола,
Взлетел Иван Великий.
Сынам Италии хвала
И чуду рук российских!

Я вижу дивные дворцы
И старые палаты.
Горят на солнце изразцы –
Для зрения отрада.

От панорамынад рекой
Не оторвать мне взора, -
Волнуют древней стариной
Кремлевские соборы...

Когда-то русские цари
Венчались тут на царство.
Свет красных звезд Кремля парил
Потом над государством.

Жила огромная страна
Под бременем тиранства, -
Идеям в жертву отдана,
Забыв права гражданства...

Иное время бьют часы, -
И обрели мы крылья.
И выбор брошен на весы:
Свобода иль насилье?

Стою на Каменном мосту
Среди холмов Московских, -
Любуюсь тут на красоту
Шатров и стен Кремлевских...

1988

Красная площадь

Громада пространства. Нет места священней...
Сюда вновь ступаю с волнением я, -
На площадь парадов и славы военной,
Что видели древние стены Кремля.

На старые камни четыре столетья
Василий Блаженный нарядный глядит, -
Он помнит здесь торг и пору лихолетья,
И праздничных шествий ликующих вид.

Когда-то и я вместе с массой людскою
Шел с искренней верой в идеи Вождя.
Музей исторический плыл предо мною,
Плескалось над куполом знамя Труда.

А ныне тяжелые думы запали...
Мы нашу историю вновь познаем.
Неправда за правду себя выдавала,
И Зло совершало свой суд над Добром.

Да, многим Россия могла бы гордиться, -
Державою стала и вышла вперед.
Но вправе ль забыть мы иные страницы, -
Потерь бесконечных чудовищный счет?

И медленно я к Мавзолею шагаю,
Иду средь могил вдоль Кремлевской стены.
С дыханьем истории здесь ощущаю
Трагедию жизни великой страны...

1988

Замоскворечье

Оставлю-ка на время все заботы,
Махну-ка я на велике опять, -
Кузнецкий мост, Ильинский ворота –
И до Москвы-реки рукой подать.

Приветствую якрай Замоскворецкий!
По древним улицам твоим промчусь –
Полянке, Пятницкой, Новокузнецкой,
В глухие переулки проберусь.

Вновь манишь колоритом ты московским
Воздвигнутых купечеством церквей, -
Оно, увековечено, Островским,
В них каялось в греховности своей.

Любуюсь кверху трепетным стремленьем
Я церкви Вознесенья в Кадашах,
На Якиманке – храмом для моленья
В честь павших под Полтавою в боях...

В который раз с волнующимся чувством
По залам Третьяковки я иду
И, погружаясь в русское искусство,
В нем правду постигаю, доброту.

Здесь, на Лаврушинском,литература
Рождалась в пьесах, прозе и стихах.
Не пощадила многих диктатура, -
Несущих Слово превращая в прах...

Год девяносто первый стал рубежным,
Когда я на Ордынку зачастил.
С Москвою в мыслях я прощался нежно, -
Достаточно России послужил!

И снова, размечтавшись, шел я мимо
Посольства в ожиданье перемен.
И вдруг: «До встречи в Иерусалиме!»
Мне крикнул дядя Павел в летний день...

1997

Новодевичье кладбище

Обычно путь на кладбище лежал
Через пруды и древний монастырь, -
И вид строений старых погружал
В давно ушедший, невозвратный мир.

У храма вижу я могильный ряд –
Писателей и декабристов прах.
А там – за аркою узорных врат
Притягивает кладбище в цветах.

Вновь медленно я вдоль аллей брожу, -
Окутана печалью тишина.
На плитах имена я нахожу –
Знакомые до боли имена.

Покоится России лучший цвет –
Поэты, музыканты и бойцы,
Те, кто прославили балет,
Художники, ученые, творцы...

1997

В Главном ботаническом саду

Сентябрь. Снова золотая осень.
Я в Главном ботаническом саду.
Смотрю наверх. Просветы между сосен
Открыли голубую высоту.

Вокруг деревья, навевая отдых,
Глаз радуют пестреющей листвой,
А вянущие розы наполняют воздух
Прощальным ароматом над землей.

И пастораль, разлитая в природе,
Мне проникая в душу, лечит дух.
Бетховенские звуки – дар свободы,
Нарушив тишину, ласкают слух.

Средь русского пейзажа с удивленьем,
Как призрак, сад японский вижу я.
От мостика к фруктовым насажденьям
Ведет аллея старая меня.

Стою в саду, заворожен картиной:
На фоне светло-синей высоты
Так ярки гроздья красные рябины
И яблонь сочно-желтые плоды!

От шлака мысли очищает радость,
И ясными становятся они.

Хотел бы я, чтоб будущая старость
Была такой, как в эту осень дни...

1988

Воробьевы горы

Москва на дальнем расстоянье, -
Теперь живу в другой стране.
Но как близки в воспоминаньях,
Вы, Воробьевы горы, мне.

В старинных книгах называли
Вас града стольного венцом.
Зеленым ожерельем стали
Вы на краю Москвы потом.

Так почему к вам тянет снова?
Чем вы художников влекли?
Недаром Герцен с Огаревым
В любви здесь к Родине клялись...

Вдали высотки, силуэты,
Останкинская вертикаль,
А ближе Кремль, в закат одетый,
Арена, Киевский вокзал.

Тут видом чудной панорамы
Любуюсь я в последний раз, -
И вся Москва, как в дивной раме,
Прощальным золотом зажглась...

1997

Останкино

(Прощание с Москвой)

Восславлю я века двадцатого чудо
В Останкине башню ТВ!
На город великий смотрю я отсюда,
Прощальный привет шлю Москве.

Два века здесь подали руку друг другу,
Меж ними – сверкающий пруд.
Дворец Шереметева с парком в округе
И церковь старинная тут.

Так думал ли граф – дворянин благородный,
Поклонник театра, искусств, красоты,
Что вырастет рядом здесь комплекс огромный
И башня такой высоты?

И с башни мне виден весь остров Лосиный,
Внизу – Ботанический сад,
За Марьиной рощей под куполом синим
Соборы на солнце горят.

И думалось с грустью: в Москве я родился,
В ней детство и юность прошли,
Здесьрос я, учился, влюблялся, трудился,
Познал сердце Русской земли…

И все же я счастлив, - признаюсь вам, люди,
Кружась над Москвой в синеве.
На город с любовью смотрю я отсюда,
Прощальный привет шлюМоскве!

1991

Раздел 2. Мои московские адреса

Красноармейская, 59

Однажды на велике вдруг потянуло
Меня к милым, памятным сердцу местам,
Где юные годы мои промелькнули, -
Я очень давно не бывал уже там...

Как странно: мне здесь ничего незнакомо.
Лишь башни, - как будто дорогу забыл.
Не вижу тут краснокирпичного дома,
Где я девять лет в детском доме прожил.

Проехав еще, я заметил строенье,
В котором вдруг старую баньку узнал.
Расстроен, теперь я вздохнул с облегченьем, -
Нет, я не ошибся – туда все ж попал!

И вот понемногу в уме оживали
Картины ушедших, далеких тех лет,
И контуры в нем все ясней проступали
Того, от чего не остался и след.

И вспомнил я школу, где прежде учился,
Что близко от детского дома была.
И к нейсреди башен тотчас устремился
В надежде, что будет она хоть цела.

О, радость! Так вот оно – с детством свиданье!
Вокруг объезжаю: да, это оно,
Такое родное, знакомое зданье,
Где в мир разных знаний открылось окно!

Еще я ходил в музыкальную школу, -
Нас много туда поступило ребят.
Так вышло тогда: не узнав моей воли,
Решили меня на гобой записать.

И часто, из школы идя возбужденный,
В пути с упоеньем себе представлял,
Как тысячный хор и оркестр огромный
Торжественно песню мою исполнял...

В детдом ко мне мама всегда приезжала, -
Никто тогда не был счастливей, чем я.
Жалея детей, всех она угощала,
Обильем гостинцев смущая меня.

Хотя в детском доме всё было, спасибо
Ему говорю я за то, что он дал:
Беспечное детство и опыт ушибов,
За трудности роста и счастье похвал.

Спасибо за те новогодние ёлки,
Каникулы летние и лагеря,
За праздники, игры, учение с толком,
За песни и смех у ночного костра.

Спасибо за лагерь «Орленок» чудесный,
За Черное море и снежный Кавказ,
Где мог отдохнуть всей душой я прелестно,
Где нежное чувство узнал в первый раз.

Так детство промчалось во мне быстротечно,
Пока я был там, где стоял детский дом.
Известно: ничто на земле здесь не вечно,
Лишь в Памяти нашей живет всё потом...

1984

Варсонофьевский, 8

Есть адрес один в самом центре Москвы,
Где долго я жил в коммуналке.
Из окон виднелся лишь край синевы, -
Там, юный, прошел я закалку.

Из детского дома на праздник сюда
Меня мать порой забирала.
Нежна и сердита была, но всегда
Кормила дитя до отвала.

Училище было уже позади,
Два года промчались в общаге, -
И в «консе» учеба ждала впереди,
Был полоннадежд и отваги!

Казалось, мой будущий путь предрешен,
И с дудкой уже не расстанусь.
Но слышал в себе я неведомый звон, -
Решил: композитором стану.

Родным стал с тех пор в Варсонофьевском дом, -
Познал в нем я творчества муки.
И с радостью я погружался потом
В роскошные Музыки звуки.

И все же сомненья терзали меня,
И поиск пути продолжался.
Изведал тоску одиночества я
И духом болел и метался...

И вот, вдруг писатель проснулся во мне,
И с «консой» я чуть не простился.
Здесь прозу творил я в ночной тишине, -
Увериться, что не ошибся...

И часто на землю из области грез
Бросала меня коммуналка.
Тот знает, кто жил в ней подолгу и рос,
Все «прелести» той перепалки.

Но, видно, Судьбою очертан нам круг, -
К реальности жизнь повернула.
Работа и служба, женитьба и... вдруг
Весной на стихи потянуло.

И то, что под боком я жил КГБ,
Лишь только потом догадался.
Себя не готовил к жестокой борьбе,
Мечтателем был и остался...

1997

4-ая улица Марьиной рощи, 17

Долго ждал я в Москве новоселья, -
Когда ж ордер желанный вручат.
Но коротким то было веселье:
В коммуналку попал я опять...

Впрочем, к лучшему все перемены, -
Варсонофьевский в горле сидел.
Шкаф с пластинками, книги и стены,
Пианино – вот весь мой удел.

Лишь недавно женился вторично
И зажи́л тут с женой молодой.
Нашу жизнь мы делили частично
То в Москве, то в лесу под Москвой.

С музой Музыки не расставался, -
Как учитель, ей верно служил.
Труд ученый здесь рьяно писал я,
Не жалея на это всех сил.

И дух творчества все это время
Вновь владел тайниками души, -
То Москве посвящал я поэмы,
То над драмой трудился в тиши.

На концертах, в театрах, музеях
Познавал дивный мир Красоты.
А у Райкина рядом острее
Постигал я урок Доброты.

К путешествиям страсть не остыла, -
И на велике сердцем был рад
Мчаться к музам в Останкино милым
Иль весной в Ботанический сад.

И с какою-то нежной любовью
Вспоминаю я Рижский вокзал.
На природу не раз в Подмосковье
Электричкой, веселый, езжал.

Буду помнить еще синагогу,
Где мне тайны иврит приоткрыл.
Возвращаясь к еврейству и к Богу,
Зов в Израиль в себе ощутил...
1997

Раздел 3. Страна моя Арбатская

В Арбатских переулках

Брожу по тихим улочкам
Я старого Арбата.
В душе мне грустно чуточку:
Учился здесь когда-то...

Вокруг Москва старинная, -
Особняков так много!
И в каждом мерно-чинная
Своя текла жизнь строго.

То здесь, то там затеряны
Церквушки-свечки всюду, -
Судьбе безвестной вверены,
Взнеслись, подобно чуду.

В далекое ушедшее
Тут в думах ухожу я.
Арбат, свою поведай мне
Историю живую!

Когда- то здесь опричники
Хозяйничали люто, -
Под окнами в наличниках
Расхаживал Малюта.

Прославились атаками
Стрельцы, что тут обжились.
Бывало, что с поляками
Они бесстрашно бились!

Сюда, как беды схлынули,
Пришли мастеровые.
В веках их возвеличили
Мозоли трудовые.

Кто был искусным конюхом,
Кто выплавлял монету,
Кто плотничал без отдыха,
А кто кормил пол-света...

Но вот уклад меняется
В Московском государстве.
Сюда перебирается
Вельможное дворянство.

И жить за честь высокую
Вдруг стало на Арбате, -
Вели здесь жизнь широкую,
Гостеприимству рады.

Инового призвания
Арбат затем дождался, -
В его уютных зданиях
Дух творчества рождался!

И стал он притяжением
Искусствам и талантам,
Дарил он вдохновение
Поэтам, музыкантам.

Хожу я, очарованный
Его старинной лаской.
Весь в прошлое закованный,
В дворах он прячет сказки...

1987

Прогулка по Арбату

Арбат мой, был ты улицей дворянской,
Потом торговой сделали тебя.
А ныне радуешь ты свежей краской,
Нарядными фасадами слепя.

Бежали здесь троллейбусы, машины,
И жизнь не затухала до зари.
И вот ты отдан пешеходам ныне, -
И появились эти фонари...

Поэтами не раз в стихах воспетый,
Ты видел их на этой мостовой.
В различные эпохи разодетый,
Ты сохранил старинный облик свой.

Прогулку начинаю я от «Праги», -
Каких людей не чествовали в ней!
Бальмонту хлопали – поэту-магу,
Кто прославлял приход мятежных дней.

Напротив вижу дом простой, московский, -
В нем жизни нет и комнаты пусты.
А был «Подвал», где грозный Маяковский
С Есениным вел спор до хрипоты.

Есть дальше дом, к поэзии причастный, -
Красивым видом привлекает он.
Не Антокольского ли голос страстный
Опять прорезывает мглу времен?

Арбат, хранишь ты память о Поэте...
Иду с невольным трепетом туда,
Куда Мадонну Пушкин вез в карете,
Где с юностью прощался навсегда...

Тут рядом юный Блок бывал в жилище,
Где некогда дух творчества витал.
Там с аргонавтами, забыв о пище,
Вверх – к солнцу Белый за руном взлетал.

Арбат внимал гитаре Окуджавы, -
Не ты ль его поэтом сотворил?
И к улице – своей родной державе
Он нас любовью нежной заразил!

1988

В доме Лермонтова на М.Молчановке

Как много поэтов, Арбат, ты взлелеял
В певучей и звонкой своей тишине, -
Им грезы и думы свои ты навеял
В прекрасно-таинственном творческом сне.

И Лермонтов-юноша в домике скромном
Здесь также обрел поэтический кров.
В тот век еще не было этих огромных
На душу давящих высотных домов.

Тут, в домике, было порой многолюдно,
И шум голосов не стихал до утра.
Сменялись в веселии ежеминутном
Концерты, спектакли, балы, вечера...

И девушки рано твой ум взволновали, -
Принес ты им дань безответной любви.
Вот Вареньки лик поманил идеалом, -
Мишель, мимолетное счастье лови!

Но счастье, увы, пронеслось, как виденье,
И отдал всю душу ты музам святым.
И равно делил ты свое вдохновенье
Меж скрипкою, кистью и словом живым.

Но с музой одной побеждал ты невзгоды, -
Ей – музе Поэзии сила дана.
Скажи, почему в эти юные годы
Она одинока была и грустна?

Тоску ты знал раннюю не оттого ли,
Что жизни изнанку и ложь увидал?
Учась в пансионе, мечтая о воле,
Дух полной свободы в себя ты впитал.

Священную ненависть к рабству, насилью
Ты в лире мятежной своей воплотил.
И юность прошла. И свободные крылья
Ты в вольной стихии борьбы ощутил.

Гордясь древней славой столицы безмерно,
Недаром принес дань любви ты Кремлю.
Нездесь ли пред Грозным на бой вышел смертный
Калашников, честь защищая свою?

1989

У дома Андрея Белого

Иду по Арбату. Вот здесь его дом, -
По-прежнему с пушкинским рядом.
Не видно дощечки на здании том
С нарядным московским фасадом.

Кто жил здесь? Ученый, философ, мудрец?
Филолог ли, мистик, ботаник?
Он был математик, поэт и певец,
Танцор, и теолог, и странник.

Металась меж бездной и высью душа, -
Он к истине так пробивался.
Поэзией бредил, стихами дышал, -
В них плакал, любил и смеялся.

Куда бы его ни кидала судьба –
В Европу, на Север, к чухонцам,
Опять возвращался сюда, на Арбат,
Где вел аргонавтов он к Солнцу.

Был найден путь жизни средь бурь и утрат, -
И Бога он принял, как Спаса.
Россию в огне революций понять
Он смог в вихре трудного часа.

Старинный Арбат, ты еще не утих, -
Поэты на критику смелы!
Как нужен России язвительный стих
Того, кто назвал себя Белым...

1990

Приют Бальмонта
(Улица Вахтангова, 9)

Стою я перед домом, где
Он жил близ старого Арбата,
Где бедствовал и мерз когда-то,
Но верен был своей звезде.

Поэт с трагической судьбой!
Он знал и взлеты, и паденья,
Восторг толпы, ее презренье
И гул набата над Москвой...

Он в этом доме, что сейчас
Забыт и никому не нужен,
Делил с Мариной жалкий ужин, -
И долго свет в ночи не гас.

Влюбленный в древнюю Москву,
Взлелеянный российским солнцем,
Потом в Париже из оконца
Родную видел синеву...

И пусть теперь егоздесь нет,
И в мир иной свой челн направил,
Он Белокаменной оставил
Могучий солнечный рассвет!

1989

Москва Марины Цветаевой

Вину, огромную вину
Мы чувствуем перед тобою, -
Могла ли знать в свою весну,
Что разлучат тебя с Москвою?

С волненьем я спешу туда,
Где переулок есть Трехпрудный.
Исчез твой домик без следа, -
И благовест не слышен чудный.

Решила так сама судьба,
Чтоб Пушкин в бронзе был здесь рядом.
Не он ли обручил тебя
С Пегасом – тем конем крылатым?

Но есть, есть дом еще в Москве, -
Стою пред ним в Борисоглебском.
И тот же тополь к синеве
Стремится кроной с тихим плеском...

Вблизи любимый твой Арбат, -
Но как с тех пор переменился!
Проспектом новым он распят
И старых домиков лишился...

Не в этом ли жилище ты
Познала счастие, Марина,
И силой женской красоты
Пленила взгляд Сергея синий?

Но большевистская гроза
Всю жизнь твою перевернула,
Открыла заново глаза
И в бездну горестей толкнула.

Но и тогда ты не сдалась
И над судьбою встать сумела, -
Тут на лишения не раз
С насмешкой дерзкою глядела...

И всё ж простилась ты с Москвой,
Оставив в ней обиды, боли,
И в край уехала чужой,
Чтоб с милым встретиться на воле.

Там, за кордоном, было всё:
Полет орла и рабство мула.
Презрев отчаянье свое,
В Россию путь ты повернула.

И не узнала град Москов,
С любовью страстною воспетый.
Молчали сорок сороков, -
И в страх страна была одета...

Ты там, в Елабуге лежишь
И видишь камские просторы.
Но ты Москве принадлежишь, -
И ждут ваганьковские зори!

1989

Поединок Булгакова

Вот также вились хлопья снега
Весной у Патриаршего пруда,
Когда – прошло со дня того полвека –
Он уходил из жизни навсегда.

Брожу я по Арбатским переулкам,
Где свет Луны влетал в его окно.
Вот здесь, - в Нащокинском, он шел за булкой.
Но дома нет. Его снесли давно.

Когда земля весну встречала, в марте,
Он тихо и бесстрашно умирал.
Исполнен жизни долг. Дописан «Мастер».
Что он в последний миг переживал?

В России власть всегда боялась Слова, -
Сгибался перед вольной мыслью страх.
И вехи поединка рокового
Пред ним вставали в думах и делах.

Вождь и его соратники решили
Замуровать писателя живым
И путь ему к народу преградили,
Чтоб он, свободный духом, сдался им.

Но он не покривил душой ни разу
И цену революции познал,
Отвергнув принужденье, как заразу,
Как ненависти классовой оскал.

С Москвой – приютом счастья и страданья
Тут – с Воробьевых гор – прощался он,
С героями последнего романа
Смотря на очистительный огонь.

В монастыре, под гоголевским камнем
Лежит опальный русский драматург.
Спит рядом с той, кто верой, состраданьем
Спасал его, как самый близкий друг...

1990

Поэты на Арбате

Скажи, Арбат, какой живешь судьбою?
Не к новой ль жизни возрожден сейчас?
Людской поток несет меня с собою, -
И свежие приметы ищет глаз.

Художники писать портрет готовы,
Там спорят о свободах и правах,
Здесь молодежь, волнуясь, жаждет Слова,
Рок слышится в кафе и во дворах.

Но где поэты? – Стены восклицают
Большими буквами: «НОН-КОНФОРМИЗМ!»
То группа «Сход» на диспут зазывает, -
Что нам важней: духовность иль вещизм?

Вы здесь всегда – весной, зимой и летом,
И дерзкие стихи опять звучат.
Привет мой вам, московские поэты,
Избравшие подмостками Арбат!

Да, коммунизм по швам трещит сегодня,
Но те же преступления вершит, -
Заигрывая с волею народной,
Со сцены не желает уходить.

Но в этом мире есть еще поэты,
Которые всё видят в нем насквозь, -
Разоблачая страстно «власть Советов»,
Шипами одаряют вместо роз!

Купить нам книжки тут же предлагают.
Забор покрыл листов длиннющий ряд.
Я подхожу, внимательно читаю:
Стихи пороки общества клеймят.

Поэзия! Вторгайся в жизнь смелее,
Буди от спячки сонные глаза.
Нам, потонувшим и во лжи, и в хмеле,
Нужна стихов могучая гроза!

1991

Раздел 4. Их след остался в Москве

У памятника Пушкину

У памятника вновь стою с волненьем...
Застыл поэт здесь в бронзе на века.
На площади с утра кипит движенье,
И над Москвой, как прежде, облака.

А шел когда-то он походкой быстрой
И жизнь любил, и женщин, волочась.
Но прозвучал на Черной речке выстрел,
И рано жизнь певца оборвалась.

Зачем, зачем поэт тогда уехал
Из милой и родной ему Москвы?
Живою болью отдается эхо
Его сразившей злой людской молвы...

А начиналась жизнь в Первопрестольной.
Жил мальчик в Огородной слободе
И рос под звон московский, колокольный, -
Юсупов сад являлся в пестроте.

Приходит вновь осеннее убранство.
В Москве во всю гудят колокола.
Торжественно венчается на царство
Властитель новый – мститель Николай.

И Пушкин из Михайловского мчится
В столицу древнюю на всех порах.
И в Кремль тот час же. Два часа продлится
Словесный поединок у царя...

Восторг свободы! Нет ему предела!
Он снова здесь – в Москве своей родной.
Ужель пятнадцать лет не пролетело
В тревогах бурной жизни кочевой?

То он в Английском клубе на собранье,
Иль на Тверском бульваре промелькнет,
То в Роще Марьиной он на гулянье,
Иль в лавку книг к Ширяеву зайдет.

А чудные концерты у Волконской?
Дом муз для Пушкина всегда открыт.
В нем встретит он Марию с тальей тонкой
И в дальний путь ее благословит...

Однако о женитьбе думать надо.
Найдет ли здесь он счастие свое?
Москва всегда невестами богата, -
И вдруг увидел на балу Её.

Как девочка с чуть грустными глазами
Могла поэта так заворожить?
Улыбкой светлой, нежными словами
Покоя навсегда его лишить?

И вот настал великий миг отрады:
Храм Вознесенья весь в свечах горит.
До наших дней дом старый на Арбате,
Как тайну, счастье Пушкиных хранит.

Зачем, зачем поэт тогда уехал
Из милой и родной ему Москвы?
Живою болью отдается эхо
Его сразившей злой людской молвы...

1987

Дорога к Есенину

Октябрь. Осень с опаданьем риз
Одела пышно землюв многоцветье.
С тобою в октябре мы родились,
Но с разницей в три дня и полстолетья

Кудрявым, бесшабашным пареньком
Приехал ты в российскую столицу
И в Белокаменной обрел свой дом –
В надежде в ней поймать свою Жар-птицу.

В Замоскворечье твой остался след,
В Садовниках еще и на Миусской, -
Принес Москве в дар рощ рязанских свет
И голос лиры свежий, звонкий, русский.

И помнит здесь Никитская тебя,
И Строченовский, Брюсовский, Козицкий,
С Пречистенкой свела тебя судьба, -
Был град Москва по духу самый близкий.

Стихией революции объят,
Метаясь, бушевал ты по-босяцки, -
Желая боль души своей унять
В Москве большевиков – Москве кабацкой.

Но как сквозь эту мерзость бытия
Родник стихов чистейший мог пробиться?
Они – частица лучшая твоя, -
Как песнь страны березового ситца...

Поняв, что жизнь – нелепость, дребедень,
Ты сам – мы верили – сей мир покинул.
А ныне говорят, - в тот зимний день
Ты петлю на себя не ты накинул...

Последний на Ваганькове приют...
Душа, воскреснув, отлетела к Богу.
Не раз мешали с грязью твой уют, -
Но сам народ нашел к тебе дорогу!

1990

Волошин в Москве

Как могло в моей жизни случиться,
Что сейчас лишь я в тайну проник?
Здесь, в Москве, где дано мне родиться,
Юный Макс вырастал среди книг.

Видел я на Пречистенке зданье,
Где учился в гимназии он.
Проходил Сивцев Вражек в незнанье:
Тут приют дали сестры Эфрон.

Рядом Суриков, кистью играя,
Мир былого ему открывал.
На земле Подмосковного края
Над историей он размышлял.

Свет спешит он познать в нетерпенье.
Стал студентом здесь– на Моховой.
За участие в сходках, волненьях
Он простится на время с Москвой...

Но в разгаре событий тут снова
И приветствует страстно Февраль.
Ради Действия жертвуя Словом,
Всюду узников освобождал.

Но в Октябрьском путче в России
Он увидел трагический лик
И, сравнив его с древней стихией,
Божий бич для страны в ней постиг.

И потом, побывав в Коктебеле,
Где дух Макса витал самого,
Понял вдруг: мне для ясности цели
Не хватало все время его.

Нас лишила его та Система,
Что внесла в мир вражду и раздор.
Макс был верен раз избранной Теме,
Как поэт, не принявший террор!

1997

Бесстрашная лира Мандельштама

Душой с Петербургом он слился,
Еще был Воронеж в судьбе.
Но древняя русских столица
Его притянула к себе.

В Москве был готов жить без срока...
Любил он ее или нет?
Пусть скажут чудесные строки –
Кремлю посвященный сонет.

Пусть скажут дома и бульвары,
Которым часть отдал тепла.
Владелец бесценного дара,
Он долго лишен был угла.

Страна под пятою бандита, -
И души сковал тайный страх.
Свободное Слово убито, -
И Правда тонула в хвалах.

Средь кликов вдруг смелая Лира
Пронзила Вождя, как стрела,
И разоблачила Кумира –
Кремлевского горца дела.

Предвидел ли силу замаха?
Готов ли был встретить напасть?
Да, знал: полагается плаха
За то, что затронута Власть.

Отныне советской Охранке
Знаком стал в Нащокинском дом.
Прошел чрез подвалы Лубянки
Поэт знаменитый потом.

Далёко – под Владивостоком
Закончил он крестный свой путь,
Но в том поединке жестоком
На Совесть не дал посягнуть...

1991

Муза печали Анны Ахматовой

Ахматова! Ныне приходит
Твой час – вековой юбилей, -
И я преклоняю колени
Пред гордою тенью твоей.

Мы знаем, что в северный город
Петра влюблена ты была.
Но древняя наша столица
Тебя с юных лет завлекла.

Сюда наезжала не раз ты,
И помнят тебя адреса:
Большая Ордынка, Зачатьевский,
Над Сивцев Вражком небеса.

И дом на Садовой-Каретной,
Кусты на бульварах, цветы,
И Марьина роща, где снова
С Мариною встретилась ты.

Великие жены России,
Как след ваших ног отыскать?
Пусть участь одна вам досталась,
Так трудно друг друга понять!

До страшной войны оставалось
Лишь несколько месяцев, дней...
Предвидела ль Анна, что станешь
Ты голосом всех матерей?

Что хлынут еще испытанья –
Покончит Марина с собой,
И будет удар за ударом, -
Наступит год сорок шестой...

Московский асфальт истоптавши,
За сына просила везде.
В то горькое, черное время
Друзья были рядом в беде.

Одна ты из тысяч и тысяч
Не сломленных – вечно живых, -
И Реквием нам завещала,
Как долгую память о них!

1989

Жизнь и судьба Василия Гроссмана

За Красной Пресней – Беговая.
Как часто я по ней ходил,
К стыду великому не зная,
Что здесь он жил, любил, творил...

Недавно только мы открыли:
Какой писатель, журналист!
Таилась в нем большая сила, -
Как был душой кристально чист!

Встречает снова день Победы
Многострадальная страна, -
Вновь будут подвиги воспеты,
Героев вспомнят имена.

И он в год битвы там – на Волге
Был всюду, где трудней всего.
Бойцов одушевляли долго
И гнев, и страстность слов его.

Война окончилась. И следом
Он долг почувствовал в себе.
И вскоре в книгах нам поведал
О нашей Жизни и Судьбе.

Дрались за Родину? Не только.
Мысль о свободе души жгла.
Но что в итоге? Пало столько,
А Воля всё же не пришла.

Он был тогда один из первых,
Кто понял: в рабстве мы живем.
И Правда стала стержнем-нервом
В романе смелом о Былом...

Еще такого не бывало:
Чтоб книгу сразу – под арест!
Со встречи с «серым кардиналом»
Он понесет свой тяжкий крест.

В Градской больнице на Калужской
Сверлила только мысль одна:
Как примут на земле на Русской, -
Узнает труд его она?

В тот год мне было лишь семнадцать,
Когда он трудно умирал...
Не двести лет прошло, а двадцать, -
И книгу целый мир узнал!

1991

Примечание. *Под «серым кардиналом» подразумевается М.А.Суслов, сказавший, что книга может быть напечатана только через 200 лет.*

Театр Райкина в Марьиной роще

Долго ждали они новоселья, -
Бывший кинотеатр их Дом.
Ныне в Марьиной роще веселье, -
Вижу сына на сцене с отцом...

Нет артиста любимого с нами.
А сегодня – его юбилей.
Вот и голос – знакомый, тот самый –
Вновь звучит на пластинке моей:

«Может, все бы забросить под старость,
На скамейке сидеть бы в саду,
Только как же я с вами расстанусь,
Добрый зритель в девятом ряду?»

Знавший крики восторга, похвалы,
Насв театре он смехом лечил.
Хохотали мы все до отвала...
Ради этого лишь выходил?

Нет, не весело Райкину было, -
Много грустного видел кругом.
Уходил он со сцены весь в мыле,
Так как бил нечисть словом-кнутом.

И пришли, наконец, перемены, -
Свежий воздух Свободы подул.
В одиночку боровшийся с пеной,
Облегченно он с нами вздохнул.

Но отребье опять наступает,
Прет и лезет из всяких щелей...
Как его нам теперь не хватает
В бурном натиске нынешних дней!

И звучит сквозь печаль и усталость
Голос, нас ободрявший в беду:
«Только как же я с вами расстанусь,
Добрый зритель в девятом ряду?»

1990

Раздел 5. Под властью диктатуры

Размышления у Мавзолея *(Триптих)*

1

Наступит год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
...И пища многих будет смерть и кровь.
М.Лермонтов

Огромная очередь. Нету длиннее.
И я в ней, волнуясь, когда-то стоял
И, глядя на Ленина здесь, в Мавзолее,
Вновь трепет священнейший переживал.

А ныне, я чувствую, вера слабеет,
Нет светлых порывов, в душе пустота.
И дух наш все больше и больше скудеет, -
И гибнет великая прежде мечта.

Владимир Ильич, вы сейчас посмотрите,
Что с нашей великой державой стряслось.
И вы от меня фимиама не ждите, -
Хочу лишь задать вам один я вопрос.

В те годы, когда пулеметы трещали,
Во имя чего столько жертв принесли?
Народу вы светлую жизнь обещали,
Но знаете ль вы, до чего мы дошли?

Азартный охотник, вы были готовы
Бросать миллионы в огонь Октября.
Залив всю Россию потоками крови,
Себя запятнали убийством царя!

Идеей вы бредили: волей железной
Загнать, как скотину, людей в коммунизм.
И где же теперь мы? Стоим перед бездной...
А кто виноват здесь? Не ваш фанатизм?

Мечтали о Рае, - и что же имеем?
Насытитьне можеммы сами себя.
И гневный протест проявить свой не смеем, -
Холуйство сидит в нас. Какая ж борьба?

Народ весь задавлен, обманут, ограблен, -
Насилье свободой назвали в наш век.
И вирусом классовой злобы отравлен,
Разрушен лишенный всех прав человек!

И что же теперь мы взамен получили?
Взгляните Оттуда, Владимир Ильич.
За что же вы Боженьку так невзлюбили
И бросили в Веру тяжелый кирпич?

И вот превратили в икону вас ныне,
И к новому Богу приходят сюда...
Покуда стоит Мавзолей, как святыня,
Из бездны невыбраться нам никогда!

1989

2

Мы родим, пошлем,
Придет когда-нибудь
Человек, борец,
Каратель, мститель!
В.Маяковский

Когда-то в дни праздников на Мавзолей
Всходил он – всесильный правитель России.
И лился в честь Сталина сладкий елей, -
И песня неслась над людскою стихией:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Под бодрые марши и реки словес
Страна при Вожде к коммунизму шагала.
Но мифам когда-то приходит конец, -
И Правда меня тут пронзила, как жало.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

А он – настоящий хозяин страны
Смотрел с Мавзолея на море людское, -
С улыбкой ехидны, с душой сатаны
Внимал ликованью народа простого.

Матерый бандит и сапожника сын
Вдруг стал самодержцем великой державы.
С далекого Гори «чудесный грузин»,
Явил он восточного деспота нравы.

Но власть захватить – лишь полдела еще, -
Ведь надо суметь удержаться на троне.
А как? Он историю знал хорошо:
Царь Грозный – пример, как сберечь ту корону.

Железный поборник идей Ильича,
В стране Вождь судебные фарсы устроил, -
Посредственность нагло рубила с плеча,
С пути всех сметая, кто что-нибудь стоил.

Он – главный в стране режиссер и судья, -
Отныне она – вся гигантская сцена.
«Врагами народа» вдруг стали друзья,
Мерещились всюду шпионы, измена.

Россия! Как ты – как могла претерпеть
Тогда над собой надругательство злое?
Где лучший цвет нации? Ум ее? Честь?
Их в пыль превратили, смешали с землею.

Еще преступление Вождь совершит, -
За что расстреляют поэтов-евреев?
Скрывался в нем яростный антисемит, -
Недаром он с Гитлером дружбу затеял.

«Отец всех народов» и «горный орел»...
Он здесь, на земле, возомнил себя Богом.
А всем остальным уготована роль
Быть «винтиком» скромным и пули залогом.

Пусть Власть беспредельная – корень всех зол -
Проклятию предана будет навеки.
За то, что в нас Веру убил произвол,
И гибнет, упав, Человек в человеке!

1990

3

Прошла зима, настало лето, -
Спасибо партии за это!
Ю.Влодов

Вновь Красная площадь вся в черном убранстве, -
Россия слезами тогда облилась,
Прощаясь на всем необъятном пространстве
С любимым Вождем и Учителем масс.

С тех пор на трибуне друг друга сменяли
Генсеки и высших прислужников строй, -
И криками вновь Мавзолей оглашали:
«Да здравствует партия – наш рулевой!»

Надеялись: вот заживем мы на славу,
Ан нет – в магазинах кати хоть шаром...
Так что довело до предела державу?
Кто вел нас все время «победным»путем?

Советская власть? Да, позвольте, была ли?
Кто нашей эпохи Ум, Совесть и Честь?
В семнадцатом власть у народа забрали, -
Советы зачем, если Партия есть?

И пропасть такая пред нами открылась,
Что видим: так больше никто не живет...
По рельсам военным все время катились,
Пока всю страну не пустили в расход.

И воздух, и землю кругом отравили,
И дружба народов сменилась враждой,
И вновь в коммуналках живем, как и жили, -
Да здравствует партия – наш рулевой!

Разрушены храмы и Вера распята.
Везде сорняки воровства проросли.
Да, родина наша, знать, очень богата, -
Разграбить за семьдесят лет не смогли.

Так чем еще партия может хвалиться?
Борьбой с алкоголем? Осилен дурман?
Иль космосом, стройками века гордиться?
А сам коммунизм – не великий обман?

Да, партия «гласность» как будто признала,
Желая вести за собою людей.
Пускай всю страну к «перестройке» призвала,
Царит Аппарат в ореоле идей...

Вы – «слуги народа» и наша подпора?
Иль опухоль рака на теле страны?
Пока будут эти большие заборы,
У нас перемены не станут видны!

А что Аппарат? Маневрирует ловко,
Боясь потерять привилегий покой, -
Играя в слова, не забыл про винтовки...
Да здравствует партия – наш рулевой!

1990

У кремлевских могил

Я снова иду вдоль кремлевских могил,
Но, чувствую, нету волненья былого,
Когда прежде – в юности здесь проходил
И думал: нет более места святого.

Вожди коммунизма у древней стены
Теперь с приближенными спят преспокойно, -
Но можем спросить с них за беды страны,
За все преступленья, деянья и войны!

Во имя чего выселяли крестьян?
Во имя чего разорялись деревни?
Во имя чего был приказ сверху дан
К изгнанью народов с их родины древней?

Всё делалось, чтоб обескровить народ:
Искусственный голод по воле «верхушки»,
И концлагеря, и застенки в черед,
А следом – кампании, травли, психушки...

А там, где стон жертв, там везде палачи, -
Так было всегда от рождения мира.
И где-то мучители есть, стукачи –
Участники злого кровавого пира.

А главные - здесь возлежат, у Кремля, -
Лежат за какие-такие заслуги?
За то, что поругана наша земля,
Что вынесла горе, потери и муки?

Кто здесь? Узурпаторы? Слава страны?
Фанатики новой «великой» идеи?
Убийцы? Преступники?Стражи войны?
Заблудшие? Идеалисты? Злодеи?

Как можно смеяться, работать, любить
При строе, ведущем нас к гибели верной?
Нет, если мы что-то хотим изменить,
Очистим кремлевскую землю от скверны!

А тем, кто знал страшные ночи и дни, -
Пусть поздно, - с печалью поклонимся низко...
И там, где напрасно погибли они, -
Я верю, - поднимутся ввысь обелиски!

1990

Могила Неизвестного солдата

Будут люди холодные, хилые,
Убивать, холодать, голодать.
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.
О.Мандельштам

Немало могил на просторах страны
Я видел – гражданских, военных.
Еще есть одна – у Кремлевской стены,
Где чувствуешь трепет священный.

Полвека минуло со страшного дня,
Как сила ворвалась стальная.
Погиб как солдат он под шквалом огня,
Столицу в тот год защищая.

Приказ ли правительства он выполнял,
Иль сердце сражаться велело?
Еврей или русский на поле здесь пал?
Юнец иль боецпоседелый?

А сколько могил безымянных еще
На долгих пространствах России...
Герои легли, чтоб жилось хорошо,
Что хлеб мы Свободы вкусили.

Победа ценою бесчисленных бед.
Но кто победители всё же?
Кому перепали плоды всех побед?
Поверженным в битвах? Похоже.

Они поклониться солдату должны,
Кто спас от неволи народы,
Кто жизнь сохранил им, цветенье весны,
Дал мир и святую Свободу.

А нам вместо Воли досталась лишь Честь
И плач матерей на могилах.
Героев, погибших в сраженьях, не счесть,
А вот о живущих забыли...

1991

Раздел 6. Природа Подмосковья

Ожидание весны

На улице стучит капель, -
Приветствую тебя, весна!
Вновь радует меня апрель,
Вновь духом возрождаюсь я.

Есть время тайное в году
Меж зимним и весенним, -
Я этот миг задолго жду,
Объятый трепетным огнем.

Зима права свои сдает, -
Уходят вьюги и снега,
Лучей все больше солнце шлет,
Но холод властвует пока.

И вот, когда еще всё спит,
Земля вдруг вся дохнет теплом, -
Оно нам сразу возвестит
В природе полный перелом!

Я славлю солнце в вышине –
Источник сил творящих всех.
Как благодарен я весне,
Что дарит нам любовь и смех!

1974

Подмосковье

Как с нетерпеньем жду я дней,
Когда, покинув город душный,
Могу бежать я от людей
В леса, к березкам простодушным.

Там становлюсь я сам собой,
В груди – желанная свобода.
Там праздник жизни над землей,
Ликуя, празднует природа!

Деревья в трепете стоят,
Касаясь синего предела,
Их зелень радует мой взгляд,
Усталость сбрасывает тело.

А ясность неба поутру
Несет душе успокоенье...
Я забываю, что умру,
С природой слитый в единенье!

1976

Полевшина

(Санаторно-лесная школа под Москвой)

Вновь стремлюсь туда днем летним,
Речка Истра где течет,
Где ребенком восьмилетним
Я провел счастливый год.

Погружен в воспоминанья,
С тихой радостью брожу
И поля, деревья, зданья
В прежнем виде нахожу.

Вижу тот же двор с оградой,
Где когда-то я встречал
Маму с бурною отрадой
И с печалью провожал...

Вспоминаю наш весёлый,
Боевой и дружный класс, -
Мы луга, леса и сёла
Исходили тут не раз.

Я задорный был мальчишка
И проказы, смех любил,
И не скрою: песни, книжки
Здесь впервые полюбил.

Вот деревня на пригорке,
Где на санках той зимой,
Весь сияя от восторга,
Я спускался вниз стрелой.

В Полевшине я вдыхаю
Воздух детских грез и снов
И всем сердцем отдыхаю
От тревог, забот, трудов.

Год за годом быстро мчались, -
Тридцати достиг почти!
Много разных бурь встречалось
В жизни на моем пути.

Тут с особой грустью жгучей
Слышу грозный ход часов,
Превращающий живущих
Из младенцев в стариков...

1975

Заветы Ильича
(Дача детского дома под Москвой)

Из электрички станции мелькают, -
И вот в Заветах Ильича схожу.
Здесь те же улочки меня встречают,
И к бывшей даче с трепетом спешу.

Тут сохранилось всё, как было раньше:
Семь домиков разбросанно стоят,
Столовая и банька, клуб подальше, -
Воспоминанья хлынули подряд.

И детство мне явилось в летних грезах:
Купанье в Серебрянке иногда,
Походы за грибами, игры, грозы,
Велосипед и вкусная еда.

Я помню, как в том памятном июле
Приемные экзамены держал.
Не зря корпел, живя средь шума, гула, -
В престижное училище попал!

Но с дачей я еще не попрощался, -
Делил с трудами отдых пополам.
И шефом я над младшими считался, -
Рассказывал им сказки по ночам.

Увы, прочел тогда я книг немного, -
И в чтении реванш собрался взять.
Введя на даче распорядок строгий,
Решил досуг весь книгам отдавать!

И музыка опять была со мною, -
Мир звуков вновь я в книжках открывал.
Здесь, на крыльце вечернею зарею
Прочесть все книги в будущем мечтал...

1997

Велосипед и природа

Есть у меня простой, старинный,
Надежный друг велосипед, -
На всех путях – коротких, длинных
Мы часто вместе много лет.

Куда же я теперь поеду?
Конечно, за город – туда,
Где с небом лес ведет беседу,
Где исчезает суета.

И вот на друге двухколесном
Я мчусь средь дола, средь холмов.
По сторонам мелькают сосны,
Над головой – пух облаков.

Лишь здесь, наедине с природой
Я жизнью полною живу, -
И сны о счастье и свободе
Ко мне приходят наяву.

Приоткрывается завеса
Над тайной смысла бытия.
Меня приветствует песнь леса,
О чем-то важном говоря.

Я чувствую освобожденье
Духовных сил от всех оков.
И вновь нисходит вдохновенье,
И вновь в груди растет любовь.

И между мной и солнцем вечным
Теперь отсутствует межа, -
И в море света бесконечном
Вся растворяется душа.

Я посвящаю эту оду
Тебе, мой двухколесный друг, -
Ты открываешь мне природу
И размыкаешь жизни круг!

1986

Встреча с усадьбой
(Архангельское)

С ворот парадный двор и колоннада
Торжественно настраивают нас, -
И кажется средь строгого наряда,
Что в Древний Рим попали мы сейчас...

Из дали восемнадцатого века
До нас дворец и этот парк дошли.
Природа и творенье человека
Чудесное единство здесь нашли.

Плененные гармонией единой,
Мы сразу ощущаем всюду власть
Классически прямых и ясных линий,
Сопровождающих повсюду нас

Прекрасные творения искусства,
Античный мир тут воскрешая вновь,
Гражданские в нас будят мысли чувства,
И славят радость жизни и любовь!

Идя по залам, чувствуешь, что рядом
Природа постоянно где-то здесь,
Что воздухом лесным и ароматом
Дворец Юсупова пронизан весь.

А с высоты, где дом стоит парадный,
Предстал пейзаж привольный вдалеке, -
Глаза бегут от трех террас нарядных
Через партер туда – к Москве-реке.

И взгляды мраморных героев Рима
На протяженье всей большой стены
В спокойствии своем невозмутимом
Туда – все в ту же даль устремлены!

Так вот к чему зеленое убранство, -
Мы видим красоты апофеоз,
В котором беспредельное пространство
Со стройной геометрией слилось!

Здесь человек обиды забывает,
Тревоги, горести и суету,
Гармония вокруг нас вызывает
Гармонию в душе и доброту.

Здесь лучше ты становишься и чище
И чувствуешь лирический настрой, -
Тут сознаешь, что жив не только пищей,
И ощущаешь, будто стал другой!

1980

Утро в Архангельском

Был ясный, теплый вечер мая,
Когда приехала сюда
Студентов небольшая стая, -
Снимали Музыку тогда.

И от дворца нам вдруг открылась
Вся панорама трех террас,
А дальше в дымке золотилась
Долина, восхищая глаз.

И вот, сменив костюм на фраки,
Вошли мы в зал, забыв про сон, -
И полились тут в полумраке
Созвучья Гайдна средь колонн.

Всю ночь не прекращались съемки,
Но время незаметно шло, -
И стали исчезать потемки,
И постепенно рассвело...

Тут выбежал я в парк тенистый.
Еще был ранний утра час, -
И на траве, цветах и листьях
Роса прозрачная зажглась.

Восторженное чувство втайне
Росло в моей груди сильней,
Созвучно нежным темам Гайдна,
Звучавшим всё еще во мне.

Забыв, что где-то я учился,
Что в мире есть тоска, печаль,
Я весь в природе растворился, -
В душе разлилась пастораль...

1983

Прощай, Клязьма!

(Орехово-Зуево)

Вот и настал момент прощанья
С рекою Клязьмой в этот раз,
-Все десять дней тут пребыванья
Прошли как сон, не суетясь.

От шума жизни отдалиться
Я смог благодаря лесам,
В мечты и грезы погрузиться
И думы посвятить стихам.

Здесь я поправился немного,
Доволен отдыхом всегда,
Когда, не рассуждая строго,
Есть солнце, воздух и вода!

Красавицы мелькали мимо, -
И был готов влюбиться я,
Когда б соперник вдруг незримо
Не появился у меня.

Пускай не всё шикарно было,
И дождик моросил порой,
Мне речка Клязьма стала милой:
Тут смог я обрести покой!

1977

На отъезд нз Звенигорода

В груди какой-то звук щемящий...
Момент отъезда наступил.
Прощай же, славный град Звенящий,
Что сердцу стал навеки мил!

Не раз звал этот край лесистый
Меня, и вот я здесь опять,
Чтоб аромат вдыхать душистый
И вдоль Москвы-реки гулять.

Когда-то место для твердыни
Тут выбрал гордый Юрий – князь.
Вокруг монастыря – картины,
Что красотой прельщают глаз.

Язык Поэзии повсюду
Меня порой сопровождал,
И надо мной, подобно чуду,
России древний дух витал.

Стремился Левитан недаром
В слободке Саввинской пожить,
Великим обладая даром
В природе душу обнажить...

В Звенигороде я оставил
Нелегкий груз забот, тревог, -
Душою снова здесь воспрянул
И свежих сил набраться смог!

1983

Новый Иерусалим (Истра)

Старинный монастырь на Истре
Опять влечет к себе меня, -
Вновь обхожу его небыстро,
Вновь изразцом любуюсь я.

Подобьем неземного рая
Огромный строился собор, -
Храм палестинский повторяя,
Он русский получил убор.

Кто он – душа и вдохновитель
Творенья чудного сего?
Кто, православия ревнитель,
Руси в нем видел торжество?

Он – Никон с царскою подмогой
Храм Воскресенья возводил.
Но лицезреть жилище Бога
Ему рок, видно, не судил.

Сжигаемый огнем гордыни,
Он в бездну с высоты упал, -
В далекой северной пустыне
Тяжелый крестный путь познал.

Не раз с амвона в жизни трудной
Взывал он к Господу: спаси!
Здесь, под Голгофой беспробудно
Спит патриарх всея Руси...

Увидит ли он град небесный,
Бореньем страждущим томим?
Но нам оставил град чудесный –
Московский Иерусалим.

1989

На Истре

Куда направим путь сегодня,
Мой старый друг, велосипед?
Туда, где я дышу свободно,
Где Истру помню с юных лет.

От Нового Йерусалима
Я мчусь, где Троицкого храм,
И дальше с упоеньем мимо
Искрящейся воды к Лужкам.

Какая дивная картина!
Какой невиданный простор!
Внизу раскинулась долина
И зеленью ласкает взор!

А на пригорке над рекою
Церквушка старая стоит, -
И наполняет думой горькой
Ее развалин грустный вид...

Невольно думаю с волненьем:
Ужель природу не спасем?
В безудержном вперед стремленье
Всё на пути своем сметем?

А лес, деревья, небо, поле
Трепещут в предзакатный час,
Так беззащитны, будто молят:
О, люди, пощадите нас!

С любимою рекой прощаюсь
У Павловской я слободы, -
Как Бородин, тут вдохновляюсь
Струями истринской воды...

1990

Раздел 7. Обители священных муз

Посещение Михайловского
(Пушкин)

Здесь не могу сдержать волненья:
Вот он – тот уголок земли,
Где силой царского веленья
В глухой дали уединенья
Твои, поэт, дни тихо шли.

Как будто русскою природой
Всё создано тут для тебя...
Был хмурый день и непогода,
Но и под серым небосводом
Не замечали мы дождя.

Сроднился, Пушкин, ты с лугами
И скромной Соротью-рекой,
Текущей скромно меж холмами,
И с безоглядными полями,
И сенью парка вековой.

Здесь, на земле древнейшей Пскова
Ты прошлое Руси читал, -
И царский облик Годунова
Во всем величии суровом
Твой гений нам обрисовал.

Здесь духом вольные цыгане
Тебе явились вновь толпой.
Тут женский образ идеальный
В лице мечтательной Татьяны
Ясней предстал перед тобой.

У стен монастыря Святого
Теперь покоится твой прах, -
Вблизи от очага родного,
Где помнит всё тебя, живого, -
Как завещал в своих стихах.

И с трепетом нога ступает
Там, где бродил ты и мечтал.
А дождь все льет, не утихает,
И прямо в сердце проникает
Твоя глубокая печаль...

1976

Пушкин в Архангельском

Поэт в Москве. Забыт на время Невский.
Пусть повторится ранняя весна,
Когда он вместе с другом Соболевским
Сюда помчался, оседлав коня.

Архангельское Пушкину предстало
Во всей красе величественной вдруг
И сразу же его околдовало
Присутствием прекрасных муз вокруг.

Но Пушкина манит библиотека, -
Несметные богатства ждут его.
Здесь книги есть с шестнадцатого века, -
И кроме них, не надо ничего!

Нет, не напрасно звал к себе поэта
Юсупов – древний, сгорбленный старик,
В екатерининский кафтан одетый
И не снимавший с головы парик.

Как прошлого далекого осколок,
Как диво, он явился в новый век.
Был путь его в трудах и неге долог, -
Для жизни жил, счастливый человек!

О чем они в гостиной говорили –
Вельможа старый, Пушкин молодой?
Князь говорил о днях былых и милых,
Поэт внимал с веселостью живой.

Потом бессмертные стихи родятся,
И мир узнает бурной жизни нить, -
Но сквозь почтение к сединам старца
В них тайная ирония сквозит...

Прошедший век умчался безвозвратно, -
Теперь в иные мы живем года.
Но время над Архангельским не властно, -
Поэта в парке видим мы всегда!

1987

Лермонтов в Середннкове

Здесь всё вокруг напоминает
О старом времени былом, -
И барский дом меня встречает
В своем величии простом.

Любуясь тихими прудами,
Тут отрок некогда бродил,
Большими карими глазами
За стаей легких туч следил.

Грустит в цветных одеждах осень,
Вливая в грудь мою печаль...
Не здесь ли средь высоких сосен
Он Духа злого повстречал?

С тех пор незримо Демон мрачный
Преследует его везде.
Светился символ многозначный
В далекой утренней звезде.

Он заглянул в пучину Ада,
Его отравою дыша, -
И с миром всем была в разладе
Его бунтарская душа.

Вознагражденный Божьим даром,
Он полон был могучих сил,
Но песни райские недаром
Он долго от людей таил.

И жизнь ему постыла рано, -
Любовью был обманут он.
Глупцов насмешкой остро раня,
Он будет местью их сражен.

Так был он кем? – Земным пророком,
И воля Демона сбылась?
Иль, гордый, он смирился с Богом,
И ввысь душа его взнеслась?

1989

Некрасов в Карабихе

Твою, Некрасов, Музу гнева
Люблю давно я – с юных лет,
Но лишь в Карабихе привольной
Я смог постичь тебя,поэт!

Недалеко от Ярославля
Нашел ты дивный уголок, -
Где всюду русские просторы,
Волга свой несет поток...

Познал здесь душу ты народа,
Его тоску, его загул.
Измученному от насилья,
Ему ты руку протянул.

И эта старая усадьба,
И парк, и пруд, и сей родник
Настраивают наше сердце
На поэтический язык...

1988

В гостях у Толстого
(Ясная Поляна)

Я до сих пор, как в молодые годы,
Дружу с героями толстовских книг.
А Левин... он мне близок по природе:
Я тот же путь сомнений с ним постиг.

И вот опять я обхожу с волненьем
Тут Ясную Поляну всю кругом.
Рождались в ней великие творенья,
И дух Толстого помнит этот дом.

Здесь понимаешь, почему деревню,
А не бурлящий город он избрал.
Тут, связанный с народом нитью древней,
Одной с ним жизнью жить всегда желал.

Он защищал евреев, в мир несущих
Ниспосланный самим Всевышним свет.
В антисемитском обществе живущий,
Всегда кровавый осуждал навет.

Деянья Русской церкви бичевавший,
Ложь не желая больше принимать,
Несправедливость в мире обличавший,
Решил из дома он тогда бежать.

Могильный холмик. Верил он со страстью,
Что рядом скрыта палочка была,
Которая дала бы людям счастье
Средь общего падения и зла...

1997

Музы в Красногорске

Посвящается М.В. Ногтевой

По праву город наш гордится
Старинным парком на холме, -
В нем ясным днем листва лучится
И так свежо в вечерней тьме...

Кругом рассыпаны, как чудо,
Остатки роскоши былой.
И мыслью я несусь отсюда
В прошедший век – вслед за мечтой.

В те времена, когда поэты
Сюда съезжались каждый год, -
И помнят их деревья эти,
И также шум вершин зовет...

Вот Поляков с душой мимозы
В обнимку с Брюсовым идет.
Поэт, застыв вдруг в строгой позе,
Стихами друга страстно жжет.

О чем они ведут беседу?
Друзей волнует «Скорпион».
Журнал мерещится поэту, -
«Весы» задумывает он.

Восторженный, огнисто-рыжий
Бальмонт чуть отстает от них.
Вдруг влез на дерево – повыше,
Готов ветрам прочесть свой стих.

Вот виден Белого стан гибкий, -
Танцует он, держась за зонт,
И с саркастической улыбкой
Внимает, что поет Бальмонт.

Поодаль Балтрушайтис бродит
С печатью философских дум.
Повсюду символ он находит,
Суров, как скалы, и угрюм.

И, кажется, сам воздух в парке
Поэзией пронизан весь, -
И разгорался диспут жарко,
И замыслы рождались здесь.

Вокруг – над сонными прудами
Лишь слышен был полет стрекоз.
Но окрыляло строчки пламя –
Предвестье предстоящих гроз!

1986

Блок в Подмосковье

Посвящается Д.М.Магомедовой

Я в Шахматове. Лес, приволье,
Леса, пригорки и ручьи...
Как ты любил полей раздолье
И солнца первые лучи!

В который раз я вижу дали,
Где голос лиры твой мужал.
Не здесь ли в счастье и печали
Ты путь России познавал?

Весною ты из Петрограда
Сюда стремился каждый год,
Чтоб слушать с тайною отрадой.
Как вольный ветер песнь поет.

И, ложной вестью удрученный,
Что кто-то твой очаг спалил,
Ты, в Революцию влюбленный,
Ей гибель дома, книг простил.

Увы,в стране потом забыли, -
Еще есть в мире Красота.
Свободу звуков задушили, -
Умолкнув, ты прозрел тогда...

И вновь наш путь в тоске безбрежной,
И снова Русь объяла Тьма, -
И землю сделали мы грешной,
И вновь нам тяжко от Ума.

Но вечный бой!.. Покой лишь снится, -
Прекрасна сила этих слов.
Всегда вперед и смело биться
За Правду, Веру и Любовь!

1990

У могилы Пастернака (Переделкино)

Февральский снежный день. Сегодня
Сто лет исполнилось ему.
И дань любви теперь свободно
Несем поэту своему.

Москва! Его ты пробудила,
Став тайным промыслом в судьбе.
А в Переделкине могила
Опять меня влечет к себе.

Познал он вкус вселенской славы
И черной зависти удар, -
Но здесь, меж полем и дубравой
Сберег божественный свой дар?

Стою я с мыслью неотвязной
Понять злорадства торжество, -
Смогли же в травле безобразной
Топтать и поносить его...

Не защищенный от наветов,
Он стойко брань переносил.
Иль то судьба больших поэтов,
Рождающихся на Руси?

Как сердце всё стерпеть сумело?
Что душу помогло спасти?
Не Музыка ль, что дивно пела
В его оплеванной груди?

Поэзии, не знавшей путы,
Он истово служил сквозь стон.
Во всем дойти до самой сути
Нам заповедь оставил он.

Нет, зерен зла в душе не ведал, -
Он слишком этот мир любил!
И перед смертью всех, кто предал,
Он с детской верою простил...

1990

Раздел 8. На речных просторах

На поле Куликовом

Огромное поле. Лишь Дон да ковыль.
Стою на холме я высоком,
Откуда Мамай в нетерпенье следил
За боем упорным, жестоким.

Бесславные годы под игом пройдут,
Как здесь разыграется сеча.
Две силы несметные встретятся тут -
Две веры, два духа, две речи...

Бежали татары. Настиг их злой Рок.
И Дон напитался их кровью.
А с русскими были здесь Правда и Бог,
Их ведший к победе с Любовью.

Князь Дмитрий! Тебе, кто умел побеждать,
Досталась великая слава.
Врага одолев, Русь смогла доказать
Свое на историю право.

Остались в могилах лишь кости и пыль
От павших в сраженье жестоком.
Огромное поле. Лишь Дон да ковыль.
Стою на холме я высоком...

1990

По Волге

Проплыв от истоков до устья всю Волгу
Ты сможешь Россию узнать и понять.
Свое путешествие буду я долго,
Как счастье, как сказку-мечту вспоминать.

Любуешься, стоя, с борта теплохода,
Как мимо плывут и плывут берега.
И ты восторгаешься русской природой, -
Чаруют глаз небо, леса и луга.

И движутся мимо со сменой рассветов
Селенья и нивы, столбы, города.
Народных героев и славных поэтов
Дарила ты, Волга, России всегда.

И видела Разина ты, Пугачева
С ватагой отважных и буйных бойцов, -
Была ты свидетель расправы суровой,
Рождая в народе к свободе любовь!

И вновь Ярославль открывал я с волненьем,
Как город-красавец и город-музей.
На Волге Некрасов дружил с вдохновеньем, -
И лира поэта звучала вольней.

А Нижний кремлем своим может гордиться,
Просторами слившейся с Волгой Оки.
Здесь рыцарь пера – Добролюбов родится,
И Горького детство пройдет у реки...

В Саратове бережно память хранится
О сыне великом Российской земли.
Вот дом Чернышевского. В этой светлице
Мечтанья о воле впервые пришли.

Свободу России в боях отстояли
У Волги, где высится Родина-мать, -
И радость победы, и горечь печали
Мамаев Курган будет вечно являть....

И Астрахань зноем степей нас встречала, -
Последняя крепость на волжском пути.
Мощь силы народной ее сотрясала, -
Люд русский так волю желал обрести.

Проплыв от истоков до устья всю Волгу,
Ты сможешь Россию узнать и понять.
Свое путешествие буду я долго,
Как счастье, как сказку-мечту вспоминать!

1986

Плес на Волге (Левитан)

На Волге много мест меня
Красой невиданной пленяли,
Но есть средь них одно, где я
Постиг всю прелесть волжских далей.

Старинный, тихий, милый Плес,
Приворожил ты Левитана,
Отраду ты ему принес,
В душе рассеяв грусть тумана.

Здесь всё: изгиб реки крутой,
Необозримые просторы,
И зелень, и церквей покой –
Нам радуют и нежат взоры...

1988

Нижний Новгород

Посвящается М.М. Рудаковой

По откосу вверх поднявшись
Над великою рекой,
Восторгаюсь я привольем
У слияния с Окой.

У меня чудесным гидом
Женщина была одна, -
Показала с гордым видом
Дом Кашириных она.

Выше Кремль – свидетель древний
Славы волжских берегов, -
Отражал не раз набеги
Многочисленных врагов.

Лира, вновь бессмертный подвиг
Минина ты воскреси!
Началось ли не отсюда
Избавление Руси?

1988

По Каме и Белой

Возможность видеть пол-России
Судьба мне подарила вновь.
Так, здравствуй, водная стихия
И зелень камских берегов!

Спешу к Елабуге спуститься, -
С холма открылся весь простор.
Да, Шишкин здесь лишь мог родиться, -
Куда ни взглянь – сосновый бор!

Забросила в сей край далекий
Маринуобщая беда, -
В час одиночества жестокий
Ушла из жизни навсегда...

Тут с домиком ее простился.
Могила за город зовет, -
На кладбище над ней склонился
И... не успел на теплоход!

Нагнал по Каме поседелой –
Великой северной реке.
И вот Уфа над гладью Белой
Мне показалась вдалеке.

Здесь над рекой, у самой кручи
Батыр коня вдруг осадил, -
Так это Салават могучий,
Кто с царской властью в бой вступил!

Тут гений кисти нам явился
Со страстной верою своей, -
Я Нестерову поклонился
За удивительный музей...

1988

Примечание. *Речь идет о поэте Марине Цветаевой, покончившей с собой в Елабуге 31 августа 1941 года.*

Раздел 9. Северный край

Ленинграду

Город, Пушкиным воспетый,
Вставший волею Петра,
Город славы и поэтов, -
Здравствуй снова, Ленинград!

Споря с водною стихией,
Ты стоишь на островах, -
Неприступность стен России
На балтийских берегах.

Разбегаются проспекты
Стрелами прямых лучей.
В холод принимаешь снег ты
На просторы площадей.

Ленинград, неповторимы
Храмы и дворцы твои.
Вновь в музеях, мной любимых,
Ты сокровища дари!

Сколько знаменитых знали
Эти улицы, дома.
Русский гений вдохновляла
Петербургская зима.

С музой Блока я встречался,
То жилище посетив,
Где под плач ветров рождался
Поэтический мотив.

На Васильевском от Стрелки
Бросил я прощальный взгляд, -
Весь в торжественной отделке
Ты светился, Ленинград.

Увидав тебя однажды,
Я влюбился навсегда.
Расставаясь, пылко жажду
Возвратиться вновь сюда!

1988

В доме Анны Ахматовой

Я в Питере снова. Иду вдоль Фонтанки
В священный для русской поэзии дом.
Здесь жизнь начиналась всегда спозаранку –
В соседстве с огромным, роскошным дворцом.

Вхожу я во флигель, обителью ставший
Для гордой, страдающей женской души.
Печаль поселилась тутв сердце уставшем,
И Мужество выросло в грозной тиши.

Поэма великая в доме рождалась, -
Героя в поэме как будто бы нет.
Но Время героем ее оказалось –
Эпоха жестоких и огненных лет.

А юность казалась такой безмятежной!
Красавицу Питера грела судьба.
И вдруг, как свидетель любви безутешной,
Прозрела: поэты стреляют в себя...

Шло Время, и в Памяти цепкой вставали
Те страшные, первые годы войны.
А после великой Победы познала
Гражданскую казнь пред лицом всей страны...

К ней в дом я «фонтанный»пришел на свиданье.
В нем вещи и фото. Ее вроде нет.
Но вижу:величие духа в страданье
Оставило в доме немеркнущий свет...

1990

На Онежском озере

Карелия, страна озер,
Тебя увидел в первый раз, -
И нежная любовь с тех пор
К тебе в душе моейзажглась!

Онего, синяя вода...
Готовясь к Северной войне,
Недаром Петр пришел сюда, -
И стал сильнее он вдвойне.

И я железо то вкусил
Старинных Марциальных вод
И с радостью вдруг ощутил
Здесь в теле свежих сил приход.

Державин, первый ты воспел
На Суне Кивач-водопад, -
Когда-то он вовсю гремел,
Но и теперь я брызгам рад!

Онего, ты еще Кижи
Таишь – чудесный остров свой, -
Ты нам легенды расскажи
О стороне твоей родной.

Там сказка в дереве взросла –
Мастеровых безвестных труд.
Взлетели кверху купола
И к небу – к Богу нас зовут.

Прощаюсь ныне я с тобой,
Петрозаводск, не навсегда, -
И будет сон лелеять мой
Твоя Онежская вода!

1989

Город на Даугаве

Посвящается Эммануэлю и Гее Коганам

Есть города, что оставляют
Надолго в памяти свой след.
И вот опять меня пленяет
Твой, Рига, древний силуэт.

Взнеслись над Даугавой шпили
Соборов, башен и церквей, -
То дух готического стиля
Уносит в синеву людей.

Знал город страшные страницы
В своей истории большой.
Пусть в небе больше не клубится
Дым Саласпилса над тобой.

Под сводом Домского собора
Опять потряс меня орган
И погрузил,эпохе вторя,
В звучащий мощный океан!

Когда-то Райнис вдохновенно
Свободу Латвии воспел.
Ты, Рига, жаждешь обновленья
И совершенья славных дел.

А для меня ты тем дороже,
Что здесь вновь встретил я друзей.
И оттого, - признаюсь тоже,
Мне в этом городе теплей!

1989

Раздел 10. Под синим небом Тавриды

Встреча с Крымом

Схожу на землю Крыма, -
Блаженная страна!
О ней всегда мечтал я, -
И вот вблизи она.

Как много в небе солнца, -
Всё им оживлено,
И в море смотрят горы,
И воздух, как вино.

Крым, вдохновлял ты музу
Поэтов всех времен.
Так подари и мне ты
Волшебной лиры звон!

1989

В парке Салгирка
(Симферополь)

Стою я возле обелиска,
Где полководческий шатер
Воздвиг князь Долгоруков-Крымский
В преддверье сизых Крымских гор.

Гуляю в парке вдоль Салгира...
Несется горная река, -
И с ощущеньем счастья, мира
Тут забывается тоска.

О чем Салгир поведать хочет?
Что нам журчаньем говорит?
От века крымский камень точит
И вдохновение дарит!

Его струями восхищался
Когда-то Пушкин молодой –
И здесь невольно озарялся
Прекрасной творческой мечтой.

И век за веком пробегает,
За годом год, за днями дни,
Но речь Салгира навевает
Нам те же творческие сны...

1990

Отдых в Евпатории

Вот и Джанкой – ворота Крыма!
Степь мчится мимо вдоль пути, -
И Евпатория под солнцем
Предстала вскоре впереди.

Влюбившись в золотые пляжи
И в моря ласковый прибой,
Я не забуду блеск эфира
И небо с ширмой голубой.

В большой республике ребячьей
Тебе вдруг станет веселей,
Когда увидишь в чудных парках
Играющих с мячом детей.

Но, город, ты не только морем,
Ты древностью еще богат, -
Античная Керкинитида
Свой прячет под землей наряд.

А наверху – старинный город,
Кривых и узких улиц сеть.
Разноязыкие народы
Оставили здесь давний след.

И след поэзии... Ахматова
Тут с музой начала дружить.
Больная Леся Украинка
Могла здесь радостно творить.

И Маяковский, восторгаясь,
На пляжах нежился еще...
Тут с сыном Ариком и Людой
Мне тоже было хорошо!

1990

В древнем Херсонесе

Когда-то было тут огромное селенье,
А ныне всюду лишь руины вижу я.
Нигде не чувствуешь так времени движенье,
Как на развалинах былого бытия...

Вот здесь от крепости дома остались, башни,
А там, где камни, был театр, дивный храм.
Земля близ моря некогда служила пашней, -
Стоят колонны тут – дань Деве и богам.

Брожу по залам я античного музея,
Где вижу след культур, исчезнувших давно.
Средь ваз лежит плита из мрамора, белея, -
На ней же слово Клятвы запечатлено.

Сквозь толщу времени дошел завет народа,
Звучащий ныне как бы в назиданье нам:
«Я буду думать о спасенье и свободе
Страны и граждан, Херсонесе не предам.

Ниспровергать демократического строя
Не стану я, но буду только лишь желать
Народу в жизни справедливые устои, -
И в заговор, клянусь, не буду я вступать.

Но если всё же клятву эту я забуду,
Пусть ни земля, ни море не дадут плода,
Пусть мне и моему потомству будет худо,
И женщина не разрешится никогда!»

1990

На горе Митридат

(Город-герой Керчь)

Гора Митридат...Был здесь римлянин, скиф.
Отсюда невольно любуюсь простором:
Два мыса над бухтой, курганы, залив,
Проход из Азовского в Черное море...

Громадой гора над округой лежит –
Свидетель изменчивой воинской славы.
Владыки стремились ее покорить,
Решая тут судьбы народов, державы.

Не здесь ли десятки столетий назад –
В столице могучего прежде Боспора
Себя заколол, плача, царь Митридат,
Поняв, что напрасно был с Римом в раздоре.

Искали тут счастья на страх и на риск...
И год сорок первый потом наступает.
Да, здесь не случайно стоит обелиск,
И Вечный огонь над горой полыхает!

Тут дважды на город шел с Запада смерчь,
Круша на пути всё безжалостным строем.
Рождались герои и гибли за Керчь, -
И стала сама она градом-героем!

1990

Раздел 11. Стена горных вершин

На родине предков

(г.Куба, Сев.Азербайджан)

Я в Москве и учусь в шестом классе.
Мама тут сообщает мне вдруг:
Ты еще не бывал на Кавказе?
Есть возможность махнуть нам на юг!

Мы два дня почти едем в дороге –
Вот и станция наша Хачмас.
Перешло нетерпенье в тревогу:
Ты каким мне предстанешь, Кавказ?

И осталось нам ехать немного.
Я себе представляю в мечтах:
Где-то рядом с горою высокой
Городок весь в зеленых садах.

Но явилась иная картина –
Тут спускалась Куба к Шах-реке.
За еврейской слободкой в долине
Пик Шах-дага белел вдалеке...

В самом центре – наш дом деревянный,
В нем мой дед и родные живут.
Деда помню по юности ранней, -
Как читал он в Москве свой Талмуд.

В жизни горских евреев лишь малость
Знал я нравы, законы, язык.
Только странно всё время казалось,
Что когда-то здесь жил мой двойник...

Сколько было прогулок в долине
По лесам, по холмам, по садам.
От моста мы по лестнице длинной
Поднимались наверх – к небесам.

И гора открывалась отсюда,
Где покоились предки мои.
Близость кровную к жившим тут людям
Ощутил я в душе в эти дни...

1998

Кавказ

На высоты когда я взобрался,
То не мог оторвать своих глаз, -
И в груди моей гимн вдруг раздался
В честь тебя, величавый Кавказ!

Моему восхищенному взору
После долгих в разлуке годов
Вновь предстали скалистые горы
В белоснежном сиянии льдов.

Полюбил я лесами богатый
Знаменитый прохладный Домбай.
Там у неба повисли громады, -
Я б легендой назвал этот край.

А над всеми грядами, гребнями
Ты поднялся, двуглавый Эльбрус.
На короны твои с облаками
Я когда-нибудь, может, взберусь.

Гордо ты возглавляешь веками
Весь кавказских хребтов дикий строй,
Что раскинулся между морями
Неприступной и грозной стеной.

Да, коварны вы, горы, порою,
Гибель в недрах своих предрекли, -
Сколько тут смельчаков под собою,
Горы, вы навсегда погребли!

Но когда человек достигает
Неприступных когда-то вершин,
Высший взлет он тогда ощущает
Победившей высоты души.

Я горжусь, что в моих красных жилах
Льется матери горская кровь.
О, Кавказ! Передать я не в силах
Всю мою к тебе в сердце любовь!

Не бессмертна, увы, жизнь людская, -
Как других мы, так сменят и нас...
Лишь стоять будет, вечно блистая,
Многоглавый, могучий Кавказ!

1974

Кисловодск

(Сонет)

Кисловодску привет шлю прощальный,
Легкой грустью невольно томим, -
В этот час расставанья печальный
Ты мне более стал дорогим.

Не забуду я парка прохладу,
Мягкий шелест развесистых крон, -
Там не воздух – вдыхал я отраду,
И мне чудилось: это не сон?

А с вершины, куда я поднялся,
В окружении дымчатых гор
Ты мне, город, Поэмой казался

И таким в моем сердце остался
Вместе с вкусом нарзана с тех пор.
Так навеки пленил ты мой взор!

1974

Лермонтов в Пятигорске

Пятигорск. Я стою у подножья
Машука, где гранит-обелиск...
Было ль то провидение Божье
Иль слепой, неоправданный риск?

В белый домик с волненьем ступаю,
Где томился ты духом борьбы
И невольно опять представляю
Всю трагичность пути и судьбы.

Привлекли тебя горы Кавказа, -
Породнился могучий твой дух
С высотой, где, не дрогнув ни разу,
Пуль жужжаньем ласкал ты свой слух!

К миру шел ты с открытой душою, -
О любви лишь желал говорить.
Ты готов был своею слезою
Все страданья земные омыть.

Но, презрев все людские пороки,
Гордо скрыл ты свой голос в тиши.
И горит в поэтических строках
Жар твоей исполинской души!

Почему и теперь неразлучны
С теми песнями мы, что неслись
Из груди твоей, - так нам созвучны,
Будто только вчера родились?

Потому что бежал ты покоя
И туда смелый взгляд устремлял,
Где вздымалась волна за волною,
Где, ревя, бушевал дикий шквал!

Ухожу я. Прощай, белый домик, -
Для поэта последний приют.
Но твой, Лермонтов, маленький томик
Я беру в долгий жизненный путь...

1974

Ворота Каспия

(Дербент)

Над морем в горах цитадель нависает, -
Внизу весь Дербент пред тобою лежит.
История древняя вновь оживает,
И всё о минувшем тебе говорит.

Вот город, который пятнадцать столетий,
Возникнув едва, удивляет весь мир,
Поэтами разных народов воспетый,
Чьи «дивные» стены узрел Низами.

Чтоб с Севера город врасплох не застигли,
Чтоб натиск хазар он отбить был готов,
В нем персы мощнейшую крепость воздвигли, -
Царил в это время могучий Хосров.

Дербент был под властью халифов, султанов,
И в злобе огню Чингис-хан предавал.
Владели им хитрые шахи Ширвана,
Нашествие полчищ Тимура он знал.

Вновь персы вторгались, - Аббас тогда правил.
А следом – Надир-шах – «Вселенной гроза».
Жестокую память он в людях оставил,
Всем жителям вырезав в гневе глаза.

И в землю глазницы потом схоронили -
Во дворике старой мечети Джума.
Большие каштаны там ветви склонили -
С источником рядом, что видел Дюма...

Но помнит Дербент и другие походы.
Царь Петр на древнюю землю ступил, -
Пред ним дружелюбно открылись ворота,
Наиб сам ключи городские вручил.

Крошились и вновь поднимались тут стены.
Обильную кровь проливала вражда.
А ныне исчезли прошедшего тени, -
Горит свет побед лишь на фронте труда.

Воротами дружбы теперь называют
Цветущий и многоязычный Дербент.
И в сердце невольно любовь проникает
К тебе – город-крепость и город легенд!

1984

Воспоминание об Армении

Посвящается Г.Б.Зулумяну

Армения! Библейская земля
За снежными вершинами Кавказа...
Хочу признаться: полюбил я сразу
Твои долины, горы и поля...

Наш поезд шел по выжженной равнине
Среди суровых и отвесных скал, -
И желтые холмы я увидал,
Таинственно лежащие в пустыне...

И тут явился взору Ереван –
Красавец-город, сложенный из камня.
Твои поющие в ночи фонтаны
Мне не забыть, столица всех армян!

На крепость Эребуни поднимаюсь, -
Открылся Арарат в долине мне.
Здесь, трепетом объятый, в тишине
Истории дыханьем обвеваюсь.

Вот также много сотен лет назад
Стоял Аргишти-царь на этом месте, -
Ища защиты и готовый к мести,
Он город повелел тут основать.

И видел я собор в Эчмиадзине,
И высеченный из скалы Гехард, -
Там восхищался, радуясь, мой взгляд,
Строительным искусством армянина.

Я был на берегах твоих, Севан,
Где цвет водицыс синью неба слился,
Бродил в пещерах каменных Гориса,
Куда мой путь пролег через Кафан.

Армения пронзила сердце мне
Своим великим прошлым и печальным, -
В твоем краю, таком многострадальном,
Земле пришлось не раз пылать в огне.

Был год пятнадцатый... Он устрашает...
Тогда рекой текла убитых кровь!
По многим тысячам своих сынов
Армения скорбеть не перестанет...

Переживает ныне возрожденье
Древнейшая армянская земля, -
И радуюсь душою всею я
Ее весеннему, могучему цветенью!

1976

Страна души (Абхазия)

Давно меня ты привлекала,
Абхазия, страна Души!
В старинной Гагре мне сначала
Свои красоты покажи.

Тут горы с темными лесами
Вплотную к морю подошли, -
Покрыта лаврами, садами
Полоска узкая земли.

Повсюду южные растенья
Экзотикой прельщают взгляд.
Приятно под прохладной тенью
Смотреть на гаснущий закат...

Тебе неведомо здесь горе, -
Попал ты в райский уголок.
Соленый ветер дует с моря,
Навстречу – горный ветерок.

Есть удивительная чаша
С названьем Рица среди гор.
Скажу, что ничего нет краше
В стране Абхазской до сих пор!

Сухуми видел я. Дорога
Вела красивая туда.
Признаюсь, мне сказала много
Сухумская гора тогда...

И сосен аромат душистый
В Пицунде с радостью вдыхал.
В старинном храме органисту
Я зачарованно внимал.

И полюбился мне без меры
Тот берег, где лежит Афон, -
Его подземные пещеры
Запомнятся, как чудный сон.

А с Иверской горы зеленой
Передо мной простор возник, -
И, морем света ослепленный,
Здесь дух Абхазии постиг!

Меня навеки ты пленила,
Абхазия, страна Души.
Ты воскрешаешь жизни силы, -
Свои мне тайны расскажи!

1986

Раздел 12. Возвращение к корням

Песах в Москве

Любому еврею тот адрес знаком –
Архипова, шесть – синагога.
В дни праздника тянет сюда, как в свой дом, -
Поют и танцуют здесь много!

Веселием наши сияют сердца,
Как вешнее солнце в лазури.
Я славлю великого Бога-Творца,
Кто был с нами в беды и бури!

Два долгих столетья еврейский народ
В египетском рабстве томился.
Но вот он настал – самый радостный год, -
С неволей народ наш простился.

И песнь я во славу Свободы пою, -
Пусть минут нас горе, мученья.
Я Песаху радуюсь – дивному дню,
Как памяти об Избавленье.

Теперь, иудей, перемены я жду, -
Судьба в мире неотвратима.
И верю: наш праздник в грядущем году
Мы встретим в Иерусалиме!

1991

Прощание

Моим друзьям и коллегам

Вот и пришел – мой день отъезда.
Прощайте, милые друзья!
Всегда мы были с вами вместе,
А ныне в путь готовлюсь я.

Как много радости общенья
Дарили бескорыстно вы!
Я буду помнить в отдаленье
Все годы дружбы и любви.

И накануне расставанья
Я от души желаю вам
Здоровья, мира, процветанья,
Добра со счастьем пополам!

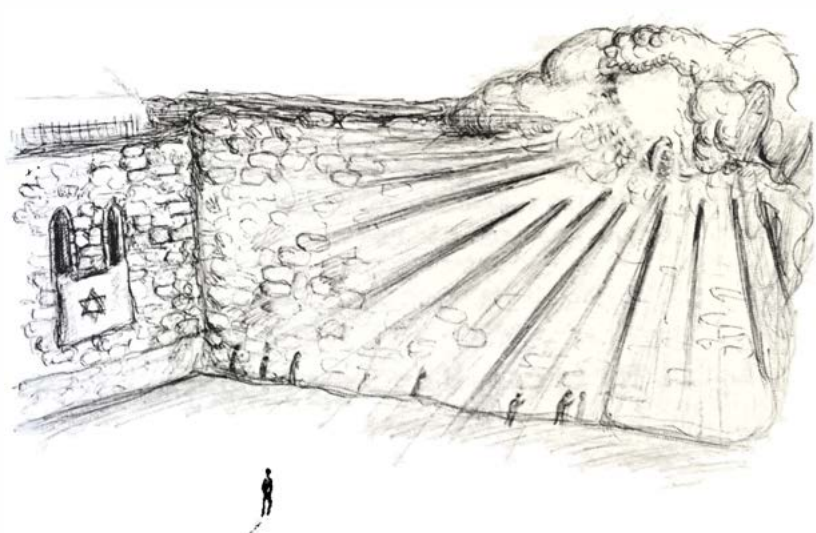
Скажу: без вас мне будет трудно, -
Разделит расстоянье нас.
Но верю: в праздники и будни
Меж нами не прервется связь.

В нелегкий этот час прощанья,
Друзья, невольно мы грустим...
Но знаю: день придет свиданья, -
Есть мост Москва – Йерусалим!

1991

Так вот она – Священная стена,
Немой свидетель дней Второго храма, -
Истории огнем обожжена,
Несущая израильское знамя!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ
(СТИХИ ОБ ИЗРАИЛЕ)

Раздел 1. Постижение страны

Моим читателям

Друзья мои, не без волненья
Вручаю труд вам новый я.
Душе дарила вдохновенье
Обетованная земля.

Но не дано мне на иврите
В стихах к ней выразить любовь.
Поэтому, друзья, примите
На русском книгу пылких строф.

Пусть наших критиков-евреев
Волнует больше поиск блох, -
Моим читателям виднее,
Хорош ли стих мой или плох.

И для меня нет выше чести,
Чем верить, что для строк моих
Найдется в вашем сердце место
Средь половодья тысяч книг!

2001

Из цикла «В святом городе»

Исход

Нет, разве забудутся эти мгновенья -
Приезд в Будапешт и ночной перелет?
И новые, странные те ощущенья –
Наш дивный из снежной России исход?

Ныряет наш лайнер во тьму поднебесья, -
Под нами – Израиль с огнями во мгле.
Взволнован, надеждам распахнутый весь я
Пред первою встречей на новой земле.

Направлены силой неведомой Свыше,
Частицей потока несемся сейчас,
Уверены с твердостью в собственной крыше, -
Что станет Израиль весь домом для нас.

А там – за долами, морями, горами
Остались Россия и наши года –
С просторами далей, лесами, снегами, -
Мы с ними простились в душе навсегда.

И мчимся мы в город священный, еврейский, -
И черную, звездную ночь ноября
Сменяет, играя в горах Иудейских
Разливами алого света заря...

1996

Встреча с Иерусалимом

Ради этого дивного мига
Я готов шар земной облететь, -
Вот стою в сердце древнего мира
И весь город могу обозреть.

Полумесяц, кресты, щит Давида
Славят Бога могучего здесь, -
И средь этого чудного вида
Благодать ниспадает с небес!

1991

Город мира

Я встречей жил с Йерусалимом...
И вот, счастливый иудей,
В своем пути невозвратимом
Увиделся с мечтой своей.

Священный город – град Давида,
Ты мне открылся с высоты.
Забрал, чаруя древним видом,
Ты девять мер от Красоты.

И кланяюсь, волнуясь, ныне
Я старым стенам и камням,
Твоим могилам и Святыне,
Твоим деревьям и холмам.

Ты, мирным днем благословенный,
Даришь душе моей покой.
И он – дух древности нетленный,
Витает всюду надо мной.

Внезапно погрустнела Лира:
Развалины Хурвы видны.
Ты, город, создан был для мира,
Ноопален огнем войны.

Встают картины разрушенья:
Неистовство и злость врагов,
Огонь, бои в ожесточенье,
Текущая ручьями кровь.

Мечу воинственного Рима
Был чужд закон Творца земли.
От павших стен Йерусалима
Сыны в изгнание ушли.

Страдающий и безутешный,
Еврей к тебе взывал в мольбе.
Я из страны бескрайней, снежной
Принес любовь свою тебе.

Мой город трехтысячелетний,
Изведал вновь ты ратный труд.
К поруганной Святыне древней
Был жизнями проложен путь.

Град с сердцем вновь соединились.
И, плача у Святой стены,
О мире воины молились, -
Чтоб минул город смерч войны....

1996

У стены плача

За то, что от Тебя далек был я,
Еврейский Б-г, здесь каюсь пред тобою!
Твой Свет закрыт был долго для меня, -
Был обделен суровой я Судьбою.

Но вот момент торжественный настал,
На землю предков ныне приземлился
И радость небывалую узнал,
Когда я со своим народом слился.

Неведомою силою влечен,
Иду я в старый град, волненье пряча, -
И замер вдруг (подумав, это сон?),
Под куполом увидев Стену плача.

Так вот она – Священная стена,
Немой свидетель дней Второго храма, -
Огнем истории обожжена,
Несущая израильское знамя!

И с трепетом я прикоснулся к ней,
И надо мной прочли молитву строго, -
И понял всей душой, что я – еврей,
И ощутил в себе дыханье Б-га!

1992

На горе Герцля

У нас гор много в Иудее,
Но есть средь них гора одна,
Священная для всех евреев, -
В столице высится она.

Сюда я вновь иду с волненьем,
Чтоб поклониться праху тех,
Кто жил мечтой о возвращенье
К своим корням евреев всех.

Лежат здесь Герцль, Жаботинский...
Евреев эти имена
Зажгли идеей сионистской,
Что путь к спасенью – их страна.

Меня зовут еще могилы –
Прах наших лидеров больших.
Они историю творили, -
И Голда Меир среди них.

К другой могиле потянуло.
Он, Рабин, в ней – герой войны.
Сразившая премьера пуля –
Беда и боль, и стыд страны...

Иду я к воинам, погибшим
В терактах, войнах, на посту.
Стою здесь, голову склонивши, -
Молчаньем грустным прах их чту.

Тут, на горе, я постигаю
Еще полней, что я – еврей,
И благодарность ощущаю,
Что жить могу в стране своей!

1997

День Памяти
(музей «Яд вашем»)

Сирены звук по всей стране.
Минута скорбного молчанья.
То нам – живым напоминанье
О том, что было в той войне...

Евреям вынесен кровавый приговор.
Исчезнуть было нам назначено с тех пор.

Ты остров нашей Памяти и Боли, «Яд ва-Шем».
На этом снимке мальчик в гетто нем.
Но жутко от мальчишеского взгляда,
В котором, кажется, все муки Ада...

На серых стенах вижу имена.
Везде они, им нет числа.
Перед нацистами вина одна –
Еврейская их мама родила.

Стою, поникший, я у Вечного огня,
И сердце жжет мне пепел Катастрофы.
Как мне вложить всю эту скорбь
Об убиенных в эти строфы?

Иду я в зал, где полумрак.
Невольно замедляю шаг.
И гаснут звездочки – ребячьи души.
А слезы солью душат, душат...
Иль должен был случиться Холокост,

Чтоб целый мир признал права
Израиля на возрожденье?
Помогут ли о помощи слова?
Своя страна – залог спасенья!
Преодолеем разобщенье!

Сирены звук по всей стране.
Минута скорбного молчанья...

1999

Примечание. *Название музея «Яд ва-Шем», посвященного Катастрофе европейского еврейства во Второй мировой войне, в переводе с иврита означает «Память (рука) и имя».*

Из цикла «В горах Иудейских»

По дорогам Израиля

Израиль! Что высоким слогом
Нам проповедовал Сохнут?
Страну, завещанную Богом,
Где молоко и мед текут.

И каждый день я жду мгновенья,
Когда смогу взять в руки руль.
Жизнь чувствуется лишь в движенье,
Заботы обращая в нуль.

Дорога так же, как в России,
Безудержно зовет меня.
В Израиле пути любые
Легко одолеваю я!

В окне меняются картины –
Поля, холмы, леса, пески.
То стадо вижу бедуина,
То русло высохшей реки.

И райские виденья, грезы
Проносятся в душе моей,
И не страшны мне беды, грозы,
Когда мчусь я средистепей!

С души спадают все оковы,
И растворяется печаль.
А голос в песне «Эрец» снова
Поет мне, как прекрасна даль.

Её целуются границы
На юге, где залив блестит, -
И что бы в жизни ни случится,
В стране Завета буду жить!

Израиль мой! Твои дороги
Вобрал взволнованный мой стих, -
И солнце, море, горы, логи,
И тайны древностей твоих.

Земля, завещанная Б-гом,
Ты даришь сердцу красоту.
Здесь молока и меда много,
Но часто горечь жжет во рту...

1996

Примечание. *Слово «Эрец» в переводе с иврита означает «страна».*

Кастель
(Дорога жизни)

Путь в Иерусалим из Тель-Авива...
Его, мой друг, не быстро проезжай.
Чарует вид окрестных гор красивый,
Когда въезжаешь ты в Шаар-а-Гай.

Здесь раскидала по краям дороги
Металл машин жестокая война.
И «Баб эль-Вад» во мне звучит с тревогой:
«Навек запомни наши имена!»

Похожа крепость Кастель на корону,
Воздвигнутую Римом на горе.
Отсюда виден весь, как на ладони,
Наш древний город в утренней заре.

Запахло порохом еще в апреле,
Когда страна еще не родилась.
Уже тогда бои во всю гремели,
И за дорогу схватка началась.

Повсюду здесь окопы и траншеи.
Жар боя будто ощущаю я
И чувствую дыхание евреев,
Презревших страх перед стеной огня.

Количеством арабы крепость взяли.
И все ж недолго радовался враг.
В сражениях мы крепость отстояли, -
С тех пор над нею наш – еврейский флаг.

Отбили вместе с крепостью дорогу,
Что к городу введет чрез горы ввысь.
Почувствуй, путник, как и я, тревогу, -
У памятника тут остановись.

Тогда тебя дыханьем грозным в песне
Вдруг обожжет прошедшая война.
И голос павших воззовет, воскреснув:
«Навек запомни наши имена!»

1999

Примечание. *Название песни «Баб эль-Вад» в переводе с иврита означает «Ворота ущелья».*

Весна в Иудейских горах

(Заповедник Масрек)

Ты, если захочешь, как я, тишины,
Езжай в Иудейские горы, -
Почувствуешь там чудодейство весны,
И радость навеют просторы.

С волненьем зайдешь в заповеданный лес,
Вдохнешь там зеленую хвою.
В просветах ветвей край увидишь небес, -
Сольешься душой с синевою.

Вокруг на полянах увидишь цветы –
То нежная роза фиалки.
И сердцем воспрянешь от той красоты, -
Заботы покажутся жалки.

Здесь видели наших бойцов в дни войны
Высокие сосны-иголки.
«Масрек», - так то место назвали они,
Что значит по-русски «гребенка»

Тут прятались в чащах и недрах земли
И вылазки делали смело,
Чтоб ныне в Израиле жить мы могли,
Довольные новым уделом!

1997

Огненный свиток

Так сказал Господь им:
Вот я открыл ваши могилы,
Поднял вас из могил моего народа,
Принес вас на землю Израиля,
Дал дух вам и вашим жизням
И приземлил Вас на Вашей земле.

Пророк Иехезкель

Я к Свитку из бронзы в смятенью шагаю, -
Возник средь просторов в горах Иудеи.
И заново путь этот переживаю,
Каким, Б-гом избранны, шли мы, евреи.

Как дьявольский план – сжечь народ целый в муках
В культурной Германии мог зародиться,
Где Шиллер с Бетховеном в оде и звуках
Людей звали братьями – в радости слиться?!

Освенцим – вот символ двадцатого века.
Законы морали отныне – химера.
Насилье господствует над человеком,
И в тлеющем Свитке горит наша Вера...

На жертву евреи не шли как овечки, -
Герои Варшавского гетто предстали.
В честь вас не погасятся Памяти свечки, -
В восстании смерть вы достойно приняли!

Постигло прозренье в горах Иудейских:
Не знали бы скорби великой поныне,
Когда бы владели Страною еврейской
Мы вместо скитаний средь наций в пустыне...

Где души шести миллионов погибших?
Я верю: свершилось по Слову пророка, -
Б-г вырыл могилы и, Духом оживших,
Сюда перенес вас – в Израиль до срока!

1998

Примечание. *Речь идет о памятнике «Мегилат эш» (Огненный свиток) работы Натана Раппопорта, установленном в 20 км от Иерусалима.*

У могилы Артура Рубинштейна

Искусством своим покорив целый мир,
Как царь, он над звуками правил.
Но в жизни Артиста один был кумир –
Страна наших предков Израиль.

Он чувствовал чуткой душою своей,
Чем каждый народ мог гордиться.
Но помнил всегда, что по крови- еврей,
И к нам, как в свой дом, он стремился.

На этой земле у живого есть срок, -
И в нем прекратилось дыханье.
Вернуть прах туда, где израильский Б-г,
Просил он в своем завещанье.

От этой могилы, где дивный простор, -
В окрестностях Йерусалима,
Открылся вдруг вид Иудейских мне гор
В сиянии неповторимом!

И, кажется, Музыкой залито всё
Великое это пространство, -
И дарит Артур вдохновенье своё
Зеленому всюду убранству.

И верится: смерть не всесильна теперь
Взять звук беломраморных клавиш.
Воскреснувший дух из пучины потерь, -
Игрой вновь Израиль ты славишь!

1998

Модиин

Красивое место. Бескрайний простор.
Как волны, холмы за холмами.
И местность, куда бы ни кинул я взор,
Усеяна всюду камнями.

Здесь край Иудеи. Поблизости Лод.
Раскинулся город огромный.
И мы на раскопках второй уже год
След прошлого ищем упорно.

Село Хасмонеев виднеется мне, -
Могилы их там, под камнями.
От этих холмов разошлось по стране
Войны благородное пламя!

Повсюду в Израиле греческий гнет.
Тора под запретом отныне.
Страной правит царь Антиох сумасброд
С мечтой о «народе едином».

Явились вдруг греки сюда – в Модиин, -
Им надо как будто немного:
Возлить воскуренья кумирам своим,
Отречься от нашего Б-га.

Мы знаем, кто там не стоял в стороне
И грека убил в гневном споре.
И с кличем: «Кто с Б-гом – идите ко мне!»
Бежал с сыновьями он в горы.

Как молот, громил ненавистных врагов
Напор партизанского боя.
И будут учиться чрез много веков
Науке Маккаби – героя!

Но что вдохновляло захватчиков бить? –
Страсть веры в Творца, дух Свободы!
Сражались за право евреями быть,
Не жить, как «другие народы».

Чтоб Йерушалаим, где Господа Дом,
Стал снова еврейским навечно,
Чтоб снова горел в нашем Храме святом
Огонь Меноры бесконечно!

Село Модиин. Маккавеи тут спят.
У этих могил молкнут речи...
И рядом теперь обелиски стоят, -
Кругом кипарисы, как свечи.

Тут клятву дают молодые бойцы
Быть храбрыми, как Маккавеи.
Давно доказали их предки-отцы:
Умеют сражаться евреи!

1996

Примечание. *Клич «Кто с Б-гом, идите ко мне!» принадлежал Матитьягу Хасмонею (Хашмонаю)*

Неот Кдумим весной

Я вновь спешу в Неот Кдумим –
Воссозданный пейзаж близ Лода,
Весь нетерпением томим
Побыть с библейскою природой.

Тут завораживает даль
Молочно-матовым звучаньем,
И радует в цвету миндаль
Туманно-розовым сияньем.

Гуляю по холмам с утра,
Где распустился лист шалфея, -
Живет-не-меркнет Менора,
Как свет Господен для еврея.

Сраженный видом красоты,
Спускаюсь я с холмов в долину, -
И ярко-красные цветы
Сливаются в одну картину.

Песнь Песней слышится во мне –
Песнь Соломона в честь любимой:
Зима прошла у нас в стране, -
Дождь миновал, промчался мимо.

И время пения пришло, -
То голос горлицы взывает.
В плодах инжира есть тепло,
И виноград благоухает...

1997

Примечания. *Неот Кдумим – это заповедник библейской природы, в переводе с иврита означающий «Сокровища древности».*

Неот Кдумим осенью

Суккот пришел в Неот Кдумим, -
И на осенние тропинки
Под небом млечно-голубым
Упали первые дождинки.

Кивают белые цветы, -
То каперсник, что жив столетья.
Встречаются еще кусты
Мне мирта – символа бессмертья.

Харув на горке вижу я,
Опешив вдруг от древних звуков:
Как дед сажал тут для меня,
Так сею семена для внуков.

Здесь кедр ветви распластал, -
Он землю стойкостью прославил.
Пророк Исайя предсказал:
Подобен дереву Израиль!

Я отдыхаю у пруда, -
Такой же был у Соломона.
Питая рощи, вниз – сюда
Стекает влага с ближних склонов.

От зеленеющих маслин
Идет сияние, как чудо.
Недаром край наш напекли
Оливой, свет несущей людям!

1998

Примечание. *Суккот (шалаши) – один из трех главных религиозных праздников, посвященный исходу евреев из Египта.*

Древний Хеврон

Посвящается художнику Шмузлю Мучнику

Еврейский квартал в самом центре лежит, -
Он как островок средь стихии враждебной.
Кому же теперь город принадлежит?
Арабам? Евреям в борьбе многолетней?

В святую пещеру для нас – Махпела
Теперь вход открыт. В сердце трепет священный.
Здесь прах патриархов земля приняла, -
Витает невидимо дух их нетленный...

В те дни праотцом нашим на Алтаре
С молитвами жертвы Творцу приносились.
Я вижу развалины рощи Мамре, -
Три ангела там Аврааму явились.

Обещана здесь нам земля навсегда,
И Калев Хеврон получил, как в награду.
Тут царства Давида всходила звезда, -
В нем правил семь лет он евреям в отраду.

С тех пор не спадала погромов волна
От рук мусульманских, клинков европейских.
Рубеж – Шестидневная наша война,
И древний Хеврон станет снова еврейским.

Бесстрашные люди – министрам в укор –
Готовы здесь жить, умереть ради Веры.
Напомнил нам выстрел Гольдштейна в упор:
Тут линия фронта с накалом сверх меры...

Художник Шмуэль есть средь этих людей,
В чей дом, весь в картинах, распахнуты двери.
С волнением входишь в хевронский музей,
Где видишь ты снимки погибших евреев.

Завет праотцов сохранить мы должны:
Тут ближе мы к Б-гу в стремленье сердечном.
Хеврон – это ключ от Еврейской страны, -
И наше присутствиебудет в нем вечным!

1996

Примечание.*В пещере Махпела похоронены праотцы-патриархи ев-*

рейского народа Авраам, Ицхак, Яаков и их жены Сарра, Ривка и Лея. В феврале 1994 года врачом Барухом Гольдштейном выстрелом из автомата в пещере Махпела было убито 29 арабов, чем был предотвращен готовившийся еврейский погром в Хевроне.

Из цикла «На улицах старого и нового Тель-Авива»

В древнем Яффо

Готическая башня – символ Яффо –
Уже сто лет стоит здесь на часах.
Но прошлое теряется в веках.
Где грань между легендами и явью?

Под жгучим солнцем порт у волн игривых
Морскими стал воротами страны.
Возникший в незапамятные дни,
Не зря названье получил «Красивый».

Иду, вдыхая свежий ветер с моря.
Над городом – синеющая высь.
Вот скалы над водою поднялись,
Где слышу стоны Андромеды в горе.

Сквозь улочки наверх я пробираюсь.
Оставил арку тут Рамзес векам.
От многих войн не заживает шрам, -
Историей кровавой проникаюсь.

С оливой Македонского встречали, -
И эллинский послышался мотив.
Но Маккавеи, грекам отомстив,
Для Иудеи порт отвоевали!

С тех пор завоевателей немало
У моря древний город повидал.
Я на пути наследье их встречал:
Кресты церквей и символы ислама.

И тут маяк мое привлек вниманье, -
Он светом был надежды на весну
Евреям, возвращавшимся в Страну
Из страшной Тьмы двух тысяч лет изгнанья.

А ныне Яффо дышит вестью Мира,
И на руинах вновь растут цветы.
Повсюду здесь приют для Красоты, -
И меч войны сменили кисть и лира!

1999

Примечание. *Согласно древнегреческому мифу, Андромеда, прикованная к скале близ Яффо, была освобождена героем Персеем.*

Тель-Авив с высоты птичьего полета

Посвящается сыну Арику по случаю совершеннолетия

Тебя, мой сын, я ныне поздравляю:
В честь бар-мицвы слагается мотив.
И вот тебе подарок я вручаю:
Большой еврейский город Тель-Авив.

Давай с тобой поднимемся на башню
«Мигдаль шалом» и глянем с высоты
В сто сорок метров тут бесстрашно
На панораму дивной красоты!

Ты видишь колоссальный пестрый город, -
Как птица, Арик, ты паришь над ним.
Так знай: не сразу он возник у моря, -
Когда-то место было тут пустым.

Тогда собралась на песке прибрежном
Евреев кучка, - с ними – Дизенгоф, -
Чтоб рядом с Яффо выстроить прилежно
Гимназию, квартал и план готов!

Потом взнеслись высотки в этом месте.
Ты к набережной обрати свой взгляд, -
Мы там с тобой плескались в море вместе,
Где цепь отелей выстроилась в ряд...

Так помни: в испытаниях великих
Воздвигли тельавивцы город свой.
Террор арабский в ненависти дикой
Не обошел их город стороной.

Но Тель-Авив тех взрывов не страшится.
По улицам пройдись и посмотри:
Умеют здесь не только лишь трудиться,
Но также веселиться до зари!

1998

Примечание. *Совершеннолетие (бар-мицва) у мальчиков в Израиле отмечается по достижению 13 лет.*

Микве-Израэль

Смотрю я кругом и не верится мне,
Что прежде была тут пустыня.
Захватчики всё истребляли в стране, -
Печальные были картины...

Теперь же я слышу ребяческий смех.
Зачем я так поздно родился?
Как жаль, что я не был тогда среди тех,
Кто первый в Страну устремился.

Вот фикус бенгальский – свидетель тех лет,
И старая миква с ним рядом.
Смывался галута презренного след -
К истокам возврат шел с отрадой.

И манит к себе ботанический сад, -
С любовью его посадили.
А между кустами – цветочный наряд
И дерево в виде бутыли...

На этих когда-то пустынных полях
Учились труду земледельцев.
Цвела в виноградниках снова земля,
И ждал урожай поселенцев.

Иду мимо пальм по аллее туда,
Где старое зданье из плитки.
Вот здесь выпускались орудья труда
И грозная пушка Давидка...

Да, прав был Старик, произнесший потом
(Он в камне стоит чуть подальше):
«Страна начиналась не в сорок восьмом,
А здесь и столетием раньше!»

1999

Примечания. *Микве-Исраэль – это сельскохозяйственная школа, основанная в 1870 году. Микве (миква) означает бассейн для ритуальных омовений. Старик – это партийная кличка Бен Гуриона.*

Неве Цедек

Близ Яффо Неве-Цедек вдруг возник
В арабском – во враждебном окруженье.
Здесь возрождался древний наш язык,
Хранился дух традиций, просвещенья.

В сеть узких улочек вступаю я
И в мир другой как будто попадаю.
Чаруют их названия меня:
Кто все они, чьи имена встречаю?

На площадь выхожу и на стене
Мозаику я вижу и портреты.
Шелуш, Барнет, Амзалаг скажут мне,
Кто озарял квартал еврейским светом.

В том доме школа некогда цвела,
Потом и Хагане она послужит.
Строенье рядом красят два крыла, -
И в нем стихия танца вас закружит!

Чрез парк Екутиэли прохожу,
Читаю имя Рокаха на зданье.
На улице мидраш я нахожу,
Где поклонялись ревностно Писанью.

А дальше вижу Гутмана я дом, -
Где знал художник творчества порывы.
Бродя по залам, погружаюсь в нем
Я в мифы старые о Тель-Авиве...

2000

Примечание. *Неве-Цедек – первый еврейский квартал в Тель-Авивеи в переводе с иврита означает «Оазис справедливости».*

Тель-Авивское кладбище

Вхожу я на старое кладбище ныне, -
Его обступает кольцо из домов.
То кладбище в знойной прибрежной пустыне
Когда-то возникло средь зыбких песков.

Возникло как память о жертвах холеры,
Косившей евреев в те страшные дни,
Как память о верных Давидовой вере,
Погибших от дикой арабской резни.

Аллеями братьев зовутся могилы,
И сердце пронзает печальный их вид.
Средь тех, кто сметен необузданной силой,
Известный писатель наш Бреннер лежит.

Волнуясь, читаю гранитные плиты:
Нордау, Арлозоров, Роках, Шарет.
Землей Дизенгоф, Бейлинсон здесь покрыты,
Ахада а-Амая слышу привет...

К еврейским сердцам – смелым, пламенным, чистым
Относятся славные те имена.
Героям подполья,борцам, сионистам
Рожденьем обязана наша страна.

Хаим Нахман Бялик... В далекой России
Твой сказ о погроме потряс душу мне.
Шауль Черняховский...В ивритской стихии
Ты учишь любви к возрожденной стране!

1999

Примечания. *Старое тель-авивское кладбище, расположенное на улице Трумпельдор, начало действовать в 1920 году. Ахад а-Ам (в переводе с иврита «Человек из народа») – псевдоним еврейского философа и писателя-публициста Ушера Исаевича Гинцберга.*

В доме Бялика

Вхожу в его я дом, боясь дохнуть,
Смотрю вокруг с волнением сердечным.
Здесь жил поэт, нам осветивший путь, -
Поэзия вошла сюда навечно.

В библиотеке он сидеть любил,
Среди любимых книг уединенный.
Вот кабинет, где творчеством он жил,
Весь в думы о минувшем погруженный.

Вставали вновь картины юных лет:
Учеба в хедере и ешиботе,
Житомир и Волошин, мрачный дед,
И он – подвижник Торы и Свободы.

Зараз решится на отважный шаг –
И в город юных грез он устремится,
И в нищете, лишенный всяких благ,
Он там, в Одессе, как поэт родится.

Он в гневных строках миру рассказал
О жертвах кишиневского погрома.
Собратьев он любовью заражал
К Стране – обещанному Свыше дому.

Прощай, Берлин и славы торжество!
Давно зовет к себе страна Завета.
И Тель-Авив, ликуя, ждет его,
Встречая, как народного поэта.

Заполнен переводами сей дом
И книгами учений из Талмуда.
Но собственная Муза смолкнет в нем,
И он останется певцом Галута...

2000

Из цикла «От Мертвого моря на Север»

Соленое море

Вниз еду. Отметка на уровне моря...
Полоски воды засверкали вдали.
И в дымке открылись Моавские горы,
И глыба из соли предстала с земли.

Как эта громада возникла в пустыне?
Какие сверхсилы явили на свет?
И ей удивляясь, как чуду, поныне,
Мы в Божьем Завете находим ответ.

Всё было когда-то во дни Авраама, -
Содом и Гоморра погрязли в грехах.
Великий разврат прорастал сорняками,
И гостеприимство растоптано в прах.

Б-г в гневе пролил серный дождь с небосвода, -
И, дрогнув, качнулась земная кора.
И вышли из недр океанские воды,
И выросла рядом из соли гора...

Безжизненным был водоем тот соленый.
Но сжалиться Б-гнад людьми был готов –
И создал Эйн Геди – оазис зеленый
С обильем растений, зверей, родников.

Здесь где-то средь зарослей в темной пещере
От гнева Саула спасался Давид.
И жажду потом утоляли евреи –
Бар Кохба с бойцами – Израиля щит!

1998

Примечание. *Бар Кохба (в переводе с иврита «Сын звезды») был предводителем Второго еврейского восстания против римлян.*

Кумран

Над Мертвым морем солнце жжет без меры.
В Кумран мы с тайным трепетом вошли.
Чернеют входы в скальные пещеры,
Где свитки очень древние нашли.

Обходим мы с друзьями городище.
Вот башня и цистерны для воды,
Вот зал собраний, где вкушали пищу,
Где Б-г внимал молитвам с высоты.

Вот здесь,-в Скриптории писали свитки
Во имя Б-га и Священных уз, -
Наследие людей, презревших слитки,
Объединенных в Праведный союз.

И в ожиданье окончанья Света
Тут отдалялись ото лжи и зла.
Они, назвав себя Сынами света,
Творить стремились добрые дела.

И в свитках нам оставят описанье
Той – будущей войны с Сынами тьмы.
Их верность Б-гу станет завещаньем,
Вошедшим в речь Пророков и в Псалмы...

2000

Примечание. *Имеются в виду свитки с фрагментами из книг пророков и псалмами, найденные в глиняных кувшинах в 1947 году.*

Подъем на Мецаду

По зову Сохнута недавно в страну
Они прилетели из дальней России, -
И юность веселая в эту весну
Отправилась к Мертвому морю впервые.

Идет путь наверх, по Змеиной тропе, -
Как тяжко взбираться в жару на вершину.
Быть может, был первый подъем в их судьбе, -
И взоры ребят захватила картина:

Остались от Ирода стены, дворцы,
Колодцы, бассейны, и склады,и башни.
Тут жили, молясь, наши предки, отцы
И с именем Б-га шли в бой рукопашный.

На запад уходит с проломом стена, -
Решилась тут участь всей долгой осады.
Отсюда огромная насыпь видна,
Где римляне мчались, победе уж рады.

Но странная их тишина там ждала, -
Ты, Флавий Иосиф, был дней тех свидетель.
Лежали повсюду лишь мертвых тела,
И встретили римлян пожары и пепел...

Под небом ночным с мириадами звезд
Мы всю оборону увидели снова, -
То с Римом могучим сражалась лишь горсть
Евреев – ревнителей Веры и Слова.

И юные души – почувствовал я –
Встряхнула предсмертная речь Бен-Яира:
«Постыдное рабство избегнем, друзья,
Свободно уйдем мы из этого мира!»

1997

Примечания. *Иосиф Флавий – еврейский военачальник и историк, перешедший на сторону римлян в Первую Иудейскую войну.После экскурсии состоялось ночное шоу – представление на склонах горы Мецада.*

Тель-Шило

Исполнена мечта. Я – в Тель-Шило -
Священном месте нашего народа.
И в глубь веков меня перенесло –
Во времена великого Исхода.

Здесь, в самом центре Самарийских гор
Шатры разбили люди не случайно
Со всех сторон – невиданный простор, -
Отсюда небо кажется бескрайним.

Тут Иешуа – наш еврейский вождь
Израильским коленам дал наделы.
В молитвах здесь просили хлеб и дождь,
И чтоб врагов мы в битвах одолели!

Когда-то здесь бурлил еврейский стан
И триста лет был местом единенья.
А там, внизу стоял святой Мишкан,
И к Б-гу возносились воскуренья.

Шмуэлю Б-г сказал в чудесном сне:
«Из-за грехов Шило постигнут беды».
Сбылось: филистимлянами в войне
Захвачен силой был Ковчег завета.

И все-таки к Всевышнему любовь
Народ сливала в сплав единый некий.
И вижу: ныне рядом вырос вновь
Поселок Тель-Шило-теперь навеки!

2000

Примечание. *Мишкан -Ковчег завета и жертвенник.Шмуэль – один из самых известных праведников-пророков.*

Голанские высоты

Весна. С врагом идут переговоры.
Судьба Голан решается сейчас.
И я спешу туда в разгаре спора –
Увидеть, может быть, в последний раз.

Черна земля на плато от вулканов, -
Покрыл базальт ее со всех сторон.
И над равниной снежным великаном
На севере вздымается Хермон.

Здесь жили испокон веков евреи,
От Менаше ведущие свой род.
И славился Башан по Иудее
Страной муки, кормившей весь народ.

Готовит беды римское вторженье.
Иосиф нам оставит свой рассказ.
Потоком кровь лилась в чаду сраженья,
Но крепость Гамла до конца дралась!

Оставшись верными навеки Б-гу,
Евреи из Башана не ушли.
В Кацрине древнем вижу синагогу
И барельеф с плодами той земли.

Века земля лежала в запустенье.
Господствовал арабский халифат.
И все-таки дождалась возрожденья, -
Евреи вновь сажают виноград.

Скелеты старой техники военной
Мне из окна автобуса видны, -
Следы ожесточенных тех сражений
Последней и решающей войны!

И чувствую, как буря возмущенья
В душе с протестом гневным поднялась.
Голаны – всё ж еврейские владенья,
И я их вижу не в последний раз!

2000

Примечание. *Голанские высоты в древности носили название Башан. Под последней и решающей войной имеется в виду война Судного дня (1973 г.)*

Из цикла «Дорога на Юг»

Раскопки в Ашкелоне

Посвящается Грише Гуревичу

Иду вдоль моря парком. Вот и порт.
Когда-то шла здесь бойкая торговля.
Совсем неподалеку старый форт:
Колонны на стене, как пушек жерла.

Сломив в войне мятежный Ханаан,
Рамзес Второй тут праздновал победу.
Здесь царь Давид громил филистимлян,
В молитвах верный Божьему завету.

Прохладой ранней манит парк меня,
Средь зелени мелькает мрамор белый.
И вдруг античный дворик вижу я,
Где эллинизм прельщает культом тела...

На смену грекам римляне пришли, -
Тогда родился Ирод в Идумее.
Дворцы и башни встали из земли, -
В угоду Риму строили евреи.

Прошли века. И тут сошлись в тот день
Крест христианский с месяцем ислама.
Бейбарс взял крепость, - с этих грозных стен
Низвергнул в море крестоносцев знамя.

Минули вновь столетья, и, как дар,
Вновь Ашкелон отстроили евреи.
Ведем раскопки там, где Афридар, -
Надгробья прошлого а его музее.

Ты, город пляжей, славишься вокруг
Мариной – гаванью для яхт спортивных.
Еще живет в нем Гриша – близкий друг, -
Сдружились на раскопках этих дивных.

1998

Песнь о Негбе

Посвящается Меиру Минделю

Ты, Негба, лишь точка в просторах равнины,
Затеряна между лесов и полей.
Скажи, почему с первой встречи поныне
Ты тянешь к себе все сильней и сильней?

Вновь башню увижу, как мину ворота, -
Вся в ранах она от снарядов и пуль.
Когда-то здесь падал град бомб с самолетов, -
В ушахот орудий стоял дикий гул...

Вас встретят тепло и расскажут в музее,
Как в злобе орда к Тель-Авиву рвалась.
И тот же вопрос вновь звучал для евреев:
Израилю быть или не быть в страшный час?

О том, что звалась,Негба, ты Сталинградом,
Расскажет история вам, а не бланк.
Как мы отражали атаки в осаде,
Напомнит трофейный египетский танк.

Арабы не знали, что здесь воевала
Лишь горстка защитников в шквале огня
И вместе с «Гивати» блокаду прорвала
В разгаре июльского знойного дня!

Взять крепость Йоав нам еще предстояло, -
Была неприступной она, как нигде.
И после восьмого удара лишь пала –
Не силой, а мыслью Ицхака Саде.

На месте, где Трое из бронзы восстали,
Чту память о павших от мин и в бою.
Тебе, Негба, песни души посвящали, -
И песню свою в честь тебя я пою!

1997

Примечание. *Крепость Йоав прежде называлась арабами Ирак а-Суидан и была так названа после ее взятия Восьмой бригадой под командованием Ицхака Саде в честь руководителя обороны Негбы Ицхака Дубно, по прозвищу Йоав (так звали полководца царя Давида), погибшего 21 мая 1948 года в возрасте 36 лет.*

Город пещер

(Мареша – Бейт Гуврин)

Предстали мне в дымке холмы и долины,
Когда я впервые поднялся сюда.
И с Тель-Мареша захватила картина:
Древнейшей еврейской земли красота!

Здесь греки отстроили стены и башни,
Меж ними поднялся языческий храм,
Где близко от площади с рынком и пашни
Курился бальзам чужеземным богам.

Схожу в нижний эллинский город сквозь травы, -
Давильни старинные стали видны.
Отсюда о масле оливковом слава
Пошла далеко за пределы страны.

Смотрю, целый город пещер скрыт под нами.
Скоплялась в одних дождевая вода,
В других голубей содержали для храма,
Иль мертвый покой находил навсегда...

А этой название «Колокол» дали, -
Масштабы ее впечатляют меня.
Тут камень из мягких пород добывали,
На стенах рисунки, следы от огня.

От войн Мареша та пришла в запустенье.
И вот Бейт Гуврин рядом вырос из скал.
Его император почтил посещеньем
И городом Рима свободным назвал.

Из древних руин обращаю вниманье
На Амфитеатр. Ему сотни лет.
Под возгласы римлян в боях-состязаньях
Здесь гибли евреи в честь римских побед...

2000

Примечание. *Имеется в виду римский император Септимий Север, в честь которого в городе были специально отчеканены монеты.*

Колодцы Беэр-Шевы

(На эти стихи А.Гофманом написана песня)

Ты кажешься окутанной покоем...
От солнца накаляются пески.
Застыл здесь воздух в нестерпимом зное,
И жажда жжет у высохшей реки.

Дай, Беэр-Шева древняя напиться
Мне из твоих колодцев через край,
Дай силам истомленным возродиться,
Вдохни надежду и отвагу дай!

Наш Авраам бродил тут со стадами,
В знак мира завещал колодец свой.
С молитвой к Богу, сидя под шатрами,
Поил он путников живой водой.

С тех пор враги сюда не раз вторгались,
И смерчи проносились над тобой.
Веками бедуины тут скитались
И гнали скот к реке на водопой.

С оружием вернулись мы в долину, -
Жар губ остыл в источниках твоих.
И памятник поднялся на вершине, -
Как будто змей, изрублен на куски.

Восстал из праха город мой цветущий,
Раскинувшийсяв дымке голубой.
Не по годам, а по часам растущий.
Палит, как прежде, солнце над тобой.

Собрал евреев со всего ты света, -
Мы вверили тебе судьбу свою.
Ты будущее даришь нашим детям,
И песнь тебе я с нежностью пою.

Дай, Беэр-Шева древняя, напиться
Мне из твоих колодцев через край,
Дай силам истомленным возродиться,
Вдохни надежду и отвагу дай!

1996

Примечание. *Имеется в виду мемориал работы Дани Каравана в честь бригады Пальмаха «Негев», освободившей город от египтян в 1948 году.*

Город горизонтов (Офаким)

Кто знал, что я заброшен буду
Судьбой в далекий Офаким?
О том я не жалею, люди,
Доволен жребием таким.

Сама приморская равнина
Сюда от Газы подошла, -
И с ней сомкнулась тут пустыня, -
Лучом палимая земля.

И от природы необычной
Библейским чем-то веет тут, -
Поверхность в складках непривычных,
А эвкалипты тень дают.

Какой пейзаж! На видном месте
Здесь крепость старая стоит, -
С огромною пещерой вместе
О турках память тут хранит.

С холма Маноах вижу ныне:
Был дном морским край этот весь.
И, как оазис средь пустыни,
Поднялся город новый здесь.

Из Эфиопии, Марокко
Евреи прибыли сюда,
Мы – из России - волей Рока –
Чтоб поселиться навсегда.

Пусть есть у нас пока заботы,
Признаюсь: Офакиму рад.
Здесь дом мой, сын, семья, работа,
Тут свой возделываю сад!

1993

Примечание. *Город Офаким (в переводе с иврита «горизонты») расположен в Северном Негеве в 20 км к западу от Беэр-Шевы.*

Офакимский вальс

(На эти стихи В.Резником написана песня)

Судьба разбросала нас всюду по миру,
И где-то остались родные, друзья, -
Кто в снежной России, Ташкенте, Сибири,
А кто-то в Америке, в дальних краях.

Для нас, Офаким, ты стал новой судьбою, -
Здесь дом обрели мы и новых друзей.
Кругом горизонты дивят красотою,
И кружатся с нами просторы степей.

Нередко здесь дуют сухие хамсины,
А солнце с высот накаляет пески.
Но легче нам дышится ветром пустыни,
Когда друг встречает пожатьем руки.

И вновь начинать жизнь в Израиле надо,
Превратностей много пока на пути,
Но если дыханье любимой есть рядом,
Готовы мы все испытанья пройти!

На город нисходит прохлада ночная, -
Вот звезды зажгутся одна за другой, -
И в воздухе свежесть разлита такая,
Что хочется ночь танцевать нам с тобой!
1994

Несущие факел

Весна. На этот раз недлинный
Держу из Офакима путь.
Куда зовешь ты, край пустынный?
Дай воздух тайны мне вдохнуть!

Вот перекинут через реку
Громадный через реку мост, -
Во славу воле человека
Поднялись три фигуры в рост.

Они идут неколебимо
На свой последний в жизни в бой,
Неся в руках неустрашимо
Горящий факел над собой.

Читаю у оврага рядом
Лишь имена,вновь имена...
Тогда взорвалась от снарядов
Предгрозовая тишина.

И отголосок давний боя
Вдруг явственно услышал я, -
И воздух вновь дрожал от зноя,
И содрогалась вновь земля.

Встречаю гильзы всюду в травах, -
От пуль, бойцов косивших, след.
В бою жестоком и кровавом
Пал весь разведотряд «Шакед».

Читаю надпись: «За свободу
Они умели воевать».
Шли право нашего народа
На землю предков отстоять.

Вновь дышит тишиной пустыня,
Но настороженна она.
И где-то спор идет поныне,
И не кончается война...

Во славу воле человека
Поднялись три фигуры в рост.
Готов ли к смерти ты? – Навеки
В порыве их застыл вопрос.

1996

Примечание. *Разведотряд «Шакед» (в переводе с иврита «Миндаль») попал здесь в арабскую засаду во время войны за Независимость в 1948 году.*

Заповедник Бесор

Нет, Северный Негев совсем не пустыня.
И чтоб не вступать в бесконечный нам спор,
Давайте, друзья, мы отправится ныне
На речку с названием древним Бесор.

«Дорогою голода» путь называют.
Под мост Авраама направо нырнем, -
Здесь нас камышовое царство встречает
И манит туда, где блестит водоем.

Октябрь. Вдоль реки зеленеет долина.
Привет тамариск шлет нам шумом ветвей.
И вдруг в высоте нас чарует картина:
То ищет стоянку косяк журавлей.

Огромный курган вырастает пред нами.
Волнуясь, взбираемся кверху на склон.
То холм Шарухен, где ждет встреча с веками, -
Невольно здесь чувствуем смену времен.

Черты старой крепости стали яснее:
Стен, башен и складов мы видим следы.
Давно фараонам, царям Иудеи
Служил Шарухен на торговом пути.

С вершины кургана открылись нам разом
Извилины речки, оазис Эшколь,
Колодцы, ключи, поселенья у Газы
И крепость Гвулот – наша слава и боль.

Вдоль берега – дальше – скальные породы.
А вот и висячий на речкою мост.
Тут с радостью тихою смотрим на воды,
Растеньям дающие в Негеве рост...

2000

Сде-Бокер

(У могилы Бен-Гуриона)

Над Эйн Авдатом две могилы рядом.
Передо мной космический пейзаж.
Повисли скалы каменным нарядом,
А выше – неба голубой этаж.

Полюбоваться этим видом чудным
Сюда не раз ходил Бен Гурион.
Возвышенными думами сквозь будни
В даль прошлого вновь всматривался он.

Прожитой жизнью польского еврея
Вполне доволен может быть Старик.
Речь в зале Тель-авивского музея –
В судьбе Израиля великий миг...

И, сильным, мудрым лидером рожденный,
Умел решенья трудные принять.
В Стране, всегда врагами окруженной,
Умел он твердым быть и побеждать!

Но был вопрос, что не давал покоя:
Заполнит ли Страну людьми народ?
И жил он сионистскою мечтою,
Что из России Алия грядет.

И, верный с юности своей идее,
Весь жар души затем в кибуц вложил.
Звал страстно в Негев молодых евреев
И сам примером в жизни им служил!

1997

***Примечания**. Рядом с Бен Гурионом похоронена его жена Поля. Старик – партийная кличка Бен Гуриона. В зале Тель-Авивского музея 14 мая 1948 года он провозгласил создание государства Израиль.*

В парке Тимна

Хотите ль вы встречи с природою дивной?
Желаете ль в древность на время нырнуть?
Тогда поезжайте скорее в парк Тимна, -
Туда через Негев ведет длинный путь.

При въезде обступят вас горы в натуру, -
Суровый, пустынный и дикий ландшафт.
Вдруг солнце закроет песчаная буря, -
Мрак ляжет, как будто закутает в шарф...

Вам встретятся копи царя Соломона, -
То старые печи, где плавилась медь.
Рудник тот египтяне при фараонах
Открыли чуть раньше на тысячу лет...

Следы их присутствия видим повсюду:
Вот храм, посвященный богине Хатхор,
На скалах узор – рукотворное чудо, -
То вид колесниц сохранился с тех пор.

Еще удивят вас творенья природы, -
Предстанут один из громадных «грибов»,
Иль странная арка из твердой породы,
Иль строй из высоких, массивных столбов...

2001

Примечание. *Эти столбы получили название Соломоновых столбов в честь третьего израильского царя.*

Раздел 2. Время радоваться

Песах в Иерусалиме

Великое счастье Исхода
Всевышний нам смог даровать:
Дни Песаха - праздник Свободы
В Иерусалиме встречать!

Мы снова Моше вспоминаем,
Кто выполнил Божий наказ, -
Чудесный тот день представляем,
Как предков от рабства он спас.

Израиль опять призывает, -
Откликнулись мы и пришли.
То новый Исход наступает, -
Мы Родину вновь обрели!

Страна! Почему так сурово
Встречаешь сынов ты своих?
Мы просим работы и крова, -
А что нам свобода без них?

1992

Примечание. *Моше (в русской традиции Моисей)- вождь еврейского народа в период Исхода евреев из Египта.*

Шавуот

(Дарование Торы)

Шестое Сивана. Весь в зелени сад.
Гранат поспевает на древе высоком.
Покрывший террасу мою виноград
Опять наливается сладостным соком.

И память меня возвращает к тем дням,
Когда семь недель шел народ по пустыне, -
И, с рабством расставшись, не знал еще сам,
В чем будет его назначенье отныне.

И вышел с Моше он к Синайской горе.
И в трепетном страхе застыли евреи,
Когда затряслась там гора на заре, -
Шофар затрубил все сильней и сильнее.

Средь молний и грома возвысился глас:
«Я Б-г ваш, кто вызволил вас из Египта, -
Народом Святым называть буду вас,
Явлю вам законы я в огненном шрифте!»

И голос могучий и грозный затих, -
Шестьсот тысяч слушали то Откровенье.
Незримо стояли тогда среди них
Евреев грядущие все поколенья.

С тех пор пролетело три тысячи лет,
И нас раскидало злой волею Рима.
Но данный нам чудом Божественный свет
Несем мы сквозь муки и жертвы для мира!
1997

Примечания. *Шавуот в переводе с иврита означает «Недели». Шофар – духовой интрумент, представляющий собой бараний рог.*

Суккот. Симхат-Тора
(Шалаши. Радость Торы)

Ждем день этот благословенный,
Чтоб с радостью бурной отметить
И свитки Торы драгоценной
Веселыми плясками встретить!

Но прежде был день Искупленья, -
Суду мы себя подвергаем,
И в Пост получая прощенье,
Мы радость в Суккот обретаем.

С любовью шалаш украшаем
Из листьев ветвей настоящих,
Высоких гостей приглашаем,
Из древности к нам приходящих...

Стремимся в труде Соломона
Постичь его смысл сокровенный:
Жизнь наша – за ветром погоня,
А мир этот – суетный, тленный.

Нет нового больше под солнцем,
А знание скорбь умножает.
Тщета всё и к праху вернется, -
Всех участь одна ожидает.

И нету страданиям срока,
А глупость безумье рождает.
И злых дел от зависти много,
И путь одинокий пугает...

Нас царь Соломон наставляет:
Ищи лишь в Творце ты спасенья, -
Лишь мудрый добро обретает
И может достичь просветленья.

И в радости хлебом питайся,
Делись им, и хлеб возвратится.
И жизнью с женой наслаждайся,
Пусть сердце в делах веселится.

Собрав урожай свой на благо,
В Ацерет на жизненном пире
Создателя молим о влаге,
О нашем Спасенье и Мире.

И радостью светятся лица, -
Круг чтенья Торы повторяем,
И чтя Древа жизни страницы,
Мы праведный путь выбираем.

За праздником следуют будни,
И жизнь продолжает теченье.
И будет в пути многотрудном
Небесное благословенье.

И радуйся жизни, как чуду, -
Быть мертвым когда-то придется.
Про суд Божий помни, покуда
Серебряный шнур не порвется!

1993

Примечания. *Под трудом Соломона подразумевается его книга «Коэлет» («Экклезиаст»), из которой взято выражение о серебряном шнуре, связывающем человека с жизнью.Древо жизни – Тора, или ТАНАХ (Пятикнижие).Ацерет (в переводе с иврита «Остановка») – заключительный день праздника «Суккот».*

Ханукальные деньги

Посвящается 11-летнему сыну Арику

Вот ханукальная монета.
Держи, мой сын. Ведь ты еврей
И знаешь, в честь какой победы
Обычай этот с древних дней.

Тебе завидую немного:
В Москве, когда мальчишкой был,
Не ведал я велений Б-га, -
Никто мне денег не дарил.

Я был оторван от евреев,
Живя в России столько лет, -
Не знал про братьев Маккавеев,
Кто нам оставил свой Завет.

Ты здесь, мой сын, чтоб быть причастным
К истории своей Страны.
Евреем было быть опасно
Тогда в Израиле, в те дни.

Для мальчиков под страхом смерти
Путь к свету Торы был закрыт, -
И чтобы радость знали дети,
Монеты стали им дарить.

Теперь ты можешь, сын, свободно
Законы Б-га постигать.
Обычай тот живет народный, -
О прошлом нам напоминать.

И пусть сейчас тебе знакома
Двойная радость, Арик мой.
И знай, сынок, теперь ты дома,
И свет Творца всегда с тобой!

1996

Примечание. *Праздник Ханука (в переводе с иврита «Освящение») был установлен в память о победе Маккавеев над греками и возобновлении службы в иерусалимском Храме во 2-ом веке до н.э.*

На юбилей Израиля

Страна встречает первый юбилей...
Израиль мой, тебе полвека в марше!
Я твой ровесник в том потоке дней, -
И только лишь двумя годами старше.

Победой ты, Страна,была горда,
Когда мне было двадцать от рожденья.
В Москве учился музыке тогда, -
Царила атмосфера осужденья.

И будет Судный день спустя шесть лет.
Беда еще страшнее вдруг нагрянет.
Судьба Страны решалась: жизнь иль смерть, -
И это лишь потом мне ясно станет...

Вот с мест снимаются мои друзья, -
Мечтой о рае манят за собою.
Но стойко ей сопротивляюсь я, -
Казалось мне предательством такое.

И все же было неуютно мне, -
В России как бы не в своей тарелке.
И выбор встал: какой служить стране?
Не повернуть ли круто жизни стрелку?

И там еврея стал искать в себе,
И потянуло душу в синагогу.
Я перелома жду в своей судьбе, -
И сквозь барьер иду к познанью Б-га.

С вопросом мне попался давний друг:
«Ты не в Израиле еще? в России?»
И разрешились все сомненья вдруг, -
И я постигнул, где моя стихия.

И сны сбылись... Я на своей Земле, -
С тобою вместе юбилей встречаю.
Тут свой среди своих. Пусть тяжелей, -
Другой себе страны не представляю!

1998

Примечания. *СозданиеИзраиля провозглашено Бен-Гурионом 14 мая 1948 г. Имеются в виду Шестидневная война (1967) и Война Судного дня (1973).*

Раздел 3. Из лирики

Жажда любви

На улице весна, теплынь,
Сверкает солнце над землею.
А я по-прежнему один,
Я снова со своей тоскою.

Меня, конечно, веселит
Зеленый этот шум весенний,
И эта птичка, что свистит,
И этот кубок жизни пенный.

Любовь! Дарит восторг она!
Знакомо счастье тем, кто любит!
Их жизнь значения полна, -
Меня ж никто не приголубит.

А ведь то чувство знал и я, -
И я любил, мечтал когда-то.
Но как-то странно... Страсть моя
Мне стоила жестокой платы...

Зову опять тебя, любовь, -
Развей несчастье и страданья.
Любви хочу! Хочу я вновь
Почувствовать ее дыханье!

1970

Мама

Когда я с мамой рядом,
То как мне хорошо!
Могу с большой отрадой
Смотреть на жизнь еще.

Ее задеть посмей-ка!
Ведь волею судьбы
Мать – горская еврейка
И родом из Кубы.

Меня она, конечно,
Совсем худым нашла.
Вновь я укрытсердечным
Теплом ее крыла.

Хоть мама и сердится,
Ругается порой,
Пусть это ей простится,
Коль нрав ее такой.

Всю жертвенность, вниманье
Забыть я не смогу.
И выскажу признанье:
Я век пред ней в долгу!

1972

Примечание. *Город Куба (Губа) находится в Северном Азербайджане.*

Тайна жизни

Что значит этот мир бескрайний?
Зачем Б-г создал солнце, твердь?
Окружены какою тайной
Рожденье наше, жизнь и смерть?

Вокруг я вижу лишь потери:
Вот жил - и сгинул человек.
Придет пора, - и жизни двери
За мной захлопнутся навек!

Что наша жизнь? Всего мгновенье
В сравненье с вечностью времен.
Сменялись в мире поколенья
Людей, народов и племен.

Иль этот свет – юдоль печали,
И суета сует, и прах,
Как то давно еще вещали
Поэты мудрые в стихах?

Жестоки в жизни испытанья!
Ты занят, человек, борьбой
Лишь за свое существованье,
Сражаясь яростно с судьбой.

Пусть жизнь нам кажется ужасной,
Но разве можем мы забыть,
Что есть любви огонь прекрасный,
Что будит в нас желанье жить?

Что есть природа, есть искусство,
Что утешают в горе всех
И возвышают наши чувства,
Даруя радость, бодрость, смех?

Иль, может быть, не так тревожен
Вопрос о том, как жизнь летит?
Зависит не от нас ли всё же
Миг жизни в вечность превратить?

Пусть мы бессмертными не будем,
Но если что-то от тебя
Передается миру, людям,
Ты обретешь смысл бытия!

1974

Ода искусству

О, Искусство, ступаю с волненьем
В твой священный, сияющий храм,
И невольно охвачен смущеньем:
Гимн достойный ль тебе я воздам?
В дни, когда в этом мире бескрайнем
Оставался совсем я один,
Лишь твоим наслаждаясь дыханьем,
Воскрешался мой дух из руин.

Пыл, смятенья души и боренья,
Смех и горе, надежды, мечты,
Мысли взлет, к идеалу стремленье -
Вот владенья, где властвуешь ты.
И тот хаос, что в мире творится,
Столкновенья в нас бурных страстей –
Всё в гармонию вдруг превратится
Силой дивной, Искусство, твоей!

О, Искусство, ты нас очищаешь,
Охраняешь от тленья наш дух,
Ты в несчастиях нас утешаешь,
Наши радуешь зренье и слух.
Ты людей и народы сплавляешь,
Вдохновляешь на подвиг, на труд,
Ты к Всевышнему нас приближаешь,
Открываешь нам к истине путь!

Наших сил ты могучий избыток,
Твой огонь целый мир охватил.
Я с восторгом твой чудный напиток,
Как вино опьяняющий пил.
Беспредельна великая радость
Почитателем муз быть твоих,
Но ни с чем не сравнимая сладость
Самому стать певцом дум своих!

Блеск и слава чужды настроенью
Поэтической, нежной души, -
Чувства ищут себе выраженья
В уголке благодатной тиши.
Пронесутся века, как мгновенья,
Сядет шума и зависти пыль, -
И останутся только творенья
Строем вечных, как звезды, светил!

1974

Раскрепощение

Как, друзья, одолеть эту будничность,
Что ест души и наши тела?
Как от призрачной благополучности
Убежать? Так она тяжела!

Как разрушить тоскливую чопорность,
Что мешает нам, людям Земли?
Как взорвать, наконец, эту скованность,
Средь которой свой дух погребли?

Посмотрю я на небо лазурное, -
Прозаичности будто и нет.
Окунусь в звуки музыки бурные, -
И услышу в них сердца привет.

На просторы я выйду лесистые, -
И раскованной станет душа.
А любимой в глаза гляну чистые, -
В них я вечность прочту, трепеща!

1976

Отчаяние

Я слезы лью вдали от мира,
Сражен тоскою острой дух.
Моя печальной стала лира,
И свет в глазах моих потух.

Я жил одной мечтой чудесной:
Горел, надеялся, любил.
Я полное восторга сердце
Любимой с радостью вручил.

И что же получил в награду?
Иль правда, что любовь так зла?
Остался в жизни без отрады:
Надежда снова обошла.

Сердиться на нее не смею, -
Вольна любить или не любить.
Одно желанье лишь имею:
Не знать ее, совсем забыть!

Отчаянью, я верю, скоро
На смену мужество придет.
Искусство станет мне опорой,
Работа радость принесет!

1976

Одиночество

Терзаемся, когда невольно
Мы что-то про себя таим.
Бывает нам порою больно, -
Но как сказать о том другим?

Кто будет наших дум наследник?
Его мы ищем много лет
И думаем, что собеседник
Поможет нам найти ответ.

И затеваем мы беседу:
Он – о своем, я – про свое.
И кажется в минуту эту,
Что будет легче бытие.

Но, чувствуем, друг с другом трудно
Нам долго быть наедине:
Ему, я вижу, слушать нудно,
А чем живет он – чуждо мне.

И думой занят я жестокой,
Что никому мы не нужны.
Навек с душою одинокой
Скитаться в мире мы должны!

1976

Тайна любви

Когда не любим, тихо, чинно
Идут часы, проходят дни.
В груди – прохладно и пустынно,
Мечты нам ведомы одни.

Ничто нас в мире не тревожит,
По жизни нехотя бредем.
Кипенья нет, порывов тоже, -
Любви, как избавленья, ждем.

И вот желанная нагрянет,
Всю душу нам перевернет,
Улыбкой счастья вдруг поманит,
Волшебной искрой полыхнет!

Но лишь на миг! Опасны чары
Всесокрушающей любви.
Испепеляющим пожаром
Она горит у нас в крови.

Любовь прекрасна и жестока!
Влекут нас милые черты,
Но вместо неги и восторга
Страдаем мы от Красоты.

Как вихрь, как злое наважденье
Врывается нам в сердце страсть.
Живя в безумном упоенье,
Теряем над собою власть.

Один лишь образ существует, -
Его лелеем мы в тоске,
И дух наш стонет и бушует,
Когда тот образ вдалеке...

И в плен желаний попадая,
Порвать не в силах тайных уз,
Кляня судьбу и вновь прощая,
Несем, как тяжкий крест, свой груз.

Любовь громадна в испытанье,
А без нее нет смысла жить!
Ужели адские страданья
Лишь Смерть способна прекратить?

1976

Немного о чуткости

Не знаю, может быть, такое время,
Что слишком взвинчено людское племя,
Но стало ныне фактом, что подчас
Бывает жизнь отравлена у нас.

Неосторожно брошенное слово,
Иль вдруг произнесенное сурово,
Иль подозрительный, недобрый взгляд, -
И жизни человек уже не рад.

Давайте вместе с вами разберемся,
Кого же больше в том винить придется?
Не сами ль мы, уколов тех своих
Не замечая, раним так других?

1977

Грёзы

Найду ли краски я, слова и звуки,
Чтоб выразить то настроенье духа,
Которое овладевает мной
Чудесно-неожиданно порой?
И грезится тогда как будто мне,
Что всё не наяву, а в чудном сне.

В любое время мне оно знакомо –
То состоянье счастья и подъема:
И свежею, капризною весной,
И снежною, морозною зимой,
И летнею порой с ее цветеньем,
И тихим, темным вечером осенним.

Вдруг образы из дали выплывают
И в детство золотое возвращают, -
Один другого краше и милей.
И на меня воздействуют сильней
Цвета, и шум, и запахи природы,
И дивной Музыки нахлынут ноты.

И это всё в один аккорд сольется,
И звон хрустальный с неба раздается.
Волшебный аромат вдыхаю я...
И кажется тогда: душа моя
Нектар цветов из жизни кубка пьем
И о Любви ко всей земле поет!

1977

Первая любовь

Теперь, друзья, когда пожил
И не в плену я пылкой страсти,
Когда немного поостыл
И прозе жизненной подвластен,
Лечу я думой одинокой
К любви той первой и далекой.

В училище тогда учился, -
Лишь восемнадцать было мне.
В общаге старой поселился,
Шло время от зимы к весне.
На Малом Дмитровском в столице
Я вдруг влюбился в чаровницу.

Да, я любил, но очень странной
Была любовь та у меня:
В ней для меня всё было тайной, -
Откуда, имя, кто Она...
Ей не посмел сказать и слова, -
Я был характера такого!

Быть может, это не любовь,
А любованье только было?
Но я уверить всех готов,
Что отдал Ей души все силы.
Ее боготворил я нежно,
И дух иссяк в борьбе мятежной.

Тот образ милый мне казался
Таким родным и дорогим!
Но я вначале наслаждался.
И вдруг, когда тоской томим,
Я думал: нет конца страданьям, -
Явилось разочарованье...

С тех пор немало лет промчалось.
Той страсти благодарен я:
Пускай мучительнойказалась, -
Коснулось счастье и меня.
С тех пор решил себе поклясться:
Уж в незнакомок не влюбляться!

1977

Л. С. Д.

Смотрю на милую свою,
И на душе отрада, -
За то судьбу благодарю,
Что в ней нашел награду.

Воздушный, нежный, стройный стан,
Изящная фигура...
Ну прямо Чио-Чио-сан:
Всё в ней в миниатюре!

На щечках алых лег пушок,
Слегка надуты губки,
В глазах – улыбки огонек,
Во всю сверкают зубки.

Она полна душевных сил,
Она всегда в движенье, -
Ее я б с белочкой сравнил:
Она – само стремленье!

Она не только хороша,
Но умница большая,
С ней не соскучится душа,
Речам ее внимая.

Ей не знакома тишина,
Идет одно веселье.
Как счастлив я, когда она
В прекрасном настроенье!

Тогда и жизнь мне не страшна,
И на душе поется, -
И так горжусь я, что она
Моей женой зовется.

Увы, богатств нет у меня,
К ее ногам чтоб бросить.
Лишь сердце ей вручаюя,
Что светлый образ носит!

1980

Стихи по случаю рождения сына

Не знаю, есть ли кто на свете
Теперь счастливее, чем я...
Что может лучше быть, чем дети?
И вот я стал отцом, друзья!

Мне Люда сына подарила, -
Он весом удивил весь мир!
Малыш на славу вышел, милым, -
Ну настоящий богатырь!

Мной в жизни взят рубеж последний, -
Двоих разорвано кольцо.
Есть у меня теперь наследник, -
И смерти я смеюсь в лицо!

Хочу, чтоб Арик рос разумным
И был здоровеньким всегда,
Чтоб стал он храбрым, крепким, умным,
Чтоб обошла его беда.

Какой бы путь он ни избрал бы,
Пусть не боится зла и тьмы!
Пусть довершит он – я желал бы –
Что не успеем сделать мы!

1985

Стихи к портрету

Посвящается художнику Антону Розенбергу

Промчались месяцы труда, -
И наконец готов портрет.
Свершилась давняя мечта,
Чего я жаждал много лет.

Кто это: я или не я?
Себя ли знал я до сих пор?
Художник дал мне на себя
Взглянуть поглубже и в упор.

Меня он чутко разглядел
И в душу самую проник,
И на холсте запечатлел
Душевной жизни ясный миг.

Открыто смотрит со стены
Мой нарисованный двойник, -
Вперед глаза устремлены,
Чуть сумрачен и грустен лик...

И я завидую ему:
Портрету вечность суждена,
Тогда как погрузиться в тьму
Со временем душа должна.

Каким же покажусь я им -
Потомкам будущим своим?
Быть может, сложным, непростым,
Иль, может, добрым и прямым?

Увидят ли, что предок их
Огнем искусств сжигаем был?
Что он певцом был чувств своих, -
Порой слагать стихи любил?

Пусть это будет не секрет:
Художника я б похвалил...
Свидетельствует сей портрет,
Что я когда-то в мире жил!

1985

Женщине

(сонет)

О женщине в веках поэты
Слагали миллионы строк, -
На разных языках воспеты
Ее краса и стройность ног.

Хочу и я из строк сонета
Ей посвятить весны залог –
Свой поэтический венок,
Вплетя в него цветы привета.

Готов воспеть ее я руки,
Талант в искусстве и науке.
Дано ей высшее призванье:

Любовь и нежность в нас рождать.
Я славлю труженицу - мать -
Первооснову мирозданья!

1986

Власть женщины

Кто властвует над миром этим –
Вы, женщины, иль мы, мужчины?
Идет давно – тысячелетья –
Меж ними тайный поединок.

Сменялись короли и ханы,
Князья, премьеры, президенты,
Цари, эмиры и султаны,
Кому воздвигли монументы.

И что же? Выскажем признанье:
Одна Любовь царит незримо.
Все наши мысли и созданья –
Творенья женщины любимой.

И разве жизнь не подтверждает,
Что Красота лишь правит миром, -
И все великое свершает
И в нас рождает звуки лиры!

1988

Конкурс красоты

Мы учимся всегда исправно
Всему, чем Запад знаменит.
Теперь среди новинок славных
К нам конкурс красоты спешит.

И вот известна Королева, -
Везде о ней гремит молва.
В честь новой победившей Евы
Ликует празднично Москва.

Не все так могут быть счастливы, -
Иль что: они не так милы?
И вправду менее красивы
И не достойны похвалы?

Скажу: лишь женщине Любимой
Я пальму первенства отдам, -
Той, чье ношу я в сердце имя,
Кто лучше всех Прекрасных дам!

1989

Прекрасному полу

Нелегкие ныне пришли времена, -
Вопросы жизнь трудные ставит.
Но в марте в права вновь вступает весна, -
И хочется женщину славить!

Да, чувствуем мы прегрешенье свое
Пред нею - бегущей, усталой,
На хрупкие, слабые плечи ее
Взвалили мы груз небывалый.

Забыли: ее назначенье в другом –
Нам нежность дарить, вдохновенье,
Хранить наш очаг, жить любимым трудом,
Растить юных душ поколенья.

Иль что: больше нет настоящих мужчин?
Кто женщину смеет унизить?
Прекрасному полу мы жизнь облегчим,
Чтоб Женщину снова возвысить!

1991

Стихи на юбилей (50-летие)

Итак, опять маячит веха, -
На этот раз мне – пятьдесят.
Но я моложе – кроме смеха -
И мне дают лишь тридцать пять!

Пришел я нынче к юбилею
В Израиле – стране чудес.
О том, друзья, не сожалею,
Что, как еврей, живу я здесь.

Жизнь катится теперь под гору,
И я – на финишной прямой.
Философом как раз быть впору, -
Вновь путь свой вспомнить непростой.

Я ставил трудные задачи,
Желал смотреть всегда вперед.
Провалы были и удачи.
Но в мире царствует расчет.

А как нам быть с душой, с мечтою
В том мире, где властитель – чек?
Как быть нам с вечной Красотою?
Не хлебом жив лишь человек...

Есть радость – Музыки то звуки,
И может ввысь взлететь душа.
Поэзия смиряет муки,
В груди гармонией дыша.

Пока есть жизнь во мне, как чудо,
Так много хочется свершить!
Всё, чем богат, отдам я людям, -
Иначе и не стоит жить!

1996

Моя королева

Посвящается М. Б. М.

И страшно, и радостно милой
Открыться во всём, -
Таить от Тебя я не в силах,
Что в сердце моем!

Итак, ты – моя королева,
Я – подданный Твой.
Прими, дорогая, без гнева
Венец золотой.

Дарю Тебе власть над собою,
Мое бытиё, -
Исполню, как рыцарь, любое
Желанье Твоё!

Ты спросишь с улыбкою строгой:
А как же жена?
Отвечу: ведь жен в мире много, -
Царица одна!

1997

Ласка

Откроюсь: однажды к нам радость пришла, -
К террасе прокрался котенок.
Вся шерстка его в рыжих пятнах была, -
По виду – ну прямо тигренок!

С тех пор он повадился кушать в наш сад, -
Голодный, пугливый и жалкий,
И мне не давался себя приласкать, -
Как будто боялся он палки.

Шло время, и он становился красив, -
В кота на глазах превращался,
И, гладя его, я был так терпелив, -
Как прыг он ко мне и прижался!

Под пальцами шерстка тепла и мягка,
Он «мяу» поет без опаски.
Мой друг, только ты от меня далека, -
Моей ты не ведаешь ласки...

1997

Прощай, археология!

(Товарищам по раскопкам)

Не ждал я с вами увольненья,
Но письма вдругвручили нам.
Так что же в день Освобожденья
Сказать мне на прощанье вам?

Раскопкам мы, друзья, отдали
Часть жизни, чтоб не умереть.
На нас пахали и орали,
Что можно было озвереть!

В Союзе никому не снилось
Такое в самом страшном сне, -
Порой не сладко приходилось
Всем на работе – вам и мне.

Забудем распри и обиды,
Добро лишь будем вспоминать, -
Пейзажи чудныеи виды,
И как умели сачковать...

Признаюсь вам я, кроме смеха:
Мне так вас будет не хватать.
Желаю всем я вам успеха
И никогда не унывать!

1997

Узникам Сиона

Вас так назвали не случайно -
Вы рвались всей душой сюда,
Чтоб на Земле обетованной
Укорениться навсегда.
Да, вырваться из мрака бездны
Нам просто кажется сейчас.
Тогда был занавес железный,
От мира отделявший нас.
При коммунистах диктатура
Давила всех, кто был не с ней, -
И КГБ, и агентура
Всех сетью оплели своей.
Вы там и порознь, и вместе
Сражались за права не зря, -
Прошли через суды, аресты,
И тюрьмы, ссылки, лагеря.
Всё взвесят в будущем: горенье,
Надежды ваши, непокой,
Мечты, страданья и терпенье,
Победу духа над судьбой.
Тогда в стране цвел пышным цветом
Махровый антисемитизм,
Но грянет перестройка следом,
И трещину даст коммунизм.
Весь Запад взял вас под защиту
(Ему ведь гибель предрекли),
И брешь в стенебыла пробита, -
И вы свободу обрели!
Иные зазвучали речи...
В Израиль вам открылась дверь.
Счастливые моменты встречи
Искупят годы мук, потерь.
Поклон вам низкий, кто дорогу
Нам проложил борьбой сюда.

Вы силой духа в дни тревоги
Нас подкрепляете всегда!
И новые настали будни,
Где дышится теперь вольней.
И пусть еще нам очень трудно –
Вам было во сто крат трудней!

1997

Испанская гитара

Его расстреляли тогда на рассвете.
И вздрогнули струны испанской гитары,
Рыдая о гибели ранней поэта.
И смерть оборвала напев Лорки старый...

Но душу гитары стрельбой не убили.
Возникла она в очень давнее время.
И в голос любви инструмент превратило
В те дни трубадуров поющее племя.

У местных красавиц так страстны движенья,
Как угли, глаза, восхитительна талья.
И в танцы испанок огонь вдохновенья
Вложили Гранадос, Альбенис, де Фалья...

Ты, Андрес, гитары властитель волшебный,
Мелодией Тарреги нежил мне душу, -
Сраженному силой любви безответной, -
Не юноше – тридцатилетнему мужу.

Ее звали Эммой. Безмерно влюбленный,
Письмо, как Татьяна, ей ночью отправил.
И в бездну возвратом его погруженный,
На память ей звуки «Альгамбры» оставил...

В них жажда любви в дымке воспоминанья,
В них призраки счастья в тоске бесконечной,
Горенье надежд и любви угасанье...
Но в струнах гитары дано жить ей вечно!
1999

Примечание. *Речь идет о пьесе для гитары Таррега «Воспоминание об Альгамбре», записанной на пластинку испанским гитаристом А.Сеговия.*

Разговор с котом

Присядь ко мне ты, котик, на колени, -
Поговорить с тобой все недосуг.
Забудь на время о еде и лени, -
Надеюсь, ты поймешь меня, мой друг.

Тому назад каких-нибудь полгода
Тебя комочком жалким подобрал.
Лишь уши выдавались от природы, -
Вот почему Ушастиком ты стал.

Ты знаешь ведь, какая тут работа, -
Есть в Рамат Гане старичок один.
Из Польши он и требует ухода, -
Дай Б-г и мне дожить до тех седин!

Арону угодить не так-то просто, -
По-своему капризен и суров.
И не смотри, что маленького роста:
На мир сердит, не любит он котов!

Растил я для чего в себе таланты
И музыки премудрость постигал?
В Израиле в избытке музыканты, -
И я не первый путь иной избрал...

Но я могу довольным быть судьбою.
Ведь время остается у меня
Для Торы, для иврита и гобоя,
Для книг и муз – основы бытия.

И все-таки вдали от сына, дома
Порой невольно взвоешь от тоски.
В мой одинокий быт с его истомой
Ты, котик, вносишь светлые штрихи...

Живая и забавная игрушка, -
Цвет серо-рыжий с белым, хвост крючком.
Когда ко мне прижмешься вдруг, зверушка,
Обдаст таким уютом и теплом!

1999

Пушкинский талисман

Искал любви он женщин вдохновенно, -
Их в донжуанском списке больше ста.
И каждой увлечен самозабвенно, -
Кровь Африки кипела неспроста!

Кого из них любил со всею страстью?
Быть может, Воронцову – там, в Крыму?
Ей посвящает стансы, близкий к счастью.
Графиня дарит талисман ему.

Она при муже, но не столь сурова...
У графа пред страной заслуги есть.
Не жалко англомана Воронцова, -
Пусть у героя и задета честь.

Москва. Поэт Натальей очарован.
И освящает брак их Купидон.
Дантесу приглянулась Гончарова, -
Француз в нее отчаянно влюблен.

С такою дерзостью нельзя смириться!
Понятие о чести не обман.
И гибель Дон Жуана повторится.
И не поможет чудный талисман...

1999

На 2000-ый год

Миллениум! Миллениум!
Весь мир пришел в дижение!
Ведь вместе с Новым годом
Вступаем с чувством гордым
Мы в новое столетие –
И с ним – в тысячелетие!

Миллениум! Миллениум!
Увидели свечение
Мы новогодней ночью
Под бой часов воочью.
Так брызгами шампанского
Мы встретим мир Прекрасного!

Миллениум! Миллениум!
Весь мир пришел в движение!
Вас, по перу собратья,
Готов принять в объятья.
Войдем же в год космический
С порывом поэтическим!

2000

Раздел 4. Последнее прощание

Памяти профессора А.В.Петрова

Стремит вперед свой время бег,
Увы, неумолимо.
Ушел из жизни человек,
Кого мы так любили!

Ушел прекрасный музыкант, -
Как пел его гобой!
Педагогический талант
Был виден в нем большой.

Как много сделал он для нас,
Ведя к вершинам смело!
Но больше не войдет в свой класс, -
Мы все осиротели.

Он в жизни не жалел себя,
Неся тройную ношу, -
Казалось, делал всё шутя,
И вот – сломался всё же.

Могли справляться мы с любой,
Пока он жил, задачей.
Прощай, учитель дорогой!
Мы все скорбим и плачем...

1985

Примечание. *Профессор Анатолий Викторович Петров вел в Московской консерватории класс гобоя, долгое время являлся солистом Госоркестра СССР и был моим научным консультантом при написании диссертации.*

Памяти академика А.Д.Сахарова

Осиротела Русская земля...
Совсем недавно только с ним простились...
Сердца окутала печаль и мгла, -
И над Россией сумерки спустились.

Придушена, придавлена страна,
И онемели в страхе наши души.
И вдруг очнулись, будто ото сна:
То голос Праведника ложь разрушил!

Был знаменитым физиком смельчак, -
Отцом прозревшим водородной бомбы.
Поняв, что мы давно живем не так,
Отрекся он от всяких благ без помпы.

И травле бешеной подвергнули его,
И в ссылке в Горьком спрятали на годы.
А он хотел лишь только одного:
Чтоб весь народ был счастлив и свободен.

Не разбирает смерть, кого сразить, -
Мы совесть всей страны похоронили.
А мог еще он звать к Добру и жить,
Когда б его на съезде не убили...

1989

Примечание. *А.Д.Сахаров участвовал в работе Первого съезда народных депутатов СССР в мае-июне 1989 года, на котором выступил с критикой войны в Афганистане и предложением новой конституции СССР.*

Памяти генерала Мордехая Гура

Тот памятник виден кругом отовсюду, -
Влечет он величием и простотой.
За Негев сражались бесстрашные люди,
И с ними был их командир боевой.

И будет немало жестоких сражений, -
И в Йерусалим возвратится ПАЛЬМАХ.
Он скажет слова краше всех песнопений:
Отныне гора Храма в наших руках!

Внезапно умолкла, став грустною, муза, -
В последнем сраженье он выдержал бой.
Чтоб людям не быть тяжелейшей обузой,
Из жизни ушел он – Гур сам, как герой...

1995

Примечания. *ПАЛЬМАХ – аббревиатура ударных отрядов израильской армии. Мордехай Гур был командиром парашютной бригады, освободившей во время Шестидневной войны 1967 года старый город в Иерусалиме. Будучи тяжело больным раком, покончил с собой в 1995 г.*

Памяти поэта Иосифа Бродского

Скончался Бродский...Потемнела твердь.
К чему слова, эпитеты, стенанья?
Схватила новую добычу смерть, -
И наступило вечное молчанье...

А мог он жить еще – творить и жить, -
В нем бил родник поэзии и света.
Но сердце...Нет, не захотел сменить –
Оно с рожденья дом души поэта.

И даром не проходит ничего...
Простит ли суд советский, суд партийный,
Лишивший права творчества его –
Влюбленного в стиль ленинградских линий.

Вновь на тебя, Россия, лег позор, -
Был изгнан за твои пределы гений.
Не мог сюда вернуться под надзор
Он – кто есть слава, гордость поколений.

России больше не принадлежит, -
Ушел из жизни гражданином Мира.
И не на острове Васильевском лежит
Его истерзанная и святая лира...

1996

Примечание. *Имеется в виду суд над Бродским в Ленинграде в 1964 году. Согласно Указу «О тунеядстве», он был приговорен к пяти годам принудительного труда в отдаленной местности.*

Памяти актера Зиновия Гердта

Он был средь нас еще совсем недавно,
Отметив свой последний юбилей.
Мы на экранах видели: как славно
Артиста чествовали меж друзей.

Но грустным всё ж осталось впечатленье:
Казался он уставшим и больным.
И мы, - такое было ощущенье,
Прощались в тот же день с ним, как с родным.

Войну всю прошагали ноги Гердта.
Потом он куклам посвятил себя.
По «Необыкновенному концерту»
Его с улыбкой вспоминаю я

Как долго он и взрослым, и ребенку
По голосу за кадром был знаком.
И вот предстал нам в «Золотом теленке»,
Где Паниковский проявился в нем.

Нередко он за ширмой прятал страсти,
Порой красиво заставляли лгать.
Тогда дамоклов меч советской власти
Он, как еврей, мог часто ощущать.

Его герои из простого класса
Смешили нас, хоть знали жизни пресс.
И дожил все ж до звездного он часа:
С народом свергнул власть КПСС!

1997

Примечание. *Незадолго до смерти Зиновий Гердт отметил свое 80-летие.*

Памяти композитора Альфреда Шнитке

Дано нам, как истина: смерть неизбежна.
И всё ж никогда не смиримся мы с ней.
Прикован болезнью в краю зарубежном,
Он верен останется Музе своей.

В нем встретились вместе два разных народа, -
Кровь немца с еврейской слилась навсегда.
Наш век обнажил их, как два антипода:
Война и путь мира, любовь и вражда.

Казалось, все в мире нарушены связи, -
На смену порядку явился хаос.
Пришла дисгармония в души и разум, -
Разбила их Зла и Насилия ось.

Но музыка Шнитке, как дар высший Бога,
Для нас победит диссонанс и раздор.
И в звуках послышится Духу подмога, -
И нам засияет Надежды мажор!

1998

Примечание. *Альфред Шнитке скончался в Гамбурге, где преподавал в Высшей школе музыки, и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.*

Памяти поэта Ильи Бокштейна

Он был из московской богемы.
(Так значит, мы с ним земляки!),
И мог бы меня на Таганке
Приветствовать жестом руки.

Но не были с ним мы знакомы...
Теперь нет его среди нас.
Здесь, в Доме Союза поэта
Я видел единственный раз...

В Москве вышел с дерзкою речью:
В стране- большевистская Тьма.
Знал, что полагалось за это –
Суд, ссылка, концлагерь, тюрьма.

Но вырвался позже в Израиль, -
Жить духом Еврейской страны.
Дал книгу автографов миру,
Назвав ее «Блики волны».

В быту, в нашей жизни обычной
Казался порой чудаком.
Илья был в поэзии гений, -
Лишь то осознали потом...

2000

Примечание. *Дом Союза писателей Израиля имени Шауля Черняховского находится в Тель-Авиве на улице Каплан.*

Раздел 5. В стране пирамид

(Белые стихи)

Синай

Наш путь теперь идет через Синай,
Где наши парни славно воевали, -
Отбросили напавшего врага
До самого Суэцкого канала.

И тянется бескрайняя пустыня,
Потом через оазис путь пролег.
А дальше вновь пустынная земля,
Палимая нещадным южным солнцем.

И мыслью проникаюсь вглубь веков,
Когда под предводительством Моше,
Бродили по пустыне наши предки, -
И кости их с тех пор в земле лежат...

Каир

Стоит Цитадель на высоком холме.
Отсюда Каир открывается взгляду, -
Огромный арабский причудливый город
С названием старым и гордым Победа.

Его древний Нил разрезает на части,
И Запад с Востоком здесь встретились вновь.
Вдали – телебашня, высотные зданья,
А ближе сюда – целый лес минаретов.

А там, в сизой дымке, нависли под небом
Громады большие из серого камня.
В них я узнаю силуэт пирамид –
Застывшую музыку древней эпохи...

Пирамиды

Мы в Газе. Солнце жарит землю.
Песок. С пустыней слилось небо.
А из Земли как будто вырастают
Огромные искусственные горы.

Тысячелетия они стоят
И поражают мир, напоминая
О вечном том людском стремленье к Б-гу
И безграничной власти фараонов.

И думаешь невольно, как могли
Такое чудо света тут построить?
И чувствуешь здесь ты, как вечность
Невидимым крылом касается тебя...

Сфинкс

А рядом здесь, как грозный страж,
Лежит громадный сфинкс
И охраняет вечный сон
Всесильных фараонов.

Лик человека, тело льва
Как символ царской мощи.
Он, кажется, вобрал в себя
Всю мудрость древнего Египта.

И чувствую, магическая сила
Исходит прямо от него.
Взор завораживает он
Загадкой тайны на лице...

Мемфис

Мы в древнем городе Мемфисе.
Надгробья, статуи и саркофаги –
Всё, что осталось от столицы
Цивилизации, исчезнувшей навек.

Недаром фараон Рамзес Второй
Желал себя здесь в камне обессмертить.
Но грозная огромная скульптура
Упала, временем повержена давно....

Не он ли, идолами окруженный,
Евреев превратил в рабов?
Но выше сила есть над ним, -
И предки наши вышли на свободу!

1994

Горжусь я тем, что горская еврейка
Меня явила в этот мир земной.
Но так случилось, что с Россией крепко
Был связан я таинственной судьбой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
НОВЫЕ СТИХИ
(2001 – 2017)

Раздел 1. Стихи об Израиле

Стихи на юбилей

(60-летие)

Пройдя свой жизни путь до середины,
Как Данте, я назад направлю свет,
Чтоб озарить всю прошлого картину, -
Что совершил за шесть десятков лет.

Горжусь я тем, что горская еврейка
Меня явила в этот мир земной.
Но так случилось, что с Россией крепко
Был связан я таинственной судьбой.

В Москве я вырос и остепенился,
Доволен тем, что музыкантом стал.
И к музам вдохновенным приобщился,
И в творчестве нашел свой идеал.

Страсть к путешествиям, к большой дороге
Тогда же увлекла всего меня.
Везде – на юге, севере, востоке
Легла тропинка дальняя моя.

Но в сорок пять всё изменилось круто. –
С Израилем связал судьбу свою.
Стремился, изживая дух Галута,
Постичь Страну еврейскую мою.

Пусть время мчится вдаль неотвратимо,
Я полон свежих сил вперед идти.
И творчеством, как прежде, одержим я,
И кажется – еще всё впереди!

2006

Стена в Гило

Посвящается Григорию Туберту

Через Гило путь на юг, на Хеврон.
Ныне известно оно в целом мире, -
Дня не проходит, чтоб этот район
Не был бы в сводках газет и в эфире.

Здесь у меня проживают друзья,
В жизни имеем мы общие цели.
Пользуясь кратким затишием, я
Еду туда, где гремели обстрелы.

Вот он, как линия фронта, барьер,
Что разделяет сынов Авраама.
Выйдя на след Амалека, как зверь,
Хочет Раис вновь расправиться с нами.

Здесь предстает удивительный вид
На Иудейские горы в округе.
В дымке туманной Бейт Лехем лежит, -
К небу летят колокольные звуки.

К нам же, в столицу снаряды летят,
Сея в Гило всюду смерть, разрушенья.
Снова евреев хотят запугать, -
Вызвать панический страх в настроенье.

Но просчитались арабы в войне, -
Ныне передний тут край обороны!
Живопись видя на этой стене,
Верю: удержим мы знамя Сиона!

2002

Примечания. *Гило – один из районов Иерусалима. Раис – Ясер Арафат.*

Синагога Маон

Прославилась не только Галилея
Значеньем в исторической судьбе, -
В далеком прошлом в Негеве евреи
Оставили здесь память о себе.

Под игом римского завоеванья
Страдает вновь еврейская Страна.
И всё ж ее сыны верны призванью, -
И синагога тут возведена.

Глаз радует мозаика в Маоне
Палитрой щедрой красок и цветов.
Дошел до нас, как знак любви к Сиону,
Свет меноры из глубины веков!

2002

***Примечание**. Древняя синагога Маон, обнаруженная в северном Негеве близ кибуца Нирим, находится на месте римско-византийского городка Манойс (Маон), расцвет которого относится к 1У – У1 векам н.э.*

Тель-Мегидо

Стал тот опасный перекресток близ Дженина
Печально знаменит на всех материках.
А рядом Тель поднялся - холм среди долины, -
Его история теряется в веках...

Я не могу смотреть тут снова без волненья
На камни, что врагам грозили с высоты.
Лишь чудом сохранились крепости строенья
На страже древнего торгового пути.

Какие только племена, цари, народы
Не приходили с миром иль войной сюда.
Царь Соломон оставил в крепости ворота,
Как знак присутствия евреев здесь тогда.

Спускаюсь от конюшен древних я к туннелю,
Что царь Ахаз пробил в те времена в скале,
И путь к тому источнику теперь нацелю,
Что не́ иссякнет на израильской земле!

2002

***Примечание**. На перекрестке Мегидо палестинцами неоднократно совершались теракты против израильтян.*

В Кейсарии

В экскурсии, когда еще был молод,
Впервые с прошлым встретился тут зримо.
А ныне обхожу один я город,
Что Иродом воздвигнут был для Рима.

Величие развалин ляжет в кадр, -
Работа времени, войны, землетрясенья.
Среди поверженных колонн – театр,
Где пышные давались представленья.

Столица покоренной Иудеи,
Твои руины я ищу на карте.
Вот порт, откуда в рабство шли евреи,
Вот улица с мозаикою Кардо.

Дворец на рифе, бани, синагога...
Вот акведук, амфитеатра зданье,
Где, весь в огне, звал рав Акива Б-га,
Где Рим бросал людей на растерзанье.

Прошли века. И вновь пришельцев смена:
Встал город крестоносцев с укрепленьем.
Но и глубокий ров, и эти стены
Всё ж не спасли от нового вторженья.

Евреев обрекая на изгнанье,
Враги считали: власть их бесконечна.
Но, глядя на следы их пребыванья,
Я думаю: их нет, а мы тут вечно!

2002

***Примечание**. Рабби Акива, духовный вождь еврейского народа в период Второй Иудейской войны (2-й век н.э.), был казнен в Кейсарии на костре.*

В доме Ханы Сенеш

(Кибуц Сдот - Ям)

Казалось бы, нам всё о ней известно:
Влюбленная в Сион, поэт, боец,
Кибуц и труд на ферме тяжкий, честный
И ранний, столь трагический конец.

Сдот Ям. Вдоль моря бриз несет песчинки.
И с трепетом вхожу я в дом её.
Средь книг она с печатною машинкой
Делила вдохновение свое...

На старых снимках отразилось время, -
Я вижу, как менялась с юных пор.
Но на лице сквозь беспокойства бремя
Проглядывает боевой задор.

Покажут фильм, и в нем воспоминанья
Ее друзей, соратников, родных.
И ясным станет страстное желанье -
Возврат к Сиону, воплощенный в стих.

Могла ли Хана, по ее понятьям,
Тут ждать, когда закончится война?
Душой рвалась помочь еврейским братьям,
Чья участь в Венгрии предрешена.

Взволнованный, потом иду дорогой,
Которой к морю шла она тогда.
Ее Молитва человека к Б-гу
В душе не завершится никогда...

2002

***Примечания**. В кибуце Сдот Ям (рядом с Кейсарией) Хана Сенеш, родившаяся в Венгрии, прожила три года. После заброски в составе группы парашютистов в Европу и выполнения боевого задания она была схвачена на границе с Венгрией и казнена в 1944 году. Музыка к стихам Ханы «Эли, Эли» («Мой Б-г») написана композитором Давидом Захави.*

Горы Гильбоа

В Израиле дивны природы картины...
Средь них в память врезались горы Гильбоа,
Что высятся тут над полями долины,
Зелеными склонами пряча от зноя.

У южной подошвы Гильбоа уютно
Красивейший парк Эйн-Харод разместился.
Вкусил в нем с отрадой источник я чудный
И праху здесь Ханкиных я поклонился.

И горы тут помнят сражений гул страшный, -
Как смелый Гидон шел в атаку ночную,
Как пал с сыновьями Шауль – царь отважный,
Давидом оплакан в годину ту злую...

Потом поднимаюсь наверх на машине
И мчусь по горам живописной дорогой.
Оттуда – с покрытой сосною вершины
Открылся простор панорамы далекой!

2002

Примечания. *Эйн-Харод в переводе с иврита означает «Источник Харода». Иегошуа Ханкин приобрел в этих местах земли для еврейских поселенцев. Он похоронен вместе с женой. Имеются в виду сражения библейского героя Гидона с мидианитами в эпоху Судей (12 век до н.э.) и царя Шауля с филистимлянами (11 век до н.э.).*

В Циппори

Есть город древний в Нижней Галилее
С названием красивым. То Циппори.
Раскинулся, как птица, где виднее,
Он на холме высоком средь простора.

Остатки римского завоеванья –
Скамьи и сцена старого театра.
Когда-то пышные стояли зданья
Вдоль улицы со статуями Кардо.

Иду потом наверх - туда, где вилла, -
Мозаика в ней славит Диониса.
И тут я вижу женский образ милый –
То наша в Галилее Монна Лиза.

А рядом здесь, как страж над всей долиной,
Повисла мощной крепости громада.
Отсюда вышли крестоносцы в путь свой длинный
Себе на гибель к Тверии в осаде.

И радуют еврейские кварталы, -
У древних стен – колодцы, миквы в камне.
А в синагоге, где влекут порталы,
В мозаике предстанет мирозданье!

2002

Примечания. *Слово «циппори» в переводе с иврита означает «птица». Войско крестоносцев, вышедшее из Циппори в 13 веке, было наголово разбито мусульманами в сражении у Карней-Хиттим, так и не дойдя до Тверии. Миква – ритуальный бассейн для верующих иудеев.*

Бейт Шеарим
(Город врат)

Взбираюсь вверх по склонам Галилеи.
И вот открыл мне двери Город врат,
Где прежде, в дальние века, евреи
Хранили Тору - наш бесценный клад.

Богатая, роскошная природа
Густою зеленью встречает здесь,
А голубые краски небосвода
Проглядывают сквозь высокий лес.

Когда под игом Рима было худо,
И мрак покрыл еврейскую страну,
Святой учитель рабби Иегуда
Тут завершил великий труд – Мишну.

С волнением я чту, войдя в пещеру,
Прах мудреца и сыновей его
И обхожу могилы тех, кто Веру
Нам укреплял в Творца тут своего.

Узрел, проехав мимо мавзолея
(То древней эллинской культуры след),
Руины синагоги, где евреи
Субботний зажигали дивный свет...

2002

Примечания. *Мишна – основная часть Талмуда (устной Торы). Во времена владычества Рима (2 – 3 века н.э.) в Бейт Шеарим хранилась Тора и заседал Синедрион (Совет еврейских мудрецов).*

Снег на Голанах

Вновь в феврале удивлены мы, -
Зима, смеясь, берет разбег.
Снег валит в Иерусалиме,
И на Голанах валит снег!

Как можно дома удержаться
И не почувствовать зимы?
Нет, лучше на машине мчаться, -
На Север путь направим мы.

А вот и Голубой Кинерет!
Несусь вдоль тихих берегов, -
И снова хочешь в счастье верить
При виде засверкавших гор!

К заветной цели ты все ближе, -
Кругом в снегу поля, лески.
Эх, мне теперь надеть бы лыжи...
Зато могу играть в снежки!

И тут во всем величье строгом
Явилось зрелище для глаз, -
И цепь белесых гор с Хермоном
Мне так напомнила Кавказ!

2003

Кинерет

Нет, не забыть мне первой встречи нашей,
Когда спускался с Галилейских склонов:
Огромная, наполненная чаша
Под синим, безграничным небосклоном.

И лет с тех пор немало пролетело.
Я вновь сюда стремлюсь неудержимо.

И зазвучал во мне романс Рахели,
Воспевшей здесь Кинерет свой любимый.

Вдоль берега восточного дорога
Ведет к тому холму, что с Гамлой рядом.
Любуюсь озером, забыв тревогу,
Его прибрежным в зелени нарядом.

Пересекаю множество речушек.
Вот Иордан, что в озеро впадает.
Тут после снегопада меж ракушек
Он пеною на солнце весь играет!

Взойдя на мост, готов я всех уверить,
Что побежден красотами природы.
Библейская река несет в Кинерет
Свои неиссякаемые воды...

2003

Заповедник Гамла

Тут, в Гамле есть чудесный заповедник, -
Им славятся Голанские высоты.
И я, поэт, как древний проповедник,
Вновь попадаю здесь под власть природы.

Любуюсь тут огромным водопадом,
Парением орлов под небесами,
Мозаики искуснейшей парадом –
Там, на полу давильни меж камнями.

Меня захватывает вид на гору,
Похожую на жирный горб верблюда.
Так это крепость Гамла – древний город,
Что сохранился здесь, как символ чуда!

Спускаюсь ниже по тропе змеиной
И обхожу раскопки с изумленьем:
Вот старой синагоги остов длинный,
Колодцы, склады, разные строенья.

Защитники дрались неустрашимо,
И все же пала крепость иудеев.
Иосиф сдался тут на милость Рима
И рассказал о подвигах евреев...

2003

***Примечания**. Название Гамла происходит от слова «гамаль», что в переводе с иврита означает «верблюд». Крепость была захвачена римлянами в период Первой Иудейской войны в 1 веке н.э. Имеется в виду видный еврейский историк и военачальник Иосиф Флавий, автор книг «Иудейская война» и «Иудейские древности».*

Прогулка по Цфату

Когда-то Цфат предстал мне местом райским,
Которым был я сразу покорен.
И вновь я вижу город утром майским
И чувствую, что я в него влюблен.

На верх горы с волненьем подымаюсь, -
Как древний сторож, тянется стена.
Отсюда парком чудным восхищаюсь
И городом, где правит старина.

Затем спускаюсь вниз и там брожу я
Средь узких улиц, где субботу ждут.
И в синагогу древнюю вхожу я,
Где старый свиток Торы свято чтут.

И захожу потом я в Галерею
И красотой картин любуюсь в ней.
Торгуют рядом бойко тут евреи, -
Какое изобилие свечей!

На кладбище ведет меня дорога, -
Прах праведников приняли пески.
В глазах у женщин слезы и тревога.
Повсюду ящики стоят здесь для цдаки...

И тут меня сиянье охватило,
Что плыло от святой горы Мерон.
Там, под вершиной, есть того могила,
Чья книга светит нам сквозь мрак времен!

2003

***Примечания**. Слово «цдака» в переводе с иврита означает «пожертвование». Имеется в виду книга «Зоар» («Сияние»), автором которой считается великий еврейский каббалист и праведник Шимон бар Йохай, живший в 1 веке н.э.*

В Тверии

Брожу по древней Тверии, что волей
Потомка Ирода возведена.
Вдоль набережной лодки на приколе,
И озером манит меня она.

Руины стен и башен вижу в парке,
Постройки в честь Аллаха и Христа.
Еврейский свет, сиявший тут столь ярко,
Казалось бы, потухнет навсегда.

Здесь помнят Абулафию, кто чудом
Жизнь в Тверии еврейства возродил.
Я в старых синагогах и повсюду
Дух иудейский сердцем ощутил.

И радует в древнейшей синагоге
Мозаикой чудеснойменора.
И даже в годы Рима верой в Б-га
Евреям освещала путь Тора.

Могилы мудрецов Синедриона
Земля в округе бережно хранит.
И прах Рамбана – воина Сиона
Мне душу святостью своей живит...

2003

Примечания. *Тверия основана в 1 веке н.э. сыном Ирода Великого Иродом Антипой, назвавшим ее в честь римского императора Тиберия. Рамбам – аббревиатура величайшего еврейского мыслителя средневековья, умершего в Египте в 1204 году и завещавшего похоронить себя в Тверии.*

В старом Акко

Бродя по улочкам старинным Акко,
Невольно трепет в сердце ощущал.
Ты, город, пережив эпоху мрака,
Историю кровавую узнал.

Кто здесь не выходил на берег узкий,
Чтоб гаванью морскою овладеть, -
Исламский, христианский и французский,
Турецкий и британский вижу след.

Я ров и стены обхожу с волненьем, -
Так и не смог их взять Наполеон.
Постигла здесь его мечта крушенье,
Что наш Израиль будет возрожден.

Благодаря подпольщикам еврейским
Осуществимой стала та мечта.
Тут, в Акко, из тюрьмы побег их дерзкий
Уход ускорил англичан тогда!

Среди всего арабского квартала –
Единственный еврейский островок.
Открыл я синагогу здесь Рамхаля,
Где в старых свитках мне забрезжил Б-г...

В «Яд лебаним» для полноты рассказа
Я о героях штурма узнаю.
Предметы быта выходцев с Кавказа
На выставке я с гордостью смотрю!

2004

***Примечания**. Музей «Яд лебаним» в переводе с иврита означает «Памяти сыновей». Город Акко был взят штурмом Армией обороны Израиля во время войны за Независимость в 1948 году. В Акко проживает одна из крупных общин горских евреев в Израиле.*

В древнем Бейт Шеане

Приятно быть в античном Бейт-Шеане.
Ошеломлен его величиной,
Тут снова вижу римские я бани,
Больших колонн величественный строй.

Заметив пышное театра зданье,
Тотчас к нему с волнением стремлюсь.
Решил, увидев сцену, изваянья,
Что будто вновь в Афинах нахожусь...

А вот еще античное строенье –
То храм в честь Диониса – Нимфеон.
И видятся следы землетрясенья, -
Так много всюду рухнувших колонн!

Потом на холм старинный поднимаюсь, -
Открылись мне глубинные слои.
В эпоху древних царств тут погружаюсь
И в войнами наполненные дни.

Египетский тут город появился, -
Как узел-крепость на пути морском.
Сам Тутмос третий в надписи хвалился
Здесь о своих победах над врагом.

Израильтяне и филистимляне
Друг с другом бились, проливая кровь.
И помнит башня в древнем Бейт-Шеане
Тела Шауля и его сынов...

Отсюда, с высоты сквозь солнца призму
Открылся чудный вид на Иордан.
Все войны пережив и катаклизмы,
Ты, город, стал еврейским навсегда!

2004

***Примечание**. Город Бейт-Шеан расположен в Нижней Галилее. Стела с надписью Тутмоса третьего хранится в музее Рокфеллера в Иерусалиме.*

Офакимские ночи

Из-за жары лишенные отрады,
Намаявшись за долгий, трудный день,
Мы с нетерпеньем ждем ночной прохлады,
Когда зной сменит сладостная тень.

И далеки теперь от нас несчастья, -
Мы духом ночью воскресаем вновь.
От звуков этой песни веет счастьем,
И к Негеву мы чувствуем любовь!

Мой друг, теперь пути-дороги наши
Здесь, в Офакиме маленьком сошлись.
Поверь, нет глаз твоих на свете краше, -
В них звезды от моей любви зажглись.

Затерянный среди степных просторов,
Рос вместе с нами южный городок
И после всех трудов, страданий, споров
В свой юбилей расцвел он как цветок!

Его не зря назвали Офакимом, -
Какие горизонты здесь вокруг!
И с юным нашим городком любимым
Мы навсегда связали жизнь, мой друг.

Совсем другой нам кажется пустыня,
Когда в ночи гуляем не спеша.
И свежесть нам дарит прохлада ныне,
И для любви распахнута душа!

2004

***Примечания**. Негев – полупустыня на юге Израиле. Название Офаким в переводе с иврита означает «горизонты».*

Прогулка по Киннерету

На твоих берегах я бывал уж не раз,
Мой любимый Кинерет, где склоны крутые.
Но из Тверии – града святого – сейчас
По воде совершаю прогулку впервые.

И любуюсь в восторге с кораблика вновь
Я зеркальною водною озера гладью,
Также яркими пятнами белых домов
Под идущей повсюду с небес благодатью...

И на берег потом в Гиноссаре схожу, -
Там из древности старая лодка предстала.
По музею Игаля Алона брожу,
Восхищаясь путем боевым генерала.

В эти трудные, тяжкие дни для меня
Вновь, Кинерет, смирил ты мой дух беспокойный.
Покидаю тебя с благодарностью я,
И с тобою прощаюсь, душой возрожденный!

2007

***Примечание**. По мнению ученых, лодка относится к первой половине 1 века н.э., т.е. ко времени жизни Иисуса Христа.*

Тель-Хай

Тель-Хай... По-русски значит Горка жизни.
Скорбит здесь наша память о былом.
Для них Израиль стал второй Отчизной, -
Кто насмерть тут стоял в бою с врагом.

Иосиф Трумпельдор был вместе с ними –
Герой японско-русской той войны.
Стремлением к Сиону одержимый,
Встал на защиту Севера страны.

Здесь, на земле библейской, неспокойно, -
Еврейские погромы, мятежи.
Насыщен ненавистью воздух знойный, -
Идет война за воду, рубежи.

И стал Тель-Хай на карте Галилеи
Передним краем фронта для бойцов.
Вступили в бой с арабами евреи, -
И пало наших восемь храбрецов.

Иду с волненьем к братской их могиле,
У стража – Льва рычащего стою.
В словах Иосифа таится сила:
Прекрасна смерть за землю тут свою!

2008

***Примечания**. Иосиф Трумпельдор был дважды награжден Георгиевским крестом. Крепость Тель-Хай была обманом взята арабами в 1920 году.*

В Эйлате

Эйлат – дивный жемчуг у Красного моря, -
Ты – город-красавец и древний наш порт.
Мы тут забываем усталость и горе, -
Ты нас привлекаешь как город-курорт!

Еще Соломон – мудрый царь иудейский –
Достойно здесь место тогда оценил, -
Воздвиг Эцион Гевер – город еврейский,
По морю судам торговать разрешил.

Брожу, изумляясь, по залам музея, -
Эйлат рос так быстро – ребенку подстать!
И город такой возвели тут евреи.
Что можно израильским чудом назвать!

И слава о нем разнеслась в мире скоро, -
Всегда здесь туристов огромный наплыв.
Их манят не только жар солнца и море, -
Аквариум также, коралловый риф.

Забыть разве можно прогулку морскую?
Вдоль берега тянется город, как торт.
А с катера видишь картину иную,
В которой слились горы, небо и порт!

2009

***Примечание**. Аквариум – грандиозное подводное сооружение, в котором можно увидеть рыбное богатство Красного моря.*

В кибуце Дгания

И вновь влечет меня к себе Кинерет
Своею водной чашей голубой.
И душу вновь охватывает трепет
Близ Иордана – близ реки святой.

Сто лет назад возникла здесь коммуна,
Став первым кибуцом у нас в стране.
Ждала ее нелегкая фортуна, -
Но выстояла Дгания в войне!

Вблизи, с холма в Ум Джуни поражает
Долина Иордана красотой.
Труд первых поселенцев восхищает –
Построивших тогда дом первый свой.

Потом сюда, к истокам Иордана
Родившийся кибуц перенесли.
С волненьем обхожу я дом Гордона
И старый двор, где башню возвели.

В историю в музее погружаюсь, -
На фото лица предо мной встают.
Симпатией я к людям проникаюсь,
Кто создавал кибуц прекрасный тут!

2010

***Примечание**. С некоторых пор Дгания разделена на два кибуца – Дгания-1 и Дгания-2. В обоих сдаются комнаты для отдыха и велосипеды на прокат.*

На родине Наоми Шемер (Кинерет)

(Кинерет)

В Израиле, как только поселился,
Услышал «Золотой Йерусалим» -
И вмиг в его мелодию влюбился,
А имя Шемер стало дорогим.

Стремлюсь в кибуц с названием Кинерет,
Где родилась Наоми – славный бард.
Вот дом, что слышал детский ее лепет, -
В мир Музыки откуда дан был старт.

Она в те годы девочкою тощей
Ходила в школу в Дганию пешком.
Путь шел чрез эвкалиптовую рощу, -
Ее и лодку воспоет потом.

Всю жизнь Кинерет творческие силы
Наоми Шемер будет здесь питать.
Нам столько песен чудных подарила, -
И темы их в душе моей звучат!

На кладбище потом я направляюсь,
Где бард нашла последний свой приют.
Вновь у могилы в звуки погружаюсь, -
И вторит им ее Кинерет тут...

2010

***Примечание**. В доме, где родилась Наоми, открыта музыкальная школа. Рядом – местный клуб (на иврите Моадон), носящий ее имя.*

Раздел 2. Стихи о России

Новая встреча

Как я покинул снежную Россию,
Прошли года, немалые года.
И, оставляя прежнюю стихию,
Я думал: с ней прощаюсь навсегда...

Нет, не могу сказать, что ностальгию
Испытывал вдали я от нее.
Желание увидеть вновь Россию
Все ж нежило сознание мое.

И вот опять в Москве, где я родился,
Где рос и постигал ученья свет,
Где в музыку, в поэзию влюбился
И прожил сорок пять нелегких лет.

Преобразился город мой с годами –
Похорошел и обновился он.
И радость встреч с родными и друзьями
Узнал я вновь, на крыльях вознесен!

Конечно, и в усадьбах Подмосковья,
И в Красногорске снова побывал,
Дом в Шахматове посетил с любовью, -
Там блоковской поэзией дышал.

И состоялось с Питером свиданье,
С его гранитной, строгой красотой.
Фонтаны Петергофа в изваяньях
Вновь восхищали светлою струей.

Недели промелькнули незаметно.
Увидел перемены я в стране.
С Россией встреча не прошла бесследно, -
Как будто вновь родник забил во мне...

И знаю: связь духовная с Россией
Отныне не прервется никогда, -
Со мной ее язык, ее стихия
Как были, так пребудут навсегда!

2006

***Примечание**. Речь идет о поездке в Россию летом 2005 года спустя 14 лет после репатриации в Израиль.*

В Ивановке

(Музей – усадьба С.В. Рахманинова)

В далекой юности я был сражен
Его большой Прелюдией мятежной.
Потом Вторым концертом покорен, -
Его мелодией привольно-нежной.

И вот – Ивановка. Мечта сбылась!
Здесь каждый куст Рахманиновым дышит.
Ту тему, из тиши что родилась,
Среди степных просторов небо слышит.

Я по усадьбе с трепетом брожу,
Где так любил он жить весной и летом.
Во флигеле, куда я захожу,
Звучит Романс, природою напетый.

Гулял Сергей в такой же летний день
Когда-то здесь по парковым аллеям,
Вдыхал в себя любимую сирень,
В душе творенья музыки лелея.

А где его могила? Далеко!
Но верю я – когда-нибудь случится:
Вернет Россия сына своего, -
И прах с родной землей соединится!

2013

***Примечание**. В усадьбе Ивановка, расположенной в Тамбовской области, Рахманинов проводил летние месяцы до своего отъезда из России в 1917 г.*

Раздел 3. По городам и странам

В столице Эллады (Афины)

Далекая и древняя Эллада!
Ты с юношеских лет моя любовь.
Гомер открыл мне в дивной «Илиаде»
Твоих царей, героев и богов.

Я в городе, что назван в честь Афины.
И кажется, что выше счастья нет.
Уж много лет великая богиня
Хранит свой город от врагов и бед.

Раскинулся он в Аттике – в долине
Меж синим морем и грядою гор.
И высятся над зеленью равнины
Старинные холмы, даря простор!

Влечет один из них, заросший парком,
Что был обителью для нежных муз.
Тут встречусь, кажется, с их роем ярким
Иль на Эрота-шалуна наткнусь...

Отсюда предстает вся панорама
Столицы Греции свершеньем снов.
Облитый солнцем, в лучезарной раме
Огромный город плыл из мглы веков.

Чуть ближе, на скале, как гимн Элладе,
Над городом Акрополь воспарил,
И Парфенон с воздушной колоннадой
Гармонией чудесной покорил.

От храма здесь мой взор завороженный
Скользит потом к подножию холма.
Предстал театр, в камне воплощенный,
Где праздник был для сердца и ума.

Вдыхая свежесть парковой прохлады,
Таю я радость, что сбылись мечты:
Быть на земле божественной Эллады
Причастным культу вечной Красоты!

2003

***Примечание**. Эллада – древнее название Греции. «Илиада» - одна из двух поэм Гомера (вторая – «Одиссея»).*

За Иорданом (Петра)

Посвящается Игорю Торику

За кряжами Моава и Гильада,
За Иорданом та лежит земля,
Что тайно скрыта будучи от взгляда,
Во всей красе открылась для меня.

Колена Гада, Реувена и Менаше
Тут жили в те седые времена.
И ощущенье, что земля та наша,
Не покидало по пути меня.

Наш царь Давид не раз в Аммон Йоава
Для мира направлял иль для войны, -
Послал, влюблен в Бат-Шеву, не для славы
Он Урию в ту крепость из страны.

Прекрасный вид исламского Аммана
Знакомым белым камнем привлекал.
В музее медный свиток из Кумрана
О спрятанных там кладах рассказал...

Я видел Петру – город Набатеи.
Весь вырубленный в скалах, он служил
Для мертвых, для царей и казначеев,
Пока Траян его не покорил.

И римляне пришли в Заиорданье,
След эллинский оставив не один.
В Герасе древней с прошлым на свиданье
Захвачен был величием руин...

За Римом воцарившись, византийцы
С собою христианство принесли.
Я в Медве, где мозаика лучится,
Был картой восхищен Святой земли.

Потом арабы фресками цветными
Покрыли Каср Амра в дар судьбе,
И крестоносцы замками большими
Оставили здесь память о себе.

Среди красот природы как бы рея,
Увидел ленту Иордана я.
С горы Нево - от праха Моисея
Открылась мне Святая вся земля!

2004

***Примечания**. По приказу царя Давида Урия, муж Бат-Шевы, был поставлен военачальником Йоавом в наиболее опасное место при осаде Аммона. Столица Набатейского царства Петра была взята римским императором Траяном во 2 веке н.э . Каср Амра – арабский замок, построенный в 8 веке н.э. для губернатора. Место захоронения Моисея до сих пор не известно.*

Венский вальс

Я жил в мире звуков, увидеть мечтая
Веселую Вену и сказочный лес,
И вот я струей голубого Дуная
Любуюсь теперь, очарованный весь.

Здесь Моцарта гений всецело раскрылся...
С волнением тайным вхожу я в тот дом,
Где Фигаро образ проворный родился,
Где Моцарт и Гайдн играли вдвоем...

Тут, в Вене, Бетховен и Шуберт творили,
И Штраус, и Малер, и Брукнер, и Брамс, -
Бессмертную музыку миру дарили,
И в залах, и в скверахзвучал Венский вальс.

Казалось, сам воздух насыщен искусством...
Гуляя по Вене, по паркам, садам,
Я, радуясь, вижу с восторженным чувством
Везде монументы великим творцам.

И вдруг – изваяния жертв Катастрофы...
Не вечно веселою Вена была.
Под музыку вальса еврейство Европы
На смерть посылалось адептами Зла.

2006

Сказки Венского леса

Не только искусством и а́рхитектурой
Ты, Старая Вена, влечешь к себе нас,
Но также высокой садовой культурой, -
Природой вокруг, что так радует глаз.

Забуду ль экскурсию чудную в Баден,
Что шла через сказочный Венский тот лес, -
Он виден с дороги в зеленом наряде,
Тянущийся кверху – к просторам небес.

Источником творчества был, вдохновенья
Для Гайдна и Моцарта шелест лесов,
А Шуберту, Брамсу несли утешенье
И пение пташек, и говор ручьев.

Бетховен так жаждал, как с Богом, общенья
С природой, спасавшей от жизненных стрел.
Вот баденский домик, где, весь в упоенье,
Он Радость всеобщего братства воспел!

Природа и мне приоткрыла завесу,
Вливая мотив пасторали в мой дух.
И дивными сказками Венского леса
Вновь Штраус-волшебник чарует мне слух...

2006

***Примечание**. В Бадене Бетховен работал над своей Девятой симфонией, в финале которой использовал стихи Оды «К радости» Шиллера.*

В Зальцбурге

(Город Моцарта)

Я в Зальцбурге – городе древнем, австрийском,
Что центром церковного княжества был, -
В том крае Альпийском, чудесном, гористом,
Что гения музыки нам подарил.

Так вот он какой – дивный Моцарта город,
На Зальце стоящий, красив и велик!
Нависла над городом крепость, как молот, -
Оплот и твердыня духовных владык.

И вижу я дом, где он, Моцарт, с пеленок
Властителем звуков себя ощутил.
Отсюда, из Зальцбурга, чудо-ребенок
Европу искусством своим покорил!

И что же? Он должен игрой на органе
Владыке капризному радовать слух.
На службе у князя невольником станет, -
И скован его независимый дух.

Пинок в спину с лестницы... То оскорбленье
Он, музыки гений, не сможет простить.
И Зальцбург оставит он без сожаленья,
Чтоб в Вене свободным художником быть!
2006

***Примечание**. Этот случай произошел в Вене, когда Моцарт должен был сопровождать архиепископа в поездке в австрийскую столицу. После того, как приближенный владыки столкнул его с лестницы, композитор твердо решил оставить службу у него в Зальцбурге и переехать в Вену.*

В Мюнхене

Наслышан о городе Мюнхене много,
Впервые ступаю на землю страны,
Что в годы нацизма пошла против Б-га
И зерна взрастила той страшной войны.

Любуюсь барочною я стариною,
Что немцы смогли возродить из руин,
Соборами, башнями, древней стеною
И готикой прежних и новых годин.

А улица Людвига взор восхищает
Классически стройным фасадом домов.
Дворец королей Нимфенбург поражает
Искусством баварских больших мастеров.

Культурой своей Мюнхен вправе гордиться, -
В музеях – барокко, модерн, Ренессанс.
И Музе мелодии дал он развиться, -
Творили здесь Вагнер, и Штраус, и Брамс.

Сидел я за кружкой баварского пива,
Что славится вкусом на шар весь земной.
И вспомнил о путче нацистов я живо,
Что здесь начинался – в той самой пивной.

Как в Мюнхене – там, где всегда прежде было
Искусство форпостом борьбы против зла,
Возникнуть могла сатанинская сила,
Что миру страданья и гибель несла?

Покончено с прошлым нацистсткого пира,
Антисемит вне закона теперь.
Ты, Мюнхен, стал городом спорта и мира,
Евреям открывший с радушием дверь!

Но разве исчезло насилие злое?
Теракт Олимпийские игры взорвет.
И в сердце еврейском боль вечная, ноя,
По нашим погибшим спортсменам живет...

2006

***Примечание**. Путч нацистов во главе с Гитлером в столице Баварии в 1925 году потерпел поражение. На Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году членами палестинской террористической организации «Черный сентябрь» в результате теракта было убито 11 израильских спортсменов.*

Замок Нойшванштайн

Он издали кажется мифом прохожим,
В высотах парящим от скальных основ,
И башнями, стенами – видом похожим
На сказочный замок из Средних веков.

Но кто же построил сей замок чудесный
На лоне природы прекрасной такой?
Он – юный, высокий и ликом прелестный
Властитель Баварии Людвиг Второй.

Романтик в душе и далекий от власти,
Король-одиночка, знаток Красоты,
Бежал он от фальши и низменной страсти
В мир собственной, чистой прекрасной Мечты.

В мир честного рыцарства, в мир идеала
И средневековых сказаний и саг,
Воссозданный в дереве, камне, металле,
В полотнах цветных, как в небесное шаг.

Он спрятался в замке от козней Трезубца, -
Но разве возможно укрыться от Зла?
И после ареста его, как безумца,
На озере странная смерть унесла...

2006

Примечания. *Название замка Нойшванштайн переводится с немецкого как «Новая лебединая скала». Баварский король Людвиг Второй был утоплен вместе со своим доктором неизвестными в водах Штарнбергского озера возле замка Берг в 1886 году.*

Город Большого яблока
(Нью-Йорк)

Когда-то Желтым дьяволом назвал
Нью-Йорк писатель Горький несчастливый.
Но дьявола я в нем не увидал, -
«Большое яблоко» звучит красивей!

Отсюда, с берега Манхеттена видна
Прославленная статуя Свободы.
С горящим факелом в руке она
Встречает прибывающих все годы.

Весь из громад, Манхеттен сжал меня
В свои весьма тяжелые объятья.
Тут в парке памятник увидел я
В честь эмигрантов – по судьбе собратьев.

Они освоили весь Новый Свет,
Преодолев лишения и беды,
И в городе оставили свой след,
Великим духом одержав победы!

На Брайтон Бич родную слышу речь,
Внимая одесситам из России.
Нью-Йорк раскинулся, как рыба-меч,
Омыта океанскою стихией.

И потрясает он, не зная мер,
Повсюду грандиозностью своею!
Средь толп народа разных рас и вер
Брожу я, восхищенный, по Бродвею.

Музеи, парки, опера, маня,
Влекут к себе меня неудержимо.
На верх Стейт Билдинга взлетаю я
И там над городом парю незримо.

Спешу туда я, где атаковал
Большой террор два зданья-великана.
На месте том теперь Мемориал –
Кровоточащая Нью-Йорка рана...

Не третья ль мировая началась?
Не сломлен, город стал еще сильнее.
Как прежде, разделили в этот раз
Беду со всеми жители-евреи.

Америка – великая страна,
Нью-Йорк – ее мотор и сердцевина.
Стою на Бруклинском мосту, сполна
Проникнувшись величием картины...

2013

***Примечание**. Существует множество версий происхождения названия «Большое яблоко». Одна из них принадлежит джазовым музыкантам 20-ых годов, так назвавшим место своего постоянного выступления в городе.*

Прощание с Парижем

Меж бурей войн и революций пиром,
Париж, приветливо ты встретил нас.
Столицу Франции – столицу – мира
Во сне ли дивном вижу я сейчас?

Не раз тут слово гордое «свобода»
Звучало над простором площадей,
И волею восставшего народа
Тут скидывали с трона королей!

Ты знал, Париж, триумф Наполеона, -
Колонны, арки в честь его побед.
Вернулся прах его в родное лоно,
Найдя покой здесь после стольких бед.

Утих звук войн, и ты преобразился,
Париж, приняв роскошный, пышный вид,
И моды повелителем явился,
Талантами своими знаменит!

Но есть трагичная страница, город,
В истории твоей, вся в черноте.
Напоминает про нацистский молот
Нам памятник на острове Ситэ.

По старым я кварталам прогулялся –
Латинскому, Бастилии, Марэ, -
И с высоты Монмартра любовался
Здесь Эйфелевой башней на заре.

Приснились ли парижские бульвары,
Музеи, парки, храмы, шпили крыш?
Нет, в яви под твои попал я чары.
Скажу, прощаясь: я влюблен в Париж!

2013

***Примечание**. Памятник представляет собой Мемориал жертв депортации, посвященный памяти двухсот тысяч погибших французов, большинство которых составляли евреи.*

Чао, Италия!

Тебе, Италия, пою я стансы
В час грустный расставания с тобой.
Ты родина Искусств и Ренессанса,
Что опьяняет высшей красотой!

Давно меня загадкою чудесной
Влекла твоя древнейшая земля.
Влюбленный в живопись твою и песни,
С тобой ждал встречи с нетерпеньем я.

И буду помнить Вечный город, млея, -
Сокровищами полный Ватикан,
Флоренцию, Неаполь и Помпеи,
Венецию, Верону и Милан.

Везде следы величия былого,
Когда над миром мощный Рим взял верх.
Громадный Колизей – свидетель строгий
Империи, исчезнувшей навек.

С волненьем подхожу я к арке Тита,
Что помнит Иудейскую войну.
С трудом Рим покорил звезду Давида –
Восставшую еврейскую страну...

Прошли века. Настало Возрожденье,
Сменившее средневековый мрак.
И вот античной Красоте служенье
Я вижу в итальянских городах.

В восторге я от Пизы и Сиены,
От Аппенинских и Альпийских гор,
От шума водопадов в брызгах пены
И озера, что манит с давних пор.

Еще весь, Музыка, в твоей я власти,
Вновь звуками волшебными дыша.
Как много чувства в них, восторга, страсти, -
Сама в них итальянская душа!

Прощаясь, говорю тебе я «Чао»,
Прекрасная Италия моя.
Но я, тобой плененный, обещаю,
Что вновь сюда вернусь когда-то я!

2014

Примечания. *Римляне называли свою столицу Вечным городом.*

Арка Тита сооружена в честь римского императора, подавившего первое Иудейское восстание и взявшего Иерусалим в 1 веке н.э. Речь идет об озере Гарда, расположенном у подножия Альп в Северной Италии.

В старой Англии

Мечта сбылась, и я увидел Лондон -
Его Вестминстер, Тауэр и порт,
Его музеи, храмы, парки, скверы,
И Виндзор, Гринвич, Оксфорд, Хэмптон Корт.

Забуду ли Биг Бэна голос гулкий
И готику высокой красоты,
Вечерние по городу прогулки,
Теченье Темзы и ее мосты.

Как будто звуки Генделя раздались,
Касаясь близко слуха моего.
Хожу по дому я, где создавались
Великие творения его...

Весь Лондон поражает стариною
И мощью башен, фортов, стен, дворцов,
И славою своей живя былою,
Нас погружает в глубину веков.

В те времена, когда в борьбе великой
Он, Генрих, папу римского сломил,
И короли за трон сражались дико,
И Кромвель Карла Первого казнил.

Нет, не случайно в Англии родился
Театра гений, тонкий сердцевед.
Он заново мне в Стратфорде открылся, -
И я постиг шекспировский сонет!

2014

Примечания. *Великий немецкий композитор Георг Фридрих Гендель прожил в Лондоне большую часть жизни и был похоронен в Вестминстерском аббатстве. Генрих – это король Генрих УШ, который пошел на разрыв с папой и возглавил англиканскую церковь. Городок Стратфорд-на-Эйвоне – родина Шекспира.*

Европа без галопа

В душе имея странника природу,
Стремлюсь всегда я в дальние края.
И снова в постаревшую Европу
Какой-то силой повлекло меня.

И там предстали новые картины, -
Чрез ряд больших столиц лежал мой путь.
От Будапешта и до стен Берлина
Проложен был чудеснейший маршрут.

Здесь тянешься к сокровищам бесценным
В музеях, храмах, замках и дворцах.
Поднявшись из руин послевоенных,
Европа обретает вновь размах.

Как память о еврейской Катастрофе,
Везде мемориалы вижу я, -
Дань жертвам всем нацизма здесь, в Европе,
И содрогается душа моя.

И наполняются тревогой строфы:
Европу оккупирует ислам.
Молю создателя, чтоб Катастрофу
Вновь не познать Израиля сынам!

2015

Примечание. *Считается, что в огне Катастрофы во время Второй мировой войны погибло шесть миллионов евреев.*

Испания, виват!

С тех пор, как в молодости «Дон Кихота»
Прочел и плакал над его судьбой,
Почувствовал я страстную охоту
В Испанию попасть вслед за мечтой!

Мне новая страна открылась в блеске
Своих красот, мелодий и полей.
А Барселона покорила всплеском
Архитектурной готики своей.

В Фигерасе потряс своим искусством
Экстравагантный Сальвадор Дали,
Чьи полные любви безумной чувства
В полотнах воплощение нашли.

Пленен был андалузскою Севильей,
Где от фламенко исходил огонь.
Гранада! Там под маврскою мантильей
Альгамбра скрыта, как волшебный сон...

От иудеев всюду след немалый, -
К изгнанию их всех приговорят!
Старинные еврейские кварталы
Толедо и Жирона сохранят.

А как Мадрид великолепен! Браво
Его дворцам, музеям, площадям!
Величие былой морской державы
Я чувствую по паркам и домам.

Прощаюсь со страною Дон Кихота
Я с грустью. Ждут другие города.
Но ритмы жгучей арагонской хоты
Останутся со мною навсегда!

2015

Примечания. *Имеется в виду знаменитый роман Сервантеса. В Барселоне особенно прославился своей готикой Антонио Гауди. Альгамбра (в переводе с арабского «красная») представляет собой великолепный архитектурно-парковый комплекс, построенный арабами в ХШ-ХУ веках.*

Освенцим

Освенцим... Когда-то он адским был местом,
А ныне – открытый под небом музей.
Тогда юдофобство цвело пышным цветом, -
И был вне закона объявлен еврей.

Стою на платформе, где их разделяли, -
Кого на работу, кого – прямо в печь.
Повсюду бараки, бараки рядами.
Планировал фюрер семитов всех сжечь.

Я вижу здесь горы посуды, одежды,
И обуви разной, игрушек, очков,
И горы сапог, чемоданов тут между
Горами колясок, протезов, зубов...

А души владельцев вещей вместе с дымом
Взнеслись через трубы в небесную твердь.
Нацисты же в злобе своей нетерпимой
Хотели следы геноцида стереть.

Но Память о ней – Катастрофе осталась, -
Ни время ее, ни обман не сотрут.
И как отрицать Холокост ни старались,
Ту Память потуги ничьи не убьют!

2016

Примечания. *Освенцим – самый большой нацистский лагерь, расположенный недалеко от Кракова. Фюрер – вождь и канцлер нацистской Германии Адольф Гитлер, проводивший политику тотального уничтожения евреев, т.е. окончательного решения еврейского вопроса.*

Еврейская Прага

Брожу по кварталу Иозефов в Праге,
Где жили евреи в теченье веков.
Я вижу высокую ратушу с флагом,
На башне еврейские буквы часов.

Иду вдоль домов я старинных и строгих,
Построенных по одному образцу.
С волнением тут захожу в синагоги,
Где трепетно предки молились Творцу.

Еврейское кладбище в центре квартала, -
Как много могил здесь, надгробий и плит!
И для погребений уж мест не хватало, -
Слоями людей тут пришлось хоронить.

И тех, кто лежит, иудеями звали,
Что жили в квартале согласно Торе.
Законам верны, никому не мешали,
Неся в мир понятье о высшем Добре.

Но где их потомки? В квартале не видно.
Дома их стоят, а евреев в них нет.
Ждал в веке двадцатом удел очевидный, -
От тех, кто здесь жил, не остался и след.

Они уничтожены, зверски убиты,
В печах сожжены, превращенные в прах.
Нацисты, как ярые антисемиты,
Всех вырвали с корнем, вселяя в мир страх.

Но немцы квартал без людей сохранили
И создали в нем иудейский музей, -
Как люди исчезнувшей расы тут жили,
Которых нельзя и считать за людей.

А в Праге поныне бытует поверье
О Големе сильном, что был сотворен
Из глины для грозной защиты евреев, -
Как жаль, что не дожил до наших времен...
2017

***Примечания**. Квартал Иозефов назван в честь австрийского императора Иосифа Второго, разрешившего евреям жить в Праге. Голем – персонаж еврейской мифологии, созданный пражским раввином Лёвом в ХУ11 веке для защиты евреев от кровавых наветов .*

Трагедия испанского еврейства

Могу ли забыть я красоты Испании?
Не только творенья искусства, ума, -
Еврейства судьба приковала внимание, -
Его синагоги, кварталы, дома.

И где б ни бывал я – в Севилье, Жироне,
В Гранаде, где вышел зловещий декрет,
В Мадриде, Толедо, еще в Барселоне, -
Повсюду евреи оставили след.

И я перенесся тут в Сре́дневековье,
Когда у евреев был век Золотой.
Им не было равных тогда в богословье,
Какие поэты творили порой!

Но церковь врага увидала в еврействе, -
Навек на изгнанье его обрекла.
Ее инквизиция – символ злодейства –
Немало потомков Адама сожгла.

То было предвестие той Катастрофы,
Когда миллионы пошли под серпы.
В напевах ладино, в его скорбных строфах
Мы слышим трагизм еврейской судьбы...
2017

Примечания. *Имеется в виду декрет об изгнанье евреев, подписанный католическими королями Фердинандом Вторым и Изабеллой в 1492 году. Ладино – это язык испанских евреев, основанный на смешении испанского языка и древнего иврита.*

Город контрастов
(Лиссабон)

Так вот она – Камоэнсом воспета,
Столица португальцев Лиссабон.
В цветной наряд реки Тежу одетый,
Контрастами ошеломляет он!

И помнит он кошмар землетрясений,
И грозный страх трагических годин.
Но возрождался к жизни город древний
И снова поднимался из руин.

Не знаешь ты, чем больше восхищаться:
Старинным лабиринтом Альхамы,
Чудесным ли искусством реставраций
Нарядных площадей в красе каймы,

Готическим собором грандиозным
Иль замком королевским на холме,
Откуда предстает обзор огромный
Столицы в нежно-голубой чалме...

Спускаюсь вниз и вижу базилику
Жиронимуш – великолепный храм.
Стою здесь у гробниц мужей великих, -
Кто славу заслужил своим делам!

Влечет к себе Вифлеемская башня, -
Красивейшей ее назвать дерзну.
А рядом памятник сынам бесстрашным,
Морской державой сделавшим страну.

Невольно восторгаюсь парком Наций,
Где ультрасовременный Лиссабон.
Изысками строительных новаций, -
Прорывом в будущее поражен!

Камоэнс не случайно этот город
Принцессою прекраснейшей назвал.
А мне он стал так близок и так дорог,
Что слов не хватит для моих похвал!

2017

Камоэнс – величайший поэт Португалии, живший в ХУ11 веке. Особенно страшным было землетрясение 1755 года, унесшее 80 тысяч жизней.

Раздел 4. Стихи о музыке

В московском доме Шаляпина

«Скорбит душа»... Так с думой о России
Предстанет пред народом царь Борис.
А завтра Досифей слова святые
Произнесет над Марфой: «Не смирись!»

И послезавтра желчный Мефистофель
Насмешки будет в Фауста бросать,
Иль Дон Базилио увидят профиль,
Иль на Сальери зависти печать...

Опять на сцене темный лес морозный, -
Сусанин за царя и Русь умрет,
Воскреснет царь Иван Васильич Грозный,
Князь Галицкий куражиться начнет...

Вот в особняк близ Кудринки вхожу я, -
Он чудом пережил пожар Москвы,
По комнатам с волнением брожу –
Приюту вдохновенья и любви.

Картинами богат, дом на пригорке
Людей притягивал со всех концов.
Кто только ни был здесь: Коровин, Горький,
Рахманинов, Нежданова, Серов...

Потом что было? Шквал переворота
Страну потряс, перевернул верх дном, -
И он запел «Дубинушку» с народом.
Так почему же свой покинул дом?

Как страстно он тогда в Россию верил!
Как о большом Искусстве он мечтал!
Но перед ним в Москву закрылись двери, -
И навсегда остался Федор там.

Кто те «борцы», что имя поносили,
Кто родины и звания лишал?
Известно ль им, что с думой о России
Он сотни раз Борисом умирал?

«Скорбит душа»... он умер на чужбине, -
Не так, как царь Борис - под русский звон.
Но вспомнила все ж Родина о сыне, -
И прах его России возвращен!

1991

***Примечание**. Здесь называются герои следующих опер, в которых пел Шаляпин: «Борис Годунов», «Хованщина», «Фауст», «Севильский цирюльник», «Псковитянка», «Князь Игорь».*

Американец в Париже

(Джордж Гершвин)

Американец бродит по Парижу...
Он молод. Джорджу тридцать лет всего.
Мотив парижских песенок он слышит, -
И вдруг родной чарльстон вокруг него!

В столице мира для какой он цели?
На родине и так он знаменит.
Но хочет брать уроки у Равеля.
Зачем? – Ты – Гершвин. Им лишь должен быть!

На улицах Нью-Йорка он учился, -
И ритмов прихотливых жаждал слух.
Не только в джаз, - и в классику влюбился, -
И от гармоний захватило дух...

И в сплаве строгих форм и ритмов блюза
Он выразит блеск жизни, пестроту.
Услышим в звуках нового союза
Великую Америки мечту!

Успех мюзиклов будет на Бродвее,
И Мексика, и Куба, Голливуд.
Любовь двух чернокожих вдруг согреет, -
И Порги с Бесс бессмертье обретут...

И пусть нередко в темы нежных блюзов
Свою Джордж меланхолию вливал,
Он дружен был со светоносной Музой, -
И в звуках море солнца излучал!

1996

***Примечание**. Стихи получили название от симфонической поэмы Гершвина «Американец в Париже».*

Муза Брамса

(Клара Шуман)

Внимаем с восторгом мы песням любви, -
И столько в них жизни, огня, упоенья!
Поют вместе четверо: счастье лови!
Но кто ты? Кто Муза его вдохновенья?

Пусть Гамбург, что миру такой дал талант,
Стыдится, что гений был признан не скоро.
Кто думал, что будет большой музыкант
Из нищего парня – простого тапёра?

Скорей в Дюссельдорф, где кумир его жил, -
Там Шуман, в мир грез погрузиться готовый,
Европе мелодии Брамса открыл,
Услышав в напевах дух времени новый.

Та встреча внезапно всю жизнь озарит, -
И Муза маэстро его станет Музой.
Он Кларе тот первый романс посвятит, -
Их «Верность в любви» свяжет в крепкие узы...

И в Вену спешит он, где Шуберт творил,
В тот город, что Гайдном и Моцартом дышит.
На улицах – там, где Бетховен бродил,
Народные песни чудесные слышит.

Как в музыке трио, квартетов, сонат,
Так Муза в Четвертой присутствовать будет.
Трагедию духа услышим опять,
И грезы о счастье в нас звуки пробудят.

Он знает, что болен и скоро конец, -
Кларнету доверив душевные муки.
И жалобу снова услышит Творец,
Что с Музой он был в непрестанной разлуке...

Внимаем с восторгом мы песням любви, -
И столько в них жизни, огня, упоенья!
Поют вместе четверо: счастье лови!
Ты, Клара, ты Муза его вдохновенья!

1996

***Примечания**. Под музой Брамса подразумевается жена Шумана Клара Шуман – замечательная пианистка и композитор. «Верность в любви» - название первого романса Брамса. В последние годы жизни композитор написал с участием кларнета две сонаты, трио и квинтет.*

Русь и Восток Глинки

Израиль. Вечер после новоселья.
Терраса. Музыкой залит эфир.
И с увертюрой, брызжущей весельем,
Вхожу я в стольный Киев-град на пир.

Пахнуло вдруг знакомым, сердцу милым, -
Вновь слышится Руси могучий дух.
Союз Руслана славит и Людмилы
Певец Баян, гостей лаская слух.

Пленилось вымыслом воображенье, -
Какой здесь для фантазии простор!
Внезапное невесты похищенье,
Огромной Головы погасший взор...

Слух усладят восточные картины:
Манящий путников девичий хор,
И танцы у волшебницы Наины,
И шествующий маршем Черномор...

Рожок поет о неге наслажденья,
Горит средь дев хазарский князь Ратмир, -
И Горислава муками томленья
Вернет его любовь и с нею мир.

Нет, не случайно страстное влеченье
К Испании у Глинки с юных лет, -
Зажжет пыл Хоты пламя вдохновенья,
Ночной Мадрид в душе оставит след...

Но чем роскошный аромат Востока
Так музу Севера очаровал?
Он звуками библейского Пророка
Вернуться в старый дом евреев звал!

1997

***Примечания**. Речь идет об увертюре к опере «Руслан и Людмила». Итогом путешествия Глинки в Испанию были испанские увертюры «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде». Под звуками библейского пророка подразумевается «Еврейская песня» Глинки на слова Н.Кукольника.*

Песня о земле

(Густав Малер)

Текла в нем семитская кровь от рожденья,
Но бедствия мира всей принял душой.
И каждое в звуках Густава творенье –
Вопль сердца, пронзенного болью большой.

Печальное шествие в траурном марше, -
То мыши кота провожают в слезах...
Картина всего мирозданья, как в шарже,
Стояла у Малера в грустных глазах.

Вокруг лихорадка наживы в натуре, -
Крушенье морали на грани веков.
И крах вековой европейской культуры
В Адажио Пятой оплачет он вновь.

И в музыке гневной, как нерв напряженья,
Нам слышится совести страшный вопрос:
Что ждет нас? Внезапно в Восьмой озаренье, -
Надежды сияющей апофеоз!

Он знает, что жить остается немного, -
И вырвется Песнь о Земле из груди.
То песня прощания с миром и Богом, -
То песнь состраданья на трудном пути...

1997

***Примечание**. Траурный (похоронный) марш – одна из частей Первой симфонии «Титан». Цифры Пятая и Восьмая означают номера симфоний. «Песнь о земле» для двух солистов, хора и оркестра – одно из последних произведений Малера на стихи китайских поэтов.*

Король канкана
(Жак Оффенбах)

Прощай, революции, войны.
Бурлит девятнадцатый век.
Во Франции сытно, спокойно, -
Империя правит разбег.

В изменах Прекрасной Елены
Дух нравов, как в зеркале, дан.
И на опереточной сцене
Кружится Париж под канкан...

Манящи любовные Сказки,
И Гофман покоя лишал –
Его, кто срывал с мира маски,
Сатирой Париж забавлял.

Вступает в седьмой Жак десяток,
И мало осталось пожить.
А зов баркаролы так сладок –
И сердце так жаждет любить!

Империя терпит крушенье.
- Настигнул его полный крах.
В Америке ищет спасенья
Сын раввина Жак Оффенбах.

Стремится, больной и усталый
Обратно в Париж, чтоб допеть.
Вот близок уже к идеалу.
Но жизнь обрывает вдруг смерть...

1998

***Примечания**. Имеется в виду оперетта «Прекрасная Елена». Лирическая опера «Сказки Гофмана» - последнее произведение Жака Оффенбаха.*

Песня о вольном ветре

(Исаак Дунаевский)

Когда-то «Дети капитана Гранта»
Своей романтикой зажгли меня.
Учился в те года на музыканта
И песню пел о вольном ветре я.

Прославился в тридцатые он годы, -
Энтузиазмом вся страна жила!
И были марши бодрые лишь в моде,
А песнь о Родине Союз весь обошла...

Но значит ли, что жил он беззаботно,
Не видя сталинский социализм?
Нет, как еврей, дышал он несвободно, -
Врагом объявлен космополитизм.

Любимцу публики удел достался:
Груз самой черной зависти терпеть,
На утвержденье, что, мол, исписался,
Он «Вольным ветром» яркий дал ответ!

Кто знал: в больном, уставшем человеке
Таился свет «Кубанских казаков».
Он жить хотел, мечтал о долгом веке,
Но с сердцем сладить не был он готов...

И поползли по свету злые слухи:
Виною сын в том деле громовом.
А он, даривший людям радость духа,
Просил одно: любили чтоб его!

1998

Примечания. *Фильмы «Дети капитана Гранта» и «Кубанские казаки» вышли с музыкой Дунаевского. Под борьбой с космополитизмом подразумевалась антисемитская кампания. «Вольный ветер» – одна из луч-*

ших оперетт Дунаевского. Громовое дело: несчастный случай на даче Дунаевского, к которому его сын Евгений имел косвенное отношение.

Русский в Азии

(Александр Бородин)

О родине какой поют в плену,
Печалясь, девы в стане половецком?
Как ту зовут прекрасную страну?
Хазарский край ли с Б-гом Иудейским?

Песнь Азии в чьем сердце родилась?
В певце Руси, ее нелегкой доли,
В ком верность русской женщины слилась
С размахом древней богатырской воли!

Кем в жизни был? Какой таил талант?
Ученый-химик, знавший код творений,
Великий композитор-музыкант.
Иль в нем был скрыт наставнический гений

Так чем его заворожил Восток?
Среди песков слышна грусть русской песни.
Тонущий в неге звуковой поток
Сливается вдруг с ней в союзе тесном...

Вот празднует победу хан Кончак
Средь дикого веселья и богатства.
Не зря ли он – князь Игорь, дружбы враг,
Отверг протянутую руку братства?

1998

Примечания. *Стан половецкий: место действия второго и третьего актов оперы «Князь Игорь». Среди песков: имеется в виду симфоническая поэма Бородина «В Среднее Азии».*

Из Нового света

(Антонин Дворжак)

О чем поет мелодия рожка,
Когда в оркестре бури отзвучали?
Откуда в ней безбрежная тоска
И дымка светло-нежная печали?

Америка. Великая из стран.
Он здесь при должности. В зените славы.
От чехов отделяет океан, -
И хлынули воспоминанья лавой.

Предстала с детства трудная судьба.
Вот первые уроки на органе.
Как жадно впитывал Антон в себя,
Что пели в поле чешские крестьяне.

Сам Сметана напутствовал его.
Ожил народный дух в Славянских танцах.
Их меланхолия и озорство
Недаром вызвали восторг у Брамса. ...

Есть всё в Нью-Йорке: доллары, почет.
А сердце в «Думках» раскрывает Музе.
Сливается теперь в потоке нот
Родная песня с негритянским блюзом.

Симфония рождается, квартет.
А в Чехии во всю цветут мимозы.
Танцует джаз, ликуя, Новый Свет,
Но в звуках Дворжака таятся слезы...

1998

Примечания. *Стихи получили название от Девятой симфонии Дворжака «Из Нового Света». Композитор в течение трех лет занимал должность директора Национальной консерватории в Нью-Йорке. Сме-*

тана (ударение на первом слоге) – основоположник чешской классической музыки. «Думки»: так называется трио ми минор для фортепиано, скрипки и виолончели.

Любовь вольна, как птица

(Жорж Бизе)

Пробродит по Парижу ночь, как тень,
Он после той, освистанной премьеры.
Чем в шок повергла публику Кармен?
И свист стоит в ушах сквозь хабанеру...

Он встретит Женевьеву – страсть свою, -
На свете нет прекрасней парижанки.
«Ивана Грозного» предав огню,
Жар сердца посвятит теперь цыганке.

Взят площадной для оперы сюжет.
Кармен права: любовь вольна, как птица.
Но плата есть. И эта плата – смерть.
А гибель в картах всей Судьбы таится.

Фиаско гений чувствует острей.
Дыханье жизни публику взбесило.
За брызги света в музыке своей
Заплатит очень скоро Жорж могилой...

1998

***Примечания**. Премьера оперы «Кармен» в Париже потерпела полный провал. Опера «Иван Грозный» предшествовала сочинению «Кармен». Бизе скончался спустя три месяца после премьеры «Кармен».*

Норвежский лебедь
(Эдвард Григ)

Я – бедный студент музыкального вуза.
Нежданно мне с неба свалилась халтура:
Играть с Китаенко (решила так Муза!)
В оркестре московского дома культуры.

И час был подобен прекрасному мигу, -
Его репетиции были нескучны.
В концерте мечтания юного Грига
Душе одинокой так были созвучны!

В Норвегии – родине бурь и снежинок
Звук эха средь скал так пугающе гулок.
И где-то в пещерах, в горах среди льдинок
Их – троллей встречал он во время прогулок...

Вдруг танец крестьян уловил ухом гений, -
Обдало могучей стихией народа.
И музыка Грига в минуты сомнений
Поддержкой мне будет на долгие годы.

А Сольвейг нас тронет печальною песней,
В ней вылив всю нежность любви бесконечной.
Как лебедь, Григ спел на прощанье чудесно
И дух мой унес в мир прекрасный и вечный...

1999

***Примечания**. Дмитрий Китаенко – известный российский дирижер. Халтура – сленговое слово у музыкантов, означающее случайный заработок на стороне. В концерте: имеется в виду фортепианный концерт. Тролли – сказочные подземные существа у норвежцев.*

Французский Бах
(Цезарь Франк)

Он на Алтарь симфонию вознес,
Как рыцарь, истово служивший Лире.
И в первых тактах слышится вопрос:
Где место человека в этом мире?

И первое Аллегро разовьёт
Он Истины мучительным исканьем.
Потом рожок для нас напев споет,
Подернутый тоской воспоминанья.

Кто вызвал эти звуки? – Цезарь Франк.
Был скромный органист и жил в Париже.
В фантазиях могуч, как мощный Ганг,
Он был, подобно Баху, к Б-гу ближе...

На вечные вопросы Бытия
Он в древней Библии искал ответы.
И, заповеди Б-га возлюбя,
Он Руфь и Ривке посвятил сюжеты.

Заканчивает свой напев рожок,
Захватывая грустью безысходной...
Настал финал – симфонии итог, -
И звуки к Свету вырвались свободно!

1999

***Примечания**. Франку принадлежит единственная симфония ре минор. Аллегро: часть симфонии в быстром темпе.*

Ленннградская симфония

(Дмитрий Шостакович)

Зал, стихнув, замер в нервном ожиданье,
И в напряженной, гулкой тишине
Оркестр запел о мирном созиданье
И новой жизни до войны в стране.

Уж год, как город на Неве в осаде.
А в зале филармонии Большом –
Бойцы и жители родного града,
Измученные голодом, огнем.

И мир другая музыка сменила, -
То марш, возникший вдруг из тишины.
Он грозно рос, как вражеская сила,
Звериный обнажая лик войны.

Казалось, этой силе, будто смерчу,
Ничто не может противостоять.
Но звуки протестуют против смерти,
Зовя дыханье жизни защищать!

Та тема – через жертвы и потери –
Предвестница Победы над врагом.
И Музыка вселяет в души веру,
Что человек осилит верх над Злом!

Она не только в зале бушевала,
Но, мщением кипя, неслась в эфир, -
В наушниках немецких зазвучала,
Собою заполняя целый мир

Нет силы на Земле, чтоб покорить
Народ, создавший Музыку такую.
Лишь гений Шостаковича, волнуя,
Мог этот подвиг творческий свершить!

2014

***Примечание**. Речь идет об исполнении Седьмой «Ленинградской» симфонии Д.Шостаковича в блокадном Ленинграде 9 августа 1942 года оркестром Ленинградского радиокомитета под управлением Карла Элиасберга.*

Раздел 5. Светлой памяти ушедших

Памяти сиониста и поэта Зеэва Жаботинского

Есть в Тель-Авиве институт,
Который носит это имя,
И прах Зеэва свято чтут
На той горе в Йерусалиме.

Не дожил он лишь восемь лет
До государства иудеев, -
Но за еврейством русским вслед
Служил всю жизнь он той идее.

Душа поэта в нем жила, -
Искал иного он удела.
Весть о погромах потрясла, -
И Слово он сменил на Дело!

Отныне всюду создавал
Отряды самообороны
И беззаветно воевал
В своем Еврейском легионе!

Нет, это не его Судьба –
Цель Сионистского конгресса.
Вооруженная борьба –
Вот путь, где можно ждать прогресса.

Почувствовав нацизма суть,
Евреев звал он в Палестину.
Но речь пророка снова тут
Осталась голосом в пустыне...

2001

***Примечание**. Жаботинский похоронен на горе Герцля. В 1935 году Сионистский конгресс отклонил идею создания Еврейского государства.*

Памяти профессора Семена Векслера

Корнями одессит и по рожденью,
Ташкенту отдал он немало лет.
Своим трудом, талантом, вдохновеньем
Надолго в нем оставил яркий след.

Интеллигент, наставник от природы,
Не мог без Музы он и дня и прожить.
Здесь, вОфакиме, несмотря на годы,
Он продолжал нам Музыку дарить.

Имея беспокойную натуру,
Пером владея также, как игрой,
Он в летопись израильской культуры
Большой внес вклад неоценимый свой.

И все ж недуг страданья увеличил,
Отняв возможность в залах выступать.
Ваш светлый образ, дорогой учитель,
Мы в сердце будем долго сохранять!

2004

Памяти поэта Владимира Добина

С потерей тяжко нам смириться
В день этот скорбный января.
Сегодня с ним пришли проститься
Коллеги, близкие, друзья.

Как журналист, он весь в кипенье
Себя работе отдавал.
Немногословен, скуп в общенье,
Он душу от людей скрывал.

Но обнажал себя до нерва
В стихах, как истинный поэт.
И сквозь трагизм эпохи-стервы
Он излучал надежды свет!

2005

Памяти профессора Григория Ивенского

Как тяжко терять нам друзей самых близких, -
Он – Грегори, был в Офакиме средь них
Был связан я дружбой с ним долгой и чистой, -
И вот его голос навеки затих...

Был интеллигент он и видный ученый,
Отдавший научным трудам много лет.
Душой сионист, он, в Израиль влюбленный,
В университете оставил свой след.

Григорий, служа всею страстью науке,
Искусству, культуре был также открыт, -
И сблизили нас дивной музыки звуки, -
Без них он не мыслил домашний свой быт.

Концертов он был посетителем давним,
Играть, сочинять был талант ему дан.
Собранием дома пластинок громадным
Гордиться он мог, как большой меломан.

И всё ж невозможно поверить мне в это –
Что нет его больше теперь среди нас
Вам, друг, посылаю прощальный привет я.
Мы с Вами, Елена, в столь горестный час...

2007

Памяти генерала Йекутиеля Адама

Наследник, продолжатель дела Маккавеев,
Адам избрал путь жизни своего отца.
Гордиться могут наши горские евреи,
Что дали миру Кути – славного бойца!

И стала Хагана его родным уделом,
Где он военное искусство постигал,
Где показал себя разведчиком умелым, -
В прославленном полку «Голани» воевал.

Его дар Божий командира проявился,
Когда враги теснили нас со всех сторон.
До званья генерала Кути дослужился, -
И Генеральный штаб почти возглавил он!

Но ждал его в засаде подлой у Бофора
Трагический конец в Ливанскую войну.
И память мы храним о воине-герое,
Кто жизнью защитил Еврейскую страну!

2007

Памяти журналиста Петра (Ханма) Агарунова

Прошел уж год, как он ушел из жизни,
Но боль утраты до сих пор живет.
Скорбит о нем еврейская Отчизна
Кем может так гордиться наш народ!

И вспоминаем снова мы сердечно
Его прекрасный образ – светел, чист.
Он в памяти останется навечно,
Как двигатель культуры, журналист.

Хаим своей энергией, талантом
Театр наш в Дербенте возродил.
Артистам и танцорам, музыкантам
Зеленый свет в Искусстве он открыл!

По праву его имя в Дагестане
Почетом с тех времен окружено.
И помнят Хаима в Таджикистане,
Где он оставил яркий след в кино.

Я не забуду нашей теплой встречи
С ним в городе Хадера, где он жил.
Почувствовал, послушав его речи,
Каким интеллигентом Хаим был!

Он говорил, что горские евреи
Должны в стране Израиля сберечь
Свое лицо, культуру, пламя веры
И передать сынам родную речь!

2007

Памяти пианиста Александра Бахчиева

Являлся маяком в искусстве
Он в наш жестокий, страшный век.
С какой любовью, тактом, чувством
Передавал он звуков бег!

Подвижник фортепьяно страстный,
Дарил он людям радость, свет.
Навек с Еленою Прекрасной
Вошел в историю дуэт.

Как больно было мне услышать,
Что нет его уже в живых...
Но в Музыке он занял нишу, -
Его в ней Голос не затих!

2008

Памяти Героя Советского Союза Шатиеля Абрамова

Как много вышло воинов из горцев,
Кто стал героем книжек и легенд.
Был Шатиель из тех же многоборцев, -
И миру подарил его Дербент.

Ведя на бой свой батальон пехоты,
Майор Абрамов трудный путь прошел
От Сталинграда – волжского оплота
До стен Берлина, где он мир обрел.

В сражениях с врагом добыл он славу
И подвигов немало совершил!
За ратный труд он, Шатиель, по праву
Ту Звездочку Героя заслужил!

Потом на фронте трудовом достойно
Себя он проявил, как в дни войны.
Наставник и ученый беспокойный,
Почетным стал нефтяником страны.

Мы юбилей Героя отмечаем,
Чей прах священный приняла Москва.
Главу пред памятью его склоняем,
Чье имя чтит народная молва!

2008

Памяти поэта и воина Монуваха Дадашева

Почти столетие назад в Дербенте
На свет явился горец Монувах,
Кто миру подарил стихи, легенды,
Кто в дни войны не знал ни разу страх.

Воспел он Дагестан, его природу,
И горных туров стройность, красоту,
Лишь там, в горах он чувствовал свободу,
Стремился гордым духом в высоту.

Воспел он образ Мазолут – горянки,
Кто смелый вызов бросила судьбе, -
Не захотела стать рабой, служанкой,
А быть, как все, и в жизни, и в борьбе!

Когда опасность над страной нависла,
Он сразу на ее защиту встал.
О родине тревожили все мысли, -
Как храбрый офицер, в бою он пал.

Пусть жизнь его была так быстротечна, -
Дано прожить всего лишь тридцать лет,
Он в памяти останется навечно,
Как воин, журналист, поэт!

2008

Памяти ветерана войны и поэта Давида Шабаева

Жизнь долгую прожил он, непростую, -
Был воином, участником войны.
Давид в архивы лепту внес большую, -
Как архивист, был нужен для страны.

Еще был верным другом и поэтом
С веселой поэтической душой.
Он радовал нас юмором и светом, -
И в творчестве был не знаком покой!

2009

Памяти академика и поэта Авраама Файиберга

Постигла нас тяжелая утрата, -
Ушел из жизни крупный наш поэт,
Кто пережил блокаду Ленинграда, -
Ушел мой друг, большой искусствовед.

Он был великим тружеником Слова,
Трудом заполнив все часы и дни.
А книги – жизни смысл его, основа –
Вошли все в Золотой наш фонд страны.

Мы вместе с Вами, дорогая Ольга,
Скорбим и плачем в этот горький час.
Но светлый образ Авраама долго
Храниться будет здесь – в сердцах у нас!

2010

Памяти поэта Амалдана Кукулду

Открыл я для себя немного поздно
Весь мир его, звенящий в синеве.
А ведь я мог с его душою звездной
Вдруг повстречаться где-нибудь в Москве!

Могли по тем же улицам московским
Бродить мы с ним в далекие те дни
И радоваться там весне чертовски, -
И с ним дышали б воздухом одним.

Но так случилось, что пути-дороги
У нас в столице русской разошлись.
Мы встретилисьв стране, нам данной Богом,
На поэтической тропе Земли.

В язык влюбленный нашего народа,
Явил он миру «Золотой сундук»,
Собрав богатства горских слов в походах
В единый сказочно-волшебный круг.

За справедливость он боролся с властью,
Ко всей Земле любовию дыша.
Пусть нет его, над миром с прежней страстью
Парит поэта гордая душа...

2010

Памяти драматурга и поэта Юно Семенова

Прошло немного – пять десятков лет,
Как в мир иной ушел наш соплеменник –
Юно – писатель, драматург, поэт,
Значительных событий современник.

Всю жизнь свою театру посвятил,
Который был его любовью страстной.
Юно себя в Дербенте проявил,
Как автор пьес и режиссер прекрасный.

И был влюблен он в горский наш язык,
Который у него блистал на сцене.
Он в тайну, в душу языка проник
И одарил нас юмором бесценным.

Юно и в драме также был силен,
Воспев высокую любовь Махсума.
И перемены в жизни горцев он
В театре отразил с глубокой думой.

Восторга не скрывая своего,
Мы чтим еще в нем яркого поэта.
Продолжим дело славное его
И от Юно подхватим эстафету!

2010

Памяти педагога и поэта Ефима Бланка

Та наша с Ефимом последняя встреча
Мне врезалась в память в ряду ярких снов.
Дышали радушьем, теплом его речи,
И он одарил меня книгой стихов.

Его поэтический мир мне открылся,
Духовной энергии несший заряд, -
И в строчках поэзии нежно светился
Любовью и смехом наполненный взгляд.

Наставник детей, педагог по призванью,
В душе он был лирик-поэт, рифмы друг.
И пусть всё пройдет, будет с жизнью прощанье, -
Душа вновь начнет в этом мире свой круг!

2011

Памяти художника Савелия Розенблюма

Увы, его уж нету с нами.
Увлажнены мои глаза.
В тот день свечи погасло пламя, -
Душа взлетела в небеса.

А ведь еще совсем недавно
Я с радостью встречался с ним.
Как мне общаться было славно
С таким художником большим!

А ныне в беэршевском доме
Висит его автопортрет, -
И смотрит на меня знакомый
Добрейший взгляд, несущий свет...

2011

Памяти тещи Иды Дынькиной

Как трудно смириться нам с этой утратой...
Она, дорогая, из мира ушла, -
Кто был в этой жизни нам светом, отрадой,
Кто мамой второй для меня здесь была.

Ее помним мы дружелюбною, доброй.
Была в труд зубного врача влюблена.
И не было ей в Красногорске подобной,
Кто мог бы работать с детьми, как она.

Живя ради дома, всю душу, все силы
Стремилась вложить в свой очаг и семью, -
Как бабушка, мама, супруга дарила
Родным всем и близким любовь всю свою.

Семен, Люда, Миша и Арик, я с вами,
Мои дорогие, в такую беду.
Душа Иды там, под святыми крылами,
Покой обретет вечный в Райском саду...

2012

Памяти историка и драматурга Ильи Анисимова

(К 150 – летию со дня рождения)

На Северном Кавказа в Дагестане
Родился у Шербета человек,
Кто летописцем наших предком станет
И тем прославит наш народ вовек.

Историк первый средь евреев горских,
Илья объехал весь почти Кавказ,
Чтоб из картин и радостных, и горьких
Составить исторический рассказ.

Всю душу, силы, всю любовь и знанья
Вложил ученый в свой огромный труд.
Открыл он миру, как, храня преданья,
Евреи средь Кавказских гор живут.

Обычаи, дух нашего народа
Сумел в своей он драме отразить.
Борьба Гузель за право на свободу
Примером вечным будет нам служить!

2012

***Примечание**. Илье Анисимову принадлежит единственная пьеса – драма «В горах Дагестана», посвященная нелегкой судьбе горской женщины.*

Памяти режиссера Игоря Мушкатина

Оделись в траур наши мысли, чувства, -
Представить трудно, что его уж нет.
Он жил, творил, дышал одним искусством
И в нем оставил свой глубокий след.

Учил он молодежь играть на сцене,
Весь жар любви театру отдавал.
И режиссерский труд его бесценен, -
Нас – публику всегда он удивлял.

И всё же главное его богатство –
Уменье сплачивать игрой людей.
Он создал молодых актеров братство,
Что в памяти хранят они своей.

Дарил прекрасные нам Игорь миги,
Когда в эфире голос тот звучал.
Нам имена людей больших, великих
Он каждую неделю открывал.

Те радиопрогулки с фраерами
Всегда с ним были рады совершить.
И пусть его теперь нет больше с нами,
Мы тот же путь готовы вновь пройти!

2013

***Примечание**. Игорь Мушкатин вместе с женой – Людмилой Мушкатиной был создателем и руководителем молодежного театра-студии «Мозаика» в Холоне. Одновременно он вел передачи на радио «Рэка».*

Памяти ветерана войны и профессора Марка Лурье

Весть о его болезни и кончине
Наполнила глубокой скорбью нас.
Рахель, знакома та же нам кручина, -
Мы вместе с Вами в этот горький час.

Судьба нелегкой жизнью одарила, -
Прошел бойцом дорогами войны.
Профессор и знаток автомобилей,
Был консультантом Марк для всей страны.

Ему мы благодарны бесконечно,
Что издавал с Рахелью «Наш район».
С любовью и заботою сердечной
Все силы отдавал газете он.

Израиль стал ему второй Отчизной,
И был он жизнелюбом до конца!
Но срок настал, и Марк ушел из жизни.
О нем мы память сохраним в сердцах!

2013

Памяти музыковеда Георгия Кантора

Его внезапная для всех кончина
Глубокой болью в нас отозвалась.
Мы потеряли яркого мужчину,
Коллегу, друга в этот горький час.

Он нес о музыке свое нам Слово
И помогал в ее проникнуть суть.
Он так писал, так говорил, что снова
Нам открывал к ее богатствам путь.

Он нам раскрыл во всем величье гений
Натана Рахлина, его расцвет.
Где б он ни жил, в том ореоле мнений
Везде оставил свой заметный след.

Его Казань вся помнит. И напевам
Готов был жар души он посвятить.
В Араде не забудут, в Беэр-Шеве, -
И в нашей памяти он вечно будет жить!

2013

Памяти поэтессы Маргариты Ногтевой

Ее кончина потрясла меня, -
Так для ее друзей была внезапна.
За месяц только до того мы дня
По телефону говорили славно.

Теперь понятна просьба та ее
Забрать с собой ее архив в Израиль.
Скрывала состояние свое,
Хоть знала: ангел Смерти меч направил.

Она ушла и не придет назад,
Но проза и стихи остались в книгах.
Они парадоксальностью дивят,
Меняясь в разных образах и бликах.

И невозможно без ее пера
Представить город, старую усадьбу,
Рассветы в Красногорске, вечера,
Старинный парк с ее душою как бы.

Прекрасен был наш творческий союз, -
Жить в памяти моей он будет вечно.
Поэтам-символистам – кругу муз
Платили дань мы с радостью беспечной!

2013

Памяти художника Леонида Клевицкого

Поверить трудно: близкого мне друга
Уж больше нет. Ушел ты в мир иной.
А ведь совсем недавно жал мне руку
И об искусстве говорил со мной.

И Офаким встает передо мною,
Где встретились мы двадцать лет назад.
На выставке, играя на гобое,
С тобой я познакомиться был рад.

Твои картины радостью светились,
Еврейский выражая взгляд на мир.
С той встречи наши музы подружились, -
Для нас был общим этой жизни пир!

Потом Фортуна со всего размаха
Нас разбросала всех туда-сюда.
И вот мы встретились в Кирьят-Малахи, -
Мои ты книги украшал тогда.

И вдруг – смертельная болезнь в Гедере...
Прощай же, Леня, друг мой дорогой!
Но твой Еврей, весь полный страстной веры,
Смотря со стенки, будет жить со мной!

2013

Памяти художника Симха Ашурова

Сегодня горе нас объединило, -
Покинул навсегда Симха наш круг.
Стоим, скорбя, сейчас у могилы, -
Он был большой художник, чуткий друг.

В своих картинах чудных, восхищаясь,
Воспел он родину свою – Дербент.
Красою горских женщин восторгаясь,
Возвел их на почетный постамент!

А сколько книг оформил, как художник, -
Их невозможно все пересчитать.
Он в ярких красках, Красоты заложник,
Умел людей, природу рисовать.

И расцвели его талант и Муза
В Израиле, в который был влюблен.
Как председатель нашего Союза,
Помог здесь многим живописцам он.

Всю жизнь Симха служил с высоким чувством
Прекрасному, горя огнем творца.
И, преклоняясь пред его искусством,
Мы память сохраним о нем в сердцах!

2014

Памяти ветерана войны и поэта Соломона Юханова

Как горько сознавать, что Соломона
Теперь на свете с нами больше нет.
Из сердца рвутся звуки плача, стона,
Что друг ушел, кого знал столько лет!

Как ветеран войны, он шел к Победе,
Участвуя в боях за Сталинград.
Освобождал Одессу, презирая беды
На улицах сражаясь, как солдат.

Ее почетным гражданином станет
Кавказа славный и достойный сын.
С Израилем потом судьбу он свяжет
В восторге от чудес его, святынь.

Он нес добро и состраданье людям,
Даря любовь им и надежды свет.
Его, как оптимиста, не забудем, -
Был весельчак он, балагур, поэт.

Прощайте, Соломон, мой друг прекрасный, -
Всем нам Вас будет очень не хватать.
Но в нашей памяти Ваш образ ясный
Мы будем очень долго сохранять!

2016

Памяти музыканта и писателя Владимира Фридмана

Уж несколько лет, как Володи нет с нами,
Но образ его, как живой, предо мной.
Мы были коллегами с ним и друзьями, -
Любившими музыку всею душой.

И помнит его беэршевский оркестр,
В котором он многие годы играл, -
И страстных, и нежных звучаний реестр
Легко на кларнете своем извлекал.

Нас также с Володей к могучему Слову, -
К поэзии, прозе роднила любовь.
Мы были по духу близки и по зову, -
Как будто текла в нас похожая кровь.

Со мною охотно он шел на общенье,
Желая узнать, что писал тогда я.
Плоды принимал моего вдохновенья,
Тепло каждый раз ободряя меня.

Но, странное дело, сам друг мой, скрывая,
Таил от меня сочиненное им,
Упорно делиться ни с кем не желая
Каким-то трудом сокровенным своим.

Берег неустанно свое он творенье
От взглядов чужих и житейских сует.
В нем Творчества тайно свершалось горенье, -
Всегда от Володи духовный шел Свет.

Из жизни он рано ушел, верный Лире,
Оставить успев свой заметный след в ней.
Да, не понапрасну он жил в этом мире, -
Обрел здесь бессмертие книгой своей.

В романе он верность свою исповедал
Религии предков, еврейским корням, -
О трудной еврейской судьбе он поведал
И душу еврея вознес к небесам!

2017

Раздел 6. Из лирики

Стихи по случаю новоселья

Друзья! Приветствовать так рад
Я вас на этом новоселье!
Недаром много лет подряд
Оно рифмуется с весельем.

В России наше бытиё
Всё заключалось в коммуналке.
Познал все прелести её:
Соседей войны, перепалки.

Мечталась мамочке моей
Всю жизнь отдельная квартира.
Но так и не достался ей
Пирог с общественного пира.

Я ту мечту осуществил
Здесь – на Земле Обетованной, -
Вот почему тут ощутил
Себя счастливым несказанно.

И рад, что в Беэр-Шеве я,
Где солнца много и простора,
Где рядом близкие друзья
И жить могу, как учит Тора.

Средь книг, пластинок хорошо
Парить мне в творчестве, как чайка.
Для счастья полного еще
Лишь не хватает мне хозяйки!

2007

На страже

Хотя будто начался «мирный процесс»,
Израиль, как прежде, в осаде, -
Арабов толкает по-прежнему бес
Страшить нас терактом в досаде.

И жизнь невозможно представить в стране
Теперь без охраны – «шомера».
В опаснейшей той, бесконечной войне
Он нас защитит с револьвером.

Куда ни пошли бы, везде он стоит,
Все входы собой прикрывая,
И просит авоськи и сумки раскрыть,
Все вещи у нас проверяя.

Ту вахту не только мужчины несут.
Вы, дамы, красой привлекая,
Пришли выполнять с риском связанный труд,
Боязни и страха не зная!

Наш стражник – он первый в незримом бою
Огонь на себя принимает.
За это почет я ему воздаю,
Чье мужество нас восхищает!

2007

Птички

Недавно в моем доме холостяцком
Обосновались новые жильцы:
Две птички-пинки с опереньем райским –
Из Таиланда звонкие певцы.

Живется мне теперь не одиноко.
Когда же утром пробуждаюсь я,
Пичужки, сидя в клетке невысоко,
Вдруг щебетом приветствуют меня.

Пусть, правда, мне прибавились заботы
С тех пор, как поселились птахи тут,
Но это ведь приятная работа –
Кормить, поить их, создавать уют!

Порой любуюсь ими на досуге:
Так хорошо им вместе быть вдвоем, -
Как голубки, милуются друг с другом,
Целуются и всё им нипочем!

Смотря на них, завидуешь невольно:
Как радостно житье у птиц моих.
И в мыслях размечтаешься привольно
О сладкой доле в доме для двоих!

2007

Руководителям и участникам семинара «Еврейская самоидентификация»

Друзья, подходит к окончанью
Наш любопытный семинар,
Где мы обогатились знаньем:
В чем он – наш иудейский дар?

Открылась новая страница:
«Кто он – еврей?» - нам в этот раз,
Чем может наш народ гордиться
И почему не любят нас?

Избрал нас Б-г не для того ли,
Чтоб свет Добра нести в сей мир?
Всегда ли нам хватает воли
Для всех примером быть самим?

Мы помним по стране поездки,
В Йерусалим – святой наш град.
Тогда первопроходцам дерзким
Труднее было во сто крат.

Перед угрозою арабской
Народ единым должен быть, -
Завет исполним тот, по-братски
Стремясь друг друга возлюбить!

2008

Сыну Арику по случаю окончания Тель-Авивского университета

Настал тот день, который все мы ждали:
Тебя поздравить, Арик дорогой,
С событием, открывшим жизни дали, -
Когда теперь вступаешь в путь большой.

Да, трудными четыре года стали, -
Учебе отдал юность ты свою.
Слова Суворова напоминали:
В ученье тяжело, легко в бою!

И стоила большого напряженья
Тебе учеба, надо нам признать,
Но проявил усердие в стремленье
Экзамены достойно все сдавать.

И вот закончил в двадцать три ты года
Наш Тель-Авивский университет.
И так случилось волей небосвода, -
Я кончил ВУЗ, – мне было столько ж лет!

И с армией отныне жизнь ты свяжешь,
И курсы офицеров ждут тебя.
Как инженер-механик там предстанешь
И полностью проявишь ты себя.

Готов ты к службе, Арик мой, я знаю, -
То лишь начало твоего пути.
Успехов, мужества тебе желаю, -
Ведь главный твой экзамен – впереди!

2008

Посвящение любимой

(из пьесы «Любовь горца)

Хочу в стихах воспеть я ту,
Пусть скромный дан мне дар поэта,
Кто стал дороже всех на свете
И в чью влюбился красоту!

Моя любовь к тебе не знает
Пределов, рамок и границ, -
Ее огонь во мне пылает,
Чарует взгляд из-под ресниц.

Изображали на картинах
Любимую во все века
Царицей мира, иль богиней,
Иль ангелом, чья плоть легка.

Но разве с кем-то ты сравнима?
Нет, в мире ты паришь одна!
И в слове том – «люблю» вместимо
Всё, что ты значишь для меня!

Тебе, Мазаль, - не бойся сглаза, -
Счастливой быть дано судьбой.
И я клянусь, как сын Кавказа,
Умрет любовь та лишь со мной!

2008

Мы победим!

На бой вновь наши призваны солдаты.
К войне мы в Газе перешли от слов.
Но разве прекращался бой когда-то?
То потухал, то вспыхивал он вновь.

Но сколько можно жить под вой сирены?
Терпеть обстрелы частые извне?
Был наш Сдерот ареной для мишени, -
Теперь весь юг во взрывах и огне.

Хамас и не скрывает злобной цели:
Лишить нас данной свыше нам земли.
Наносит раны, чтоб погибло тело, -
Уж восемь лет ракеты смерть несли.

Но нет, не из пугливых мы, евреи, -
Нам силы, мужества не занимать.
Давно всем показали Маккавеи,
Как мы с врагом умеем воевать!

Хоть у нас права на оборону,
Мир поднял лай с арабским воплем в тон.
И в том душонки подлой их основа:
Евреев можно бить, а их – не тронь!

Без гибели людей нет войн в помине, -
Победа дорого дается нам.
Но в жертвах в Газе сам Хамас повинен,
Живым щитом народ свой сделав там!

Дай Б-г нам воли, чтоб сраженье это
Мог до конца вести Йерусалим.
Другой у нас альтернативы нету, -

И страстно верю я: мы победим!

2009

Стихи о воде

Мы все живем в Израиле – стране, -
Там, где с водой всегда была нехватка.
А солнце жарит нас, как на огне,
И нам в жару приходится несладко.

С уходом лета радует погода, -
Дождь землю одарит прохладной влагой.
И оживает вновь у нас природа,
И наполняются сердца отвагой!

Есть реки, что текут вдоль тихих ив,
Маня к себе под синью небосвода.
Здесь отражен в Ярконе Тель-Авив,
Там Иордан несет святые воды...

И всю страну поит своей водой
Кинерет чудный – чаша голубая.
А сколько вод таится под землей,
Все выхода наружу ожидая!

2012

Дорогому Арику по случаю 30-летня

Я рад поздравить, Арик дорогой,
Тебя с тридцатилетним юбилеем!
Как быстро вырос ты, - Какой большой!
И с каждым годом, сын мой, ты взрослее.

Ты продолжаешь в армии служить, -
Стоять на страже родины почетно.
Враги хотят нас в море потопить, -
Но армия дать им отпор способна!

Со спортом, Арик, продолжай дружить, -
Чтоб был всегда здоровым, сильным, ловким.
Тебе желаю я туристом быть, -
Тем более, что есть пример отцовский.

Еще желаю я большой любви,
Которая дарит всем людям, счастье.
Желаю я создания семьи, -
Тогда познаешь жизнь со всею страстью!

2015

Реквием

Как ждали мы веселый наш Пурим!
В костюмы, маски нарядились дети, -
Как нетерпелось петь, смеяться им,
А улица манила пестрым цветом.

Что было дальше – знаем только мы, -
Как взрывом все тела их разбросало,
Как души поглотила пропасть Тьмы,
Как в клочья их одежду разорвало...

Что человеческая жизнь для них –
Самоубийц? – Ничто, пустые речи.
На сердце боль... Шум праздника утих.
Мы по погибшим зажигаем свечи.

Пора усвоить недругам давно:
Вы не прочтете страх на наших лицах.
Убить евреев не было дано
В те дни – во времена Эстер-царицы.

Столетья продолжается раздор
Евреев и арабов меж собою.
Не завершен тот изначальный спор –
Кому владеть библейскою землею.

Творим кадиш у вырытых могил, -
На сердце скорбь, в слезах мы и угрюмы.
Но чувство мщенья и прибавку сил
Куски рождают детского костюма!

2017

Содержание

ОТ АВТОРА 5
Эпиграф 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЮЗ ДВУХ МУЗ
(СТИХИ О МУЗЫКЕ)

Раздел 1. Классики и романтики
Музыке 13
Итальянское барокко 14
Вселенная Баха 15
Звучит Иоганн Себастьян Бах 16
Гендель в Израиле 17
Улыбка Гайдна 18
Моцарт (два сонета) 19
Судьба Бетховена 20
Путь к Радости (Девятая симфония Бетховена) 21
Серенада Шуберта 23
Песня без слов Мендельсона 24
Грезы Шумана 25
Сердце Шопена 26
Звучит Шопен 27

Раздел 2. Русская Симфония
Музыканты на Арбате 28
У дома Чайковского 29
В гостях у Чайковского(Дом в Клину) 30
Океан-море-синее Римского-Корсакова 32
По прочтению псалма (Танеев в Дютькове) 33
Скрябин на Арбате 34
Весна Рахманинова 35
Музыка весны 36

Тема Прокофьева 38
Подвиг Шостаковича 39
Синяя птица Наталии Сац 40
Академия музыки 41
Играет Святослав Рихтер 42

Раздел 3. Еврейский напев

Еврейский мотив 44
Фрейлекс 46
Праведник мира 48
Вокализ 49
Хава Нагила 49

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РОССИЯ ИЗДАЛЕКА
(СТИХИ О МОСКВЕ И РОССИИ)

Раздел 1. На семи холмах московских

«Патриотам» России 52
Ода Москве 53
Кремль 54
Красная площадь 55
Замоскворечье 56
Новодевичье кладбище 57
В Главном ботаническом саду 58
Воробьевы горы 59
Останкино 60

Раздел 2. Мои московские адреса

Красноармейская, 59 61
Варсонофьевский, 8 63
4-ая улица Марьиной рощи, 17 64

Раздел 3. Страна моя Арбатская

В Арбатских переулках 66

Прогулка по Арбату 68
В доме Лермонтова на М.Молчановке 69
У дома Андрея Белого 70
Приют Бальмонта 71
Москва Марины Цветаевой 72
Поединок Булгакова 73
Поэты на Арбате 75

Раздел 4. Их след остался в Москве

У памятника Пушкину 77
Дорога к Есенину 79
Волошин в Москве 80
Бесстрашная лира Мандельштама 81
Муза печали Анны Ахматовой 82
Жизнь и судьба Василия Гроссмана 83
Театр Райкина в Марьиной роще 85

Раздел 5. Под властью диктатуры

Размышления у Мавзолея (Триптих) 87
У кремлевских могил 92
Могила Неизвестного солдата 93

Раздел 6. Природа Подмосковья

Ожидание весны 95
Подмосковье 95
Полевшина 96
Заветы Ильича 97
Велосипед и природа 99
Встреча с усадьбой 100
Утро в Архангельском 101
Прощай, Клязьма! 102
На отъезд из Звенигорода 103
Новый Иерусалим (Истра) 104

На Истре 105

Раздел 7. Обители священных муз

Посещение Михайловского (Пушкин) 107
Пушкин в Архангельском 108
Лермонтов в Середникове 109
Некрасов в Карабихе 110
В гостях у Толстого 111
Музы в Красногорске 112
Блок в Подмосковье 113
У могилы Пастернака (Переделкино) 114

Раздел 8. На речных просторах

На поле Куликовом 116
По Волге 116
Плес на Волге (Левитан) 118
Нижний Новгород 118
По Каме и Белой 119

Раздел 9. Северный край

Ленинграду 121
В доме Анны Ахматовой 122
На Онежском озере 123
Город на Даугаве 124

Раздел 10. Под синим небом Тавриды

Встреча с Крымом 125
В парке Салгирка 125
Отдых в Евпатории 126
В древнем Херсонесе 127
На горе Митридат 128

Раздел 11. Стена горных вершин

На родине предков 129

Кавказ 130
Кисловодск 131
Лермонтов в Пятигорске 132
Ворота Каспия 133
Воспоминание об Армении..... 134
Страна души (Абхазия)..... 136

Раздел 12. Возвращение к корням

Песах в Москве..... 138
Прощание 139

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ
(СТИХИ ОБ ИЗРАИЛЕ)

Раздел 1. Постижение страны

Моим читателям 142
Исход 142
Встреча с Иерусалимом..... 143
Город мира 144
У стены плача..... 145
На горе Герцля..... 146
День Памяти 147
По дорогам Израиля 148
Кастель 150
Весна в Иудейских горах 151
Огненный свиток 152
У могилы Артура Рубинштейна 153
Модиин..... 154
Неот Кдумим весной 155
Неот Кдумим осенью 156
Древний Хеврон 157
В древнем Яффо..... 159
Тель-Авив с высоты птичьего полета 160

Микве-Исраэль 161
Неве Цедек 163
Тель-Авивское кладбище 164
В доме Бялика 165
Соленое море 166
Кумран 167
Подъем на Мецаду 167
Тель-Шило 169
Голанские высоты 170
Раскопки в Ашкелоне 171
Песнь о Негбе 172
Город пещер 173
Колодцы Беэр-Шевы 175
Город горизонтов (Офаким) 176
Офакимский вальс 177
Несущие факел 178
Заповедник Бесор 179
Сде-Бокер 180
В парке Тимна 181

Раздел 2. Время радоваться

Песах в Иерусалиме 183
Шавуот 183
Суккот. Симхат-Тора 184
Ханукальные деньги 186
На юбилей Израиля 188

Раздел 3. Из лирики

Жажда любви 190
Мама 190
Тайна жизни 191
Ода искусству 193

Раскрепощение 194
Отчаяние 195
Одиночество 195
Тайна любви 196
Немного о чуткости 197
Грёзы 198
Первая любовь 199
Л. С. Д. 200
Стихи по случаю рождения сына 201
Стихи к портрету 202
Женщине 203
Власть женщины 204
Конкурс красоты 204
Прекрасному полу 205
Стихи на юбилей (50-летие) 206
Моя королева 207
Ласка 207
Прощай, археология! 208
Узникам Сиона 209
Испанская гитара 210
Разговор с котом 211
Пушкинский талисман 212
На 2000-ый год 213

Раздел 4. Последнее прощание

Памяти профессора А.В.Петрова 214
Памяти академика А.Д.Сахарова 215
Памяти генерала Мордехая Гура 216
Памяти поэта Иосифа Бродского 216
Памяти актера Зиновия Гердта 217
Памяти композитора Альфреда Шнитке 218

Памяти поэта Ильи Бокштейна 219

Раздел 5. В стране пирамид

Синай 220
Каир 220
Пирамиды 221
Сфинкс 221
Мемфис 222

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. НОВЫЕ СТИХИ

(2001 – 2017)

Раздел 1. Стихи об Израиле

Стихи на юбилей (на 60-летие) 224
Стена в Гило 225
Синагога Маон 226
Тель-Мегидо 226
В Кейсарии 227
В доме Ханы Сенеш 228
Горы Гильбоа 229
В Циппори 230
Бейт Шеарим 231
Снег на Голанах 232
Кинерет 232
Заповедник Гамла 233
Прогулка по Цфату 234
В Тверии 235
В старом Акко 236
В древнем Бейт Шеане 237
Офакимские ночи 238
Прогулка по Кинерету 239
Тель-Хай 240
В Эйлате 240

В кибуце Дгания 241
На родине Наоми Шемер (Кинерет) 242

Раздел 2. Стихи о России

Новая встреча 244
В Ивановке 245

Раздел 3. По городам и странам

В столице Эллады (Афины) 247
За Иорданом (Петра) 248
Венский вальс 250
Сказки Венского леса 250
В Зальцбурге 251
В Мюнхене 252
Замок Нойшванштайн 254
Город Большого яблока 255
Прощание с Парижем 256
Чао, Италия! 257
В старой Англии 259
Европа без галопа 260
Испания, виват! 261
Освенцим 262
Еврейская Прага 263
Трагедия испанского еврейства 264
Город контрастов 265

Раздел 4. Стихи о музыке

В московском доме Шаляпина 267
Американец в Париже 268
Муза Брамса 269
Русь и Восток Глинки 270
Песня о земле 272

Король канкана 273
Песня о вольном ветре 274
Русский в Азии 275
Из Нового света 276
Любовь вольна, как птица 277
Норвежский лебедь 278
Французский Бах 279
Ленинградская симфония 280

Раздел 5. Светлой памяти ушедших

Памяти сиониста и поэта Зеэва Жаботинского 282
Памяти профессора Семена Векслера 283
Памяти поэта Владимира Добина 283
Памяти профессора Григория Ивенского 284
Памяти генерала Йекутиеля Адама 285
Памяти журналиста Петра (Хаима) Агарунова 285
Памяти пианиста Александра Бахчиева 286
Памяти Героя Советского Союза Шатиеля Абрамова .. 287
Памяти поэта и воина Монуваха Дадашева 287
Памяти ветерана войны и поэта Давида Шабаева 288
Памяти академика и поэта Авраама Файнберга 289
Памяти поэта Амалдана Кукуллу 289
Памяти драматурга и поэта Юно Семенова 290
Памяти педагога и поэта Ефима Бланка 291
Памяти художника Савелия Розенблюма 291
Памяти тещи Иды Дынькиной 292
Памяти историка и драматурга Ильи Анисимова 292
Памяти режиссера Игоря Мушкатина 293
Памяти ветерана войны и профессора Марка Лурье ... 294
Памяти музыковеда Георгия Кантора 295
Памяти поэтессы Маргариты Ногтевой 295

Памяти художника Леонида Клевицкого 296
Памяти художника Симха Ашурова 297
Памяти ветерана войны и поэта Соломона Юханова .. 298
Памяти музыканта и писателя Владимира Фридмана. 298

Раздел 6. Из лирики

Стихи по случаю новоселья 300
На страже 301
Птички 301
Руководителям и участникам семинара
«Еврейская самоидентификация» 302
Сыну Арику по случаю окончания
Тель-Авивского университета 303
Посвящение любимой 304
Мы победим! 305
Стихи о воде 306
Дорогому Арику по случаю 30-летия 306
Реквием 307

СПИСОК КНИГ ВЯЧЕСЛАВА ДАВЫДОВА

СОЮЗ ДВУХ МУЗ. Стихи о музыке. 72 стр., Беэр-Шева, 1996

РОССИЯ ИЗДАЛЕКА. Книга стихов. 171 стр., Тель-Авив, 1998

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ. Сборник стихов. 208 стр., Пилиес студио, Тель-Авив, 2001

В РОССИИ СПУСТЯ 14 ЛЕТ. Путевой очерк. 77 стр., Беэр-Шева, 2006

КНИГА СТРАНСТВИЙ. Путевые очерки. 255 стр., Беэр-Шева, 2007

ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ. 1-ое издание, 177 стр., Мирвори, Натания, 2007

ЛЮБОВЬ ГОРЦА. Повесть для театра. 105 стр., Мирвори, Натания, 2009

ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ. 2-ое дополненное издание, 227 стр., Мирвори, Натания, 2009

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА. Пьеса. 81 стр., Израиль, 2010

РАЗВОД ПО-КАВКАЗСКИ. Комедия. 22 стр., Хронометр № 21, Тель-Авив, 2010

ЭТО ИЗРАИЛЬ! Пьесы. 200 стр., Терра инкогнита, Тель-Авив, 2011

ВРЕМЯ ЖЕНИТЬСЯ. Комедия. 11 стр., Хронометр № 24, Тель-Авив, 2011

КАЗАНОВА ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА. Пьеса. 66 стр., Беэр-Шева, 2012

ВОИН, ОБЩЕСТВЕННИК, ПОЭТ. О ветеране войны и труда С.Н.Юханове. 92 стр., Терра инкогнита, Тель-Авив, 2013

СО МНОЮ ТЫ, ЮНОСТЬ МОЯ. Автобиографическая проза. 424 стр., Терра инкогнита, Тель-Авив, 2014

ЗАПИСКИ ИЗРАИЛЬСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА. Путевые очерки. 181 стр., Беэр-Шева, 2015

О ЛЮДЯХ, ОБ ИСКУССТВЕ, О СЕБЕ. Сборник статей и рассказов. 650 стр., Терра инкогнита, Тель-Авив, 2015

ВОЖДЬ ПРОТИВ ФЮРЕРА. (Репортаж с того света). Пьесы. 330 стр., Терра инкогнито, Тель-Авив, 2016

ЗАМЕТКИ ТУРИСТА. Путевые очерки. 168 стр., Беэр-Шева, 2017

ПРОЙДЯ СВОЙ ЖИЗНИ ПУТЬ ДО СЕРЕДИНЫ,
КАК ДАНТЕ, Я НАЗАД НАПРАВЛЮ СВЕТ,
ЧТОБ ОЗАРИТЬ ВСЮ ПРОШЛОГО КАРТИНУ -
ЧТО СОВЕРШИЛ ЗА СЕМЬ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ.
ПУСТЬ ВРЕМЯ МЧИТСЯ ВДАЛЬ НЕОТВРАТИМО,
Я ПОЛОН НОВЫХ СИЛ ВПЕРЕД ИДТИ,
И ТВОРЧЕСТВОМ, КАК ПРЕЖДЕ, ОДЕРЖИМ Я,
И КАЖЕТСЯ, - ЕЩЕ ВСЁ ВПЕРЕДИ!

